

Երևան քաղաքում Մոսկվայի Մ.Վ. Լոմոնոսովի անվան պետական
համալսարանի մասնաճյուղ

Филиал Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова в г. Ереване

M. Lomonosov Moscow State University, Yerevan branch

ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ

Գիտամեթոդական հանդես

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ

Научно-методический журнал

MAIN ISSUES IN MODERN RUSSIAN STUDIES

Scientific Methodological Journal

5 (9)

ԵՐԵՎԱՆ 2020

ЕРЕВАН 2020

YEREVAN 2020

*Երաշխավորվել է տպագրության Երևան քաղաքում Մոսկվայի Մ. Վ. Լոմոնոսովի
անվան պետական համալսարանի մասնաճյուղի գիտական խորհրդի կողմից*

*Печатается по решению Ученого совета филиала Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова в г. Ереване*

*Reprinted by decision of the Academic Council of the branch of the Moscow State Univer-
sity M.V. Lomonosov in Yerevan*

«ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ» գիտամեթոդական հանդեսի առաքելությունը ՀՀ-ում ռուսագիտության՝ որպես լեզվաբանության ճյուղի մասսայականացումն է, ռուսաց լեզվի ուսումնասիրման նկատմամբ հետաքրքրություն առաջացնելը, օտարերկրյա հետազոտողների ուշադրությունը հայ գիտնականների մշակումներին հրավիրելը, դրանով իսկ հայ ռուսագիտության մասսայականացումն է, համատեղ ծրագրերի, դրամաշնորհների մշակման հնարավորության ընձեռումը, մագիստրոսների ներգրավումը հետազոտական աշխատանքներին:

Назначение научно-методического журнала **«ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ»** рассматривается нами в ракурсе популяризации в РА русистики как отрасли языкознания, привлечения интереса к изучению русского языка, привлечения внимания зарубежных исследователей к разработкам армянских ученых и тем самым популяризации армянской русистики, возможности разработки совместных проектов, грантов и пр., привлечения магистрантов к научно-исследовательской работе.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ // Научно-методический журнал, №5 (9). /
Глав. ред. Саркисян И.Р.; сост.: Акопян А.С. – Ереван: Изд-во МГУ, 2020. – 180 с.

ISSN 1829-4820

*Журнал входит в список
периодических изданий ВАК РА*

ORCID: 0000-0001-9263-6791

© *Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Ереване*

Հասցե՝ ՀՀ, Երևան, Վարդանանց 17, հեռ՝ (+37411) 900 110 – 101, 102:
Наш адрес: РА, г. Ереван, ул. Вардананц 17; тел. (+37411) 900 110 – 101, 102.
Address: Vardanants St. 17, Yerevan, RA; tel.: (+37411) 900 110 – 101, 102.
Էլեկտրոնային փոստ՝ (электронная почта) e-mail: po@msu.am

ԳԻՏԱՄԵԹՈՂԱԿԱՆ ՀԱՆՐԵՍ
«ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ»

ԽՄԲԱԳՐԱԿԱՆ ԽՈՐՀՐԴԻ ՆԱԽԱԳԱՀՆԵՐ

ՌԵՅՄԵՐՍ Ա.Ն. – Երևանում ՄՊՀ մասնաճյուղի տնօրեն, երկրաբանական-հանքաբանական գիտությունների թեկնածու

reymers@msu.am

ՍԱՏԱՐՅԱՆ Պ.Դ. – Երևանում ՄՊՀ մասնաճյուղի տնօրեն, տնտեսագիտական գիտությունների թեկնածու

psafaryan@msu.am

ԲԱՂԻՅԱՆ Ժ.Գ. – Երևանում ՄՊՀ մասնաճյուղի ուսումնական զծով տնօրենի տեղակալ, բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ

zbaghiyan@msu.am

ԳԼԽԱՎՈՐ ԽՄԲԱԳԻՐ

ՍԱՐԳՍՅԱՆ Ի.Ռ. – Մանկավարժական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր, Կրթության Միջազգային ակադեմիայի ակադեմիկոս, ՌԴ Կրթության և դաստիարակության ակադեմիայի իսկական անդամ, Ռուս-Հայկական համալսարանի ռուսաց լեզվի և մասնագիտական հաղորդակցության ամբիոնի պրոֆեսոր, Խաչատուր Աբովյանի անվան հայկական պետական մանկավարժական համալսարանի ռուսաց լեզվի ամբիոնի պրոֆեսոր – innasargsyan@gmail.com

ՊԱՏԱՄԽԱՆԱՏՈՒ ՔԱՐՏՈՒՂԱՐ

ՄԽԻԹԱՐՅԱՆ Ա.Մ. – Խաչատուր Աբովյանի անվ. հայկական պետական մանկավարժական համալսարանի Ա. Տեր-Գրիգորյանի անվան մայրենիի և նրա դասավանդման մեթոդիկայի ամբիոնի դոցենտ, բանասիրական գիտությունների թեկնածու – mkhitaryanarmenuhi42@aspu.am

ԽՄԲԱԳՐԱԿԱՆ ԿՈՒԵԳԻԱ

ԱԲՐԱՀԱՄՅԱՆ Կ.Շ. – Վ. Բրյուսովի անվան ԵՊՀ-ի լեզվաբանության և հաղորդակցության տեսության ամբիոնի պրոֆեսոր, բանասիրական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր – kabrahamyan15@yahoo.com

ԱՄԻՐԻՔԱՆՅԱՆ Մ.Գ. – Վ. Բրյուսովի անվան ԵՊԼՀ-ի Ռուսաց լեզվի և ռուս մշակույթի կենտրոնի ղեկավար, «Հայաստան-Ռուսաստան» միության նախագահ (AOKC), բանասիրական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր – m.amirkhanyan@yahoo.com

ԱՄԻՐԻՔԱՆՅԱՆ Ա.Ս. – Խաչատուր Աբովյանի անվան հայկական պետական մանկավարժական համալսարանի արտասահմանյան գրականության ամբիոնի դոցենտ, բանասիրական գիտությունների թեկնածու
amirkhanyananahit03@aspu.am

ԲԱԼԱՍՅԱՆՅԱՆ Լ.Գ. – ՀՀ կրթության և գիտության նախարարության հանրակրթական դպրոցների առաջատար մասնագետ, ՀՀ ռուսաց լեզվի ուսուցիչների ստոգիացիայի նախագահ, Խաչատուր Աբովյանի անվ. հայկական պետական մանկավարժական համալսարանի օտար լեզուների դասավանդման մեթոդիկայի ամբիոնի դոցենտ, մանկավարժական գիտությունների թեկնածու

balasanyanliliya35@aspu.am

ԲՈԳԴԱՆՈՎԱ Լ.Ի. – Մ.Վ. Լոմոնոսովի անվան ՄՊՀ օտար լեզուների և տարածաշրջանաբանության ֆակուլտետի լեզուների համեմատական ուսումնասիրման և տարածաշրջանաբանության ամբիոնի պրոֆեսոր, բանասիրական գիտությունների դոկտոր

libogdanova1@mail.ru

ԲՐՈՒՏՅԱՆ Լ.Գ. – Երևանի պետական համալսարանի ռուս լեզվաբանության, լեզուների տիպաբանության և միջմշակութային հաղորդակցության ամբիոնի վարիչ, բանասիրական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր – lilit.brutian@gmail.com

ԳՐԻԳՈՐՅԱՆ Վ.Հ. – Ռուս-Հայկական համալսարանի ռուսաց լեզվի և մասնագիտական հաղորդակցության ամբիոնի դոցենտ, մանկավարժական գիտությունների թեկնածու

violetta.grigoryan@rau.am

ԳՐԶԵԼՅԱՆ Ռ.Ռ. – Երևանի պետական համալսարանի ռուս լեզվաբանության, լեզուների տիպաբանության և միջմշակութային հաղորդակցության ամբիոնի պրոֆեսոր, բանասիրական գիտությունների դոկտոր

ruzangrdzelyan@gmail.com

ԴՈՐՈՍԿԼՈՆՍԿԱՅԱ Տ.Գ. – Մ.Վ. Լոմոնոսովի անվան ՄՊՀ օտար լեզուների և տարածաշրջանաբանության ֆակուլտետի լեզվաբանության, թարգմանության և միջմշակութային հաղորդակցության ամբիոնի պրոֆեսոր, բանասիրական գիտությունների դոկտոր

tatdobro@mail.ru

ԵՖՐԵՍՈՎ Վ.Ա. – Ռուսաստանի պետական մանկավարժական համալսարանի ռուսաց լեզվի ամբիոնի պրոֆեսոր, բանասիրական գիտությունների դոկտոր (Սանկտ-Պետերբուրգ)

valef@mail.ru

ԼԵՎԻՑԿԻ Ա.Է. – Մ.Վ. Լոմոնոսովի անվ. ՄՊՀ օտար լեզուների և տարածաշրջանաբանության ֆակուլտետի լեզվաբանության, թարգմանության և միջմշակութային հաղորդակցության ամբիոնի պրոֆեսոր, բանասիրական գիտությունների դոկտոր

andrelev@list.ru

ԽԱՉԻԿՅԱՆ Ա.ՅԱ. – Վ. Բրյուսովի անվան ԵՊԼՀ-ի Ռուսաց լեզվի և ռուս մշակույթի կենտրոնի գիտական խորհրդատու, բանասիրական գիտությունների դոկտոր – anaidakh@inbox.ru

ՀԱԿՈՒՅԱՆ Կ.Ս. – Ռուս-Հայկական համալսարանի ռուսաց լեզվի և մասնագիտական հաղորդակցության ամբիոնի վարիչ, բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ; պրոֆեսորի պաշտոնակատար

karen.hakobyan@rau.am

ՀԱՐՈՒԹՅՈՒՆՅԱՆ Հ.Ժ. – Երևանի պետական համալսարանի համաշխարհային պատմության ամբիոնի դոցենտ, պատմական գիտությունների դոկտոր (ՌԴ, ՀՀ)

hakobinna@rambler.ru

ՀՈՎՀԱՆՆԻՍՅԱՆ Կ.Հ. – Երևանի պետական համալսարանի հումանիտար ֆակուլտետների ռուսաց լեզվի ամբիոնի ասիստենտ, բանասիրական գիտությունների թեկնածու

karinahov@yahoo.com

ՄԱՆՈՒԿՅԱՆ Ի.ՅՈՒ. – Խաչատուր Աբովյանի անվան հայկական պետական մանկավարժական համալսարանի ռուսաց լեզվի ամբիոնի դոցենտ, մանկավարժական գիտությունների թեկնածու

manukyanirina04@aspu.am

ՄԱԹԵՎՈՍՅԱՆ Լ.Բ. – Երևանի պետական համալսարանի ռուս լեզվաբանության, լեզուների տիպաբանության և միջմշակութային հաղորդակցության ամբիոնի պրոֆեսոր, բանասիրական գիտությունների դոկտոր
lianna.matev@gmail.com

ՄԻԼՈՍԼԱՎՄԿԻ Ի.Գ. – Մ.Վ. Լոմոնոսովի անվան ՄՊՀ օտար լեզուների և տարածաշրջանաբանության ֆակուլտետի լեզուների համեմատական ուսումնասիրման ամբիոնի վարիչ: ՄՊՀ բանասիրական ֆակուլտետի ռուսաց լեզվի ամբիոնի պրոֆեսոր, բանասիրական գիտությունների դոկտոր – igormil@hotmail.com

ՄՈԼՉԱՆՈՎԱ Գ.Գ. – Մ.Վ. Լոմոնոսովի անվան ՄՊՀ օտար լեզուների և տարածաշրջանաբանության ֆակուլտետի դեկան, բանասիրական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր
dean@ffl.msu.ru

ՄՈՎԷԵՅՈՎԱ Ի.Վ. – Մ.Վ. Լոմոնոսովի անվան ՄՊՀ օտար լեզուների և տարածաշրջանաբանության ֆակուլտետի ազգային գրականությունների և մշակույթների համեմատական ուսումնասիրման պրոֆեսոր, մշակութաբանության դոցենտ, բանասիրական գիտությունների դոկտոր
irvasmok@mail.ru

ՕՍԻՊՈՎԱ Ա.Ա. – Բանասիրության ինստիտուտի փոխտնօրեն, ընդհանուր և կիրառական լեզվաբանության ամբիոնի դոցենտ, բանասիրական գիտությունների դոկտոր, դոցենտ (Մոսկվա)
aa.osipova@mpgu.edu

ՎԱՐԴԱՆՅԱՆ Ա.Գ. – Վ. Բրյուսովի անվան ԵՊԼՀ-ի ռուսաց և սլավոնական լեզվաբանության ամբիոնի վարիչ, բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ
anahit-1@mail.ru

ՏՍՏԿԱԼՈՆ Ն.Ի. – Վ. Բրյուսովի անվան ԵՊԼՀ-ի Ռուսաց լեզվի և միջմշակութային հաղորդակցությունների ֆակուլտետի դեկան, ռուսաց և սլավոնական լեզվաբանության ամբիոնի վարիչի պաշտոնակատար, մանկավարժական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր
ninatatkalo@mail.ru

ՏԵՐ-ՄԻՆԱՍՈՎԱ Ս.Գ. – Մ.Վ. Լոմոնոսովի անվան ՄՊՀ օտար լեզուների և տարածաշրջանաբանության ֆակուլտետի նախագահ (ՄՊՀ ռեկտո-

րի խորհրդական), Մ.Վ. Լոմոնոսովի անվան ՄՊՀ վաստակավոր պրոֆեսոր – president@ffl.msu.ru

ՏՈՎԱՐԵՎ Գ.Վ. – Լ. Տոլստոյի անվան Տուլայի պետական մանկավարժական համալսարանի թղթաբանության և ռուսաց լեզվի ոճաբանության ամբիոնի պրոֆեսոր, բանասիրական գիտությունների դոկտոր
grig72@mail.ru

ՏԵԽՆԻԿԱԿԱՆ ԽՄԲԱԳԻՐ

ՀԱԿՈԲՅԱՆ Ա.Ս. – Հայ-Ռուսական (Սլավոնական) համալսարանի ռուսաց լեզվի և մասնագիտական հաղորդակցման ամբիոնի ավագ դասախոս, Խաչատուր Աբովյանի անվան հայկական պետական մանկավարժական համալսարանի ռուսաց լեզվի ամբիոնի դասախոս
armen.hakobyan@rau.am, hakobyanarmen04@aspu.am

ՄՐԲԱԳՐԻՉՆԵՐ՝

ՀԱԿՈԲՅԱՆ Ա.Ս. (ռուսերեն), **ՄԽԻԹԱՐՅԱՆ Ա.Ս.** (հայերեն),
ՄՈՒՐԱՂՅԱՆ Կ.Գ., **ՀԱԿՈԲՅԱՆ Վ.Վ.** (անգլերեն)

**НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ»**

ПРЕДСЕДАТЕЛИ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

РЕЙМЕРС А.Н. – Директор Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в Ереване, кандидат геолого-минералогических наук, доцент (РФ)

reymers@msu.am

САФАРЯН П.Д. – Исполнительный директор Филиала МГУ в Ереване, кандидат экономических наук (РА)

psafaryan@msu.am

БАГИЯН Ж.Г. – Заместитель исполнительного директора по учебной работе Филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в Ереване, кандидат филологических наук, доцент (РА)

zbaghiyan@msu.am

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

САРКИСЯН И.Р. – Доктор педагогических наук, профессор, академик Международной академии образования, действительный член Академии образования и воспитания РФ; профессор кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Российско-Армянского университета (РАУ); профессор кафедры русского языка Армянского государственного педагогического университета им. Хачатуря Абовяна

innasargsyan@gmail.com

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

МХИТАРЯН А.М. – Доцент кафедры родного языка и методики его преподавания им. А. Тер-Григоряна Армянского государственного педагогического университета им. Хачатуря Абовяна, кандидат филологических наук

mkhitaryanarmenuhi42@aspu.am

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АБРАМЯН К.Ш. – Профессор кафедры языкознания и теории коммуникации ЕГУЯСН им. В.Я. Брюсова, доктор филологических наук, профессор

kabrahamyan15@yahoo.com

АКОПЯН К.С. – Зав. кафедрой русского языка и профессиональной коммуникации Российско-Армянского университета (РАУ), кандидат филологических наук, доцент; и.о. профессора

karen.hakobyan@rau.am

АМИРХАНЫАН М.Д. – Руководитель центра русского языка и культуры ЕГУЯСН им. В.Я. Брюсова, председатель общества «Армения–Россия» (АОКС), доктор филологических наук, профессор

m_amirkhanyan@yahoo.com

АМИРХАНЫАН А.М. – Доцент кафедры зарубежной литературы Армянского государственного педагогического университета им. Хачатура Абовяна, кандидат филологических наук

amirkhanyananahit03@aspu.am

АРУТЮНЯН А.Ж. – Доцент кафедры Всемирной истории Ереванского государственного университета, доктор исторических наук (РФ, РА)

hakobinna@rambler.ru

БАЛАСАНЫАН Л.Г. – Доцент кафедры методики преподавания иностранных языков Армянского государственного педагогического университета им. Хачатура Абовяна, главный специалист управления школ Министерства образования и науки РА, президент Армянской ассоциации учителей русского языка и литературы, кандидат педагогических наук

balasanyanliliya35@aspu.am

БОГДАНОВА Л.И. – Профессор кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук

libogdanova1@mail.ru

БРУТЯН Л.Г. – Зав. кафедрой русского языкознания, языковой типологии и межкультурной коммуникации Ереванского государственного университета, доктор филологических наук, профессор

lilit.brutian@gmail.com

ВАРДАНЫАН А.Г. – Зав. кафедрой русского и славянского языкознания ЕГУЯСН им. В.Я. Брюсова, кандидат филологических наук, доцент

anahit-1@mail.ru

ГРДЗЕЛЯН Р.Р. – Профессор кафедры русского языкознания, языковой типологии и межкультурной коммуникации Ереванского государственного университета, доктор филологических наук

ruzangrdzelyan@gmail.com

ГРИГОРЯН В.А. – Доцент кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Российско-Армянского университета (РАУ), кандидат педагогических наук

violetta.grigoryan@rau.am

ДОБРОСКЛОНСКАЯ Т.Г. – Профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук

tatdobro@mail.ru

ЕФРЕМОВ В.А. – Профессор кафедры русского языка РГПУ им. А.И. Герцена, доктор филологических наук (Санкт-Петербург)

valef@mail.ru

ЛЕВИЦКИЙ А.Э. – Профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук

andrelev@list.ru

МАНУКЯН И.Ю. – Доцент кафедры русского языка Армянского государственного педагогического университета им. Хачатура Абовяна, кандидат педагогических наук

manukyanirina04@aspu.am

МАТЕВОСЯН Л.Б. – Профессор кафедры русского языкознания, языковой типологии и межкультурной коммуникации Ереванского государственного университета, доктор филологических наук

lianna.matev@gmail.com

МИЛОСЛАВСКИЙ И.Г. – Зав. кафедрой сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова. Профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук

igormil@hotmail.com

МОКЛЕЦОВА И.В. – Профессор кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения, кандидат культурологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук

irvasmok@mail.ru

МОЛЧАНОВА Г.Г. – Декан факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор – dean@ffl.msu.ru

ОГАНЕСЯН К.А. – Ассистент кафедры русского языка для гуманитарных факультетов ЕГУ, кандидат филологических наук

karinahov@yahoo.com

ОСИПОВА А.А. – Заместитель директора Института филологии, доцент кафедры общего и прикладного языкознания, доктор филологических наук, доцент (Москва) – aa.osipova@mpgu.edu

ТАТКАЛО Н.И. – Декан факультета русского языка и межкультурных коммуникаций, и.о. зав. кафедрой русского и славянского языкознания ЕГУЯСН им. В.Я. Брюсова, доктор педагогических наук, профессор

ninatatkalo@mail.ru

ТЕР-МИНАСОВА С.Г. – Президент факультета иностранных языков и регионоведения МГУ (советник ректора), доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова

president@ffl.msu.ru

ТОКАРЕВ Г.В. – Профессор кафедры документоведения и стилистики русского языка ФГБОУ ВПО «Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого», доктор филологических наук

grig72@mail.ru

ХАЧИКЯН А.Я. – Научный консультант центра русского языка и культуры ЕГУЯСН им. В.Я. Брюсова, доктор филологических наук, профессор

anaidakh@inbox.ru

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР

АКОПЯН А.С. – Ст. преподаватель кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Российско-Армянского университета (РАУ); преподаватель кафедры русского языка Армянского государственного педагогического университета им. Хачатура Абовяна

armen.hakobyan@rau.am, hakobyanarmen04@aspu.am

КОРРЕКТОРЫ

АКОПЯН А.С. (русский язык); **МХИТАРЯН А.М.** (армянский язык);

МУРАДЯН К.Г., **АКОПЯН В.В.** (английский язык).

SCIENTIFIC METHODOLOGICAL JOURNAL
«MAIN ISSUES IN MODERN RUSSIAN STUDIES»

CHIEF OF THE EDITORIAL COUNCIL

REYMERS A. – Director of Yerevan Branch of Lomonosov Moscow State University, PhD in Geological and Mineralogical Sciences, Associate Professor
reymers@msu.am

SAFARYAN P. – Executive Director of the Moscow State University Branch in Yerevan, Ph.D. in Economy
psafaryan@msu.am

BAGHIYAN ZH. – Deputy Executive Director for Academic Affairs, PhD in Philology, Associate Professor
zbaghiyan@msu.am

CHIEF EDITOR

SARGSYAN I. – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Academician of the International Academy of Education, Valid member of the Academy of Education of the Russian Federation; Professor at the Department of Russian Language and Professional Communication, Russian-Armenian University (RAU); Professor at the Department of Russian Language, Khachatur Abovyan Armenian State Pedagogical University
innasargsyan@gmail.com

RESPONSIBLE SECRETARY

MKHITARYAN A. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Armenian Language and its Teaching Methods after A. Ter-Grigoryan Khachatur Abovyan Armenian State Pedagogical University, Candidate of Sciences (Philology) – mkhitaryanarmenuhi42@aspu.am

EDITORIAL BOARD

ABRAHAMYAN K. – Professor of the Department of Linguistics and Theory of Communication, Brusov YSULS, Doctor of Sciences (Philology), Professor
kabrahamyan15@yahoo.com

AMIRKHANYAN M. – Head of the Centre of Russian Language and Culture, Brusov YSULS, Head of the «Armenia-Russia» Society, Doctor of Sciences (Philology), Professor – m_amirkhanyan@yahoo.com

AMIRKHANYAN A. – Associate Professor at the Department of Foreign Literature, Khachatur Abovyan ASPU, Candidate of Sciences (Philology)

amirkhanyananahit03@aspu.am

BALASANYAN L. – Associate Professor at the Department of Foreign Languages Teaching Methodology, Khachatur Abovyan ASPU, Candidate of Sciences (Pedagogy)

balasanyanliliya35@aspu.am

BOGDANOVA L. – Professor at the Department of Comparative Analysis of Languages of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Philology

libogdanova1@mail.ru

BRUTYAN L. – Head of the Department of Russian Linguistics, Typology and Cross-cultural Communication, Yerevan State University, Doctor of Sciences (Philology), Professor

lilit.brutian@gmail.com

DOBROSKLONSKAYA T. – Professor at the Department of Linguistics, Translation Studies and Intercultural Communication of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Philology – tatdobro@mail.ru

EFREMOV V. – Professor at the Department of Russian Language, Russian State Pedagogical University, Doctor of Sciences (Philology), S-Pb

valef@mail.ru

GRDZELYAN R. – Professor at the Department of Russian Linguistics, Typology and Cross-cultural Communication, Yerevan State University, Doctor of Sciences (Philology), Professor

ruzangrdzelyan@gmail.com

GRIGORYAN V. – Associate Professor at the Department of Russian Language and Professional Communication, Russian-Armenian University (RAU), Candidate of Sciences (Pedagogy)

violetta.grigoryan@rau.am

HAKOBYAN K. – Head of the Department of Russian Language and Professional Communication, Russian-Armenian University (RAU), Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor; Acting Professor

karen.hakobyan@rau.am

HARUTYUNYAN H. – Associate Professor of the Department of Common History, Yerevan State University, Doctor of Sciences (history) (RF, RA)

hakobinna@rambler.ru

HOVHANNISYAN K. – Assistant of the Department of Russian Language for Humanities Faculties, Yerevan State University, Candidate of Sciences (Pedagogy) – karinahov@yahoo.com

KHACHIKYAN A. – Scientific consultant of the Centre of Russian Language and Culture, Brusov YSULS, Doctor of Sciences (Philology), Professor

anaidakh@inbox.ru

LEVITSKY A. – Professor at the Department of Linguistics, Translation Studies and Intercultural Communication of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Philology

andrelev@list.ru

MANUKYAN I. – Associate Professor at the Department of Russian Language, Khachatur Abovyan ASPU, Candidate of Sciences (Pedagogy)

manukyanirina04@aspu.am

MATEVOSYAN L. – Professor at the Department of Russian Linguistics, Typology and Cross-cultural Communication, Yerevan State University, Doctor of Sciences (Philology)

lianna.matev@gmail.com

MILOSLAVSKY I. – Head of the Department of Comparative Analysis of Languages of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University. Professor at the Department of Russian Language of the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Philology

igormil@hotmail.com

MOLCHANOVA G. – Dean of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Philology, Professor

dean@ffl.msu.ru

MOKLETSOVA I. – Professor at the Department of Comparative Studies in Literatures and Cultures of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University, PhD in Cultural Studies, Doctor of Philology

irvasmok@mail.ru

OSIPOVA A. – Deputy Director of the Institute of Philology, Associate Professor at the Chair of General and Applied Linguistics

aa.osipova@mpgu.edu

TATKALO N. – Dean of the Faculty of Russian and Foreign Languages and International Communications, Brusov YSULS, head of the Department of Russian and Slavonic Linguistics, Brusov YSULS, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor – ninatatkalo@mail.ru

TER-MINASOVA S. – President of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of Lomonosov Moscow State University (Advisor to the Rector), Doctor of Philology, Professor Emeritus of Lomonosov Moscow State University

president@ffl.msu.ru

TOKAREV G. – Professor at Tula State Pedagogical University after L. Tolstoy, Doctor of Sciences (Philology), Russia

grig72@mail.ru

VARDANYAN A. – Head of the Department of Russian and Slavonic Linguistics, Brusov YSULS, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

anahit-1@mail.ru

TECHNICAL EDITOR

HAKOBYAN A. – Senior Lecturer at the Russian Language Department and professional communication Russian-Armenian University (RAU); Lecturer at the Department of Russian Language, Khachatur Abovyan Armenian State Pedagogical University

armen.hakobyan@rau.am, hakobyanarmen04@aspu.am

CORRECTORS

HAKOBYAN A. (Russian), **MKHITARYAN A.** (Armenian),

MURADYAN CH., HAKOBYAN V. (English)

ԲՈՎԱՆԴԱԿՈՒԹՅՈՒՆ

Բովանդակություն	16
Оглавление	18
Contents	20

ԼԵԶՎԱԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

Զախկինա Օ.Ն. Ժամանակակից երիտասարդական ժարգոն. արդի գործընթացները և միտումները.....	22
Կուռաշ Ս.Բ. Բանաստեղծական գրաֆիկա, տեքստի արտաքին տեսքը և փոխաբերությունը (ռուսական և բելառուսական բանաստեղծական խոսքի նյութերի հիման վրա).....	30
Մարտիրյան Ն.Բ. Ռուսերենից փոխառությունները որպես հայերենի պենգագման աղբյուր.....	38
Մխիթարյան Ա.Մ. Եղանակավորող բառերը կամ վերաբերականները խոսքում, դրանց ոճական կիրառություններն ու առանձնահատկությունները (Հովհաննես Թումանյանի պոեմների օրինակով).....	46
Օռլովա Ս.Լ. XIX–XX դարերի նամակագրական տեքստում տեղի և ժամանակի նշանակությունը.....	69
Խաչիկյան Ա.ՅԱ. Տարբեր բառային-իմաստային խմբերի բայերի իմաստային-շարահյուսական առանձնահատկությունների ուսումնասիրության խնդիրները.....	77

ԴԱՍԱՎԱՆԴՄԱՆ ՄԵԹՈՂԻԿԱ

Հակոբյան Ա.Ս. Մանկավարժական պրակտիկայում S2S-ների օգտագործման առավելություններն ու թերությունները.....	89
Կարտաշովա Ա.Ն. Ենթալեզվության մասնագիտացված ուղղության հաշվառումը ոչ լեզվի ֆակուլտետների ուսանողների ռուսաց լեզվի ուսուցման ժամանակ.....	99

ԼԵԶՎԱՄՇԱԿՈՒԹԱԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

Բրուտյան Լ.Գ. Հաճոյախոսությունները գենդերային և միջմշակութային տարբերությունների լույսի ներքո.....	107
--	-----

ԱՌԱՋԻՆ ՔԱՅԼԵՐԸ ԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ

Հակոբյան Վ.Ա. Լատինական փոխառությունները ժամանակակից անգլերեն լեզվում	122
Մուրադյան Ք.Հ. Խոսքի տեսության էությունը	130

ՄԵՐ ՀՅՈՒՐՆ Է

Հակոբյան Ա.Հ., Ավետիսյան Ա.Ս. Խաչքարը հումանիտար գիտությունների համատեքստում	141
Դալլաքյան Ա.Հ. Մեծահասակների կրթության ժամանակակից հիմնախնդիրները Սյունիքի մարզում	149
Մանուկյան Հ.Վ. Մեղիատիվ պրակտիկաների օգտագործումը քաղաքացիաիրավական վեճերի լուծման գործնառնում	166

ОГЛАВЛЕНИЕ

Բովանդակություն	16
Оглавление	18
Contents	20

ЛИНГВИСТИКА

Заикина О.Н. Современный молодежный жаргон: актуальные процессы и тенденции	22
Кураш С.Б. Поэтическая графика, визуальный облик текста и метафорика (на материале русской и белорусской поэтической речи)	30
Мартирян Н.И. Заимствования из русского как источник сленгизации армянского языка	38
Мхитарян А.М. Модальные слова в речи, их стилистическое применение и особенности (на примере поэм Ованнеса Туманяна)	46
Орлова С.Л. Обозначение места и времени в эпистолярном тексте рубежа XIX–XX веков	69
Хачикян А.Я. Проблемы изучения семантико-синтаксических особенностей глаголов различных лексико-семантических групп	77

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

Акопян А.С. О преимуществах и недостатках применения ИКТ в педагогической практике	89
Карташёва А.Н. Учет подязыка специальности в обучении студентов неязыковых факультетов русскому языку	99

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Брутян Л.Г. Комплименты в свете гендерных и межкультурных различий	107
--	-----

ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКЕ

Акопян В.А. Латинские заимствования в современном английском языке	122
Мурадян К.Г. Сущность теории речевого акта	130

ГОСТЕВАЯ СТРАНИЦА

Акопян А.Г., Аветисян А.С. Хачкар в контексте гуманитарных наук.....	141
Даллакян А.Г. Современные проблемы образования взрослых в регионе Сюник Республики Армения.....	149
Манукян А.В. Использование медиативных практик при разрешении гражданско-правовых споров	166

CONTENTS

Բովանդակություն	16
Оглавление	18
Contents	20

LINGUISTICS

Zaikina O. Modern youth slang: relevant process and tendencies.....	22
Kurash S. Poetic graphics, the visual image of the text and metaphors (on the material of Russian and Belarusian poetic speech)	30
Martiryan N. Borrowings from Russian as a source of slengization of the Armenian language	38
Mkhitaryan A. Modal words in speech, their stylistic application and features (on the example of a poem by Hovhannes Tumanyan)	46
Orlova S. The designation of the place and the time in the epistolary text of the turn of XIX–XX centuries.....	69
Khachikyan A. Problems of studying semantic-syntactic features of verbs of various lexic-semantic groups.....	77

TEACHING METHODOLOGY

Hakobyan A. About advantages and disadvantages of the application of ICT in pedagogical practice	89
Kartashyova A. Accounting sublanguage of specialized field in teaching students of non-language faculties the Russian language	99

LINGUOCULTUROLOGY

Brutian L. Compliments in the light of gender and intercultural differences	107
---	-----

FIRST STEPS IN SCIENCE

Hakobyan V. Latin borrowings in modern English language.....	122
Muradyan Ch. The nature of the speech act theory	130

OUR GUESTS

Hakobyan A., Avetisyan A. Khachkar in the context of human sciences	141
Dallakyan A. Modern problems of adult education in the province of Syunik in the Republic of Armenia	149
Manukyan H. The use of mediation practices in resolving civil disputes	166

ЛИНГВИСТИКА

СОВРЕМЕННЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ЖАРГОН: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Ольга Николаевна Заикина

olga.saikina2011@mail.ru

*К.ф.н., ст. преподаватель
ЧОУ Первый московский юридический институт
Волгоград, Российская Федерация*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются тенденции последних лет, характерные для современного молодежного жаргона, а именно: английское происхождение – большинство жаргонизмов являются транслитерированными заимствованиями, тесная связь с компьютером и Интернетом, что объясняется образом жизни подростков, которые буквально живут в сети. Кроме того, жаргон отражает привычки и модные тенденции молодежной субкультуры. Жаргонизмы образуют синонимические ряды, антонимические пары, демонстрируют явление полисемии.

Ключевые слова: молодежный, жаргонизм, коммуникация, тенденция.

Как известно, жаргонизмы относятся к лексике ограниченного употребления и свойственны для всех живых языков. Молодежный жаргон интересен тем, что отражает языковую картину мира юного поколения. Кроме того, молодежный сленг все чаще используется в речи теле- и радиожурналистов, проникает на страницы печатных изданий, а Интернет просто пестрит этими словами.

Рассмотрим самые распространенные в молодежной среде жаргонизмы (список и объяснение лексического значения слов составлен в ходе общения со студентами и подростками):

рофл – «шутка»;

лаве или *кэш* – «деньги»;

шарить – «разбираться в чем-то»;

крипово – «страшно, мерзко»;

задрот или *ботан* – «человек, который проявляет особое усердие в учебе»;

хайп – «что-то модное, достойное»;

(*ловить*) *хайп* – «завоевывать популярность»;

изи – «легко»;

лол – «смех»;

жиза – «жизненная ситуация»;

репет – «репетитор»;

орать – «смеяться»;

няшка – «что-то или кто-то милый, приятный»;

ЧСВ – «завышенная самооценка»;

копипастить – «копировать и вставлять, соответственно воровать идею или информацию»;

ванговать – «предсказывать что-то»;

пиарить – «рекламировать»;

плагиатить – «копировать»;

троллить – «издеваться шутками»;

подкалывать или *прикалывать* – «шутить»;

зашквар – «немодное действие, позор» (Был классным и зашкварился);

вэйпер – «человек, который парит электронной сигаретой, чтобы бросить курить»;

байтить – «воровать чью-то идею и выдавать за свою»;

флексить – «танцевать под быструю музыку, которая вызывает желание двигаться»;

(*прийти*) *по фану* – «по приколу, несерьезно»;

вписка – «вечеринка»;

очкообраз – «подросток, который носит очки»;

дриц – «очень худой»;
кашерно – «круто»;
юзать – «пользоваться»;
гуглить – «искать информацию в Интернете»;
чилить – «отдыхать»;
войсить – «записывать аудиозапись «В контакте»»;
запилить сториз – «записать видео в соцсети»;
словить хейт – «возненавидеть кого-то»;
даблсэт – «какое-то действие, совершенное дважды» от *англ.* double set;
трип – «путешествие»;
быкануть или *подрубить бычку* – «быть агрессивно настроенным по отношению к кому-то»;
сорян – от *англ.* sorry – «извиняться»;
шазамить – находить песню через приложение Shazam;
бро – *братишка* – «друг»;
зачикиниться – «попробовать, чтобы убедиться в том, что это верно или нет»;
минус – «человек с плохим зрением»;
зафрендить – «подружиться» от *англ.* friend;
пятюня – «рука»; *дай краба* – «дай руку»;
респект – «уважение» от *англ.* respect;
реквест – «заказ» от *англ.* request;
жусть – смешение слов жуть и жечь, используется как междометие.

Заметим, что популярные буквально 5 лет назад усеченные формы типа *прив*, *норм*, все реже и реже используются молодежью.

Изучение этого сегмента лексики выявило следующие тенденции. Во-первых, многие жаргонизмы имеют английское происхождение, но существуют в письменной речи молодежи в транслитерированном виде, например: *узи* (easy – легкий), *юзать* (use – использовать), *фан* (fun – веселье), *кэш* (cash – наличные деньги), *крипово* (creepy – страшный, мерзкий), *гуглить* (google – поисковая система в Интернете). Во-вторых, молодежный жаргон отражает тесную связь с компьютером и Интернетом, что объясняется образом жизни подростков, которые буквально живут в сети. По мнению психо-

логов, молодежный жаргон – это некий тайный язык, культурный код, который отделяет старшее и подрастающее поколение. Это своеобразное желание быть подальше от родителей, стремление отгородиться от них.

В-третьих, жаргон отражает привычки и модные тенденции молодежной субкультуры. Например, в речи подростков г. Волгограда часто можно услышать слова *чуитс* и *швенс*, которые по сути являются междометиями, выражающими радостные эмоции. Появились эти слова в песнях рэпера Gone.Fludd (Александр Смирнов), который имеет огромную популярность у подростков и молодежи. По словам рэпера, «швенс – это свежесть максимальная, возведенная в абсолют. Это что-то новое, свежее, крутое» [4]. Само слово происходит от названия газированной воды Schweppes. Дериват – наречие «швенсово», которое означает «классно», «свежо», «круто». *Чуитс* – это «лайфстайл, яркий, свежий, без комплексов». *Чуитс* – то, что бросается в глаза». В широком смысле слово «чуитс» заменяет Ган Фладду привычные обращения типа «привет», «пока», «окей» [4]. Слово «чуитс» также произошло от названия широко рекламируемой в конце 1990-х и начале 2000-х годов жевательной резинки Chewits.

Жаргонизмы образуют синонимические ряды и антонимические пары. Например: *ботаник* и *задрот* – синонимический ряд: так говорят о человеке, который усердно учиться, как правило, получает отличные отметки, но в оценке подростков и студентов эта лексема окрашена негативно, поскольку такое рвение в учебе является чем-то недостойным, или *плагиатить*, *копипастить* и *байтить*. Лексема *байтить*, видимо, образована от слова байт – «единица измерения количества информации или памяти компьютера», однако в молодежном сленге она приобрела совсем другой смысл: «воровать информацию и выдавать ее за свою». Жаргонизм *копипастить* образован путем соединения двух английских глаголов: *copy* и *paste* – скопировать и вставить. Лексема *плагиатить* появилась от существительного плагиат – «умышленное присвоение авторства чужого произведения или использование в своих трудах чужого произведения без ссылки на автора» [1]. Появление этого жаргонизма связано с тем, что в последние годы все дипломы студентов проверяются программой «Антиплагиат» во избежание воровства идей и авторства в сфере образования и научных разработок.

Можно также выделить синонимический ряд *подкалывать* (*прикалывать*) – *троллить*. Единицы *подкалывать* и *прикалывать* существуют уже много лет, вошли в язык как разговорные формы, *троллить* же – веяние нового времени, его значение – «издеваться шутками в сети с целью создания агрессивной обстановки между участниками общения, спровоцировать их на спор».

Хайп и *заиквар* – антонимическая пара: *хайп* – это что-то модное, *заиквар*, наоборот, – позорное, недостойное; другая антонимическая пара *дрищ* (худой человек) – *жиробаз* (толстый, жирный).

Кроме того, необходимо обратить внимание на то, что существуют целые словообразовательные цепочки, например: *ботанить*, *ботаник*, *ботан*; *заикварить*, *заиквар*. Последнее время в социальных сетях и в речи подростков распространяется существительное *орево* со значением «очень веселая вечеринка» – дериват от широко известного глагола *орать*, который в речи подростков имеет значение «бурно веселиться, смеяться».

Жаргонизмы *шарить*, *лаве*, *прикалываться*, *подкалывать* существуют в речи молодежи уже много десятилетий, не утрачивая своей актуальности. Продолжают быть популярными жаргонизмы, связанные с играми, например: *задрот* – «тот, кто постоянно играет в игры», *банить* – «выгнать кого-то из компьютерной игры, заблокировать».

Жаргонизм *ванговать* происходит от имени известной болгарской прорицательницы Вангелии, или Ванги, которой приписывают дар предвидения. Появление этой лексемы в молодежном сленге, вероятно, связано с входом на экраны фильма «Вангелия», который обрел особую популярность.

Жаргонизм *вэйпер* происходит от названия марки электронных сигарет «Vare». *Вэйпером* называют человека, который потребляет никотин в виде пара. Однако в последнее время у слова появилось новое значение – «человек, желающий бросить курить с помощью электронных сигарет».

Интересно отметить, что некоторые жаргонизмы многозначны. Например, *флексить* или *байтить*. *Флексить* означает «хвастаться» и «танцевать под ритмичную музыку, покачиваясь», *байтить* – «отвлечь внимание в игре, чтобы получить преимущество» и «украсть чью-либо идею».

Аббревиатуры также широко представлены в современном молодежном жаргоне. Таковыми являются *тп*, *рофл*, *лол* и *ЧСВ*. «*РОФЛ* – это русская версия английской сленговой аббревиатуры ROFL, которая расшифровывается как Rolling On the Floor Laughing. В переводе на русский язык эта фраза означает «Катаюсь по полу от смеха» [2]. *Лол* – это молодёжно-сленговое междометие, которое означает «громко ржу», при переводе с английского Laughing Out Loud – это «громко смеюсь» [3]. Заметим, что *РОФЛ* и *ЛОЛ* широко распространены в Интернете, здесь они пишутся прописными буквами, в то время как при переписке в мессенджерах и социальных сетях их, как правило, пишут строчными буквами.

Последнее время широко распространяется аббревиатура *ЧСВ*, то есть чувство собственной возвышенности – своеобразный аналог привычной фразы чувство собственного достоинства. Аббревиатура *тп* означает «тупой», часто синонимом к ней подростки употребляют слово *тупорез* – «как будто резать что-то тупыми ножницами».

В завершение необходимо сказать, что молодежный жаргон – это самая динамично развивающаяся группа лексики, отражающая наиболее значимые изменения в обществе и требующая поэтому детального изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка // Гл. ред. С.А. Кузнецов., 1-ое изд-е. – СПб.: Норинт, 1998 (Публикуется в авторской редакции 2014 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gramota.ru> (Дата обращения: 30.05.2019 г.)
2. РОФЛ – что это такое? Расшифровка, определение, перевод // Информация с сайта «Что-Это-Такое.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://что-это-такое.ру/rofl> (Дата обращения: 30.05.2019 г.).
3. Лол – что это такое? Определение, значение, перевод // Информация с сайта «Что-Это-Такое.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://что-это-такое.ру/lol> (Дата обращения: 30.05.2019 г.).
4. Швепс и читс // Информация с сайта «МЕМЕРЕДИА» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://memepedia.ru/shveps-i-chuits/> (Дата обращения: 30.05.2019 г.).

**ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ ԵՐԻՏԱՍԱՐԴԱԿԱՆ ԺԱՐԳՈՆ.
ԱՐԴԻ ԳՈՐԾԸՆԹԱՑՆԵՐԸ ԵՎ ՄԻՏՈՒՄՆԵՐԸ**

Օ.Ն. Ջաիկինա

olga.saikina2011@mail.ru

Բ.գ.թ., ավագ դասախոս

*Մոսկվայի իրավաբանական առաջին ինստիտուտ
Վոլգոգրադ, Ռուսաստանի Դաշնություն*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում քննվում են վերջին տարիների երիտասարդական ժարգոնին բնորոշ միտումները. այն է՝ անգլիական ծագում՝ ժարգոնի մեծ մասը թարգմանված փոխառություններ են՝ սերտորեն կապված համակարգչի և համացանցի հետ, ինչն էլ բացատրվում է դեռահասների կենսակերպով, որոնք բառացիորեն ապրում են համացանցում: Բացի այդ, ժարգոնը արտացոլում է երիտասարդական ենթամշակույթի սովորույթներն ու ժամանակակից միտումները: Ժարգոնային միավորները ձևավորում են հոմանիշ շարքեր, հականիշ զույգեր, ցույց են տալիս պոլիսեմիայի երևույթը:

Բանալի բառեր՝ երիտասարդական, ժարգոն, հաղորդակցություն, միտումներ:

**MODERN YOUTH SLANG: ACTUAL PROCESS
AND TENDENCIES**

O. Zaikina

olga.saikina2011@mail.ru

*PhD, Senior Lecturer
PEI First Moscow Law Institute
Volgograd, Russian Federation*

ABSTRACT

The article reflects the latest tendencies of the summer age, namely: the English origin is the most diverse transmission processes, a close connection with the computer and the Internet, which explains the necessity of life for adolescents who literally live out on the net. In addition, habits and fashion trends of the youth subculture appear in jargon. Jargonisms form synonymic series, antonymic pairs, demonstrate the polysemy phenomenon.

Keywords: youth, slang, communication, tendency.

Информация о статье:

*статья поступила в редакцию 28 октября 2019 г.,
подписана к печати в номер 5 (9) / 2020 – 10.01.2020 г.*

ПОЭТИЧЕСКАЯ ГРАФИКА, ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБЛИК ТЕКСТА И МЕТАФОРИКА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ)

Сергей Бонифациевич Кураш

text2005@mail.ru

*К.ф.н., доцент кафедры белорусской и русской филологии
УО Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина,
Мозырь, Республика Беларусь*

АННОТАЦИЯ

Метафорический потенциал языковых фактур поэтической речи может реализоваться через взаимодействие содержательной стороны и визуального облика текста. Такое явление можно назвать визуальной метафорой, известной со времён средневековой поэзии. В текстах современной русской и белорусской поэзии средствами графической визуализации нередко дублируется образная информация, выраженная лексико-семантическим уровнем текста, в частности, метафорой.

Ключевые слова: поэтический текст, языковая фактура, метафорика, поэтическая графика, визуализация.

Под понятием фактуры художественного текста будем, вслед за К.Э. Штайн, понимать качественное своеобразие их речевой ткани, тогда как сам текст – рассматривать как фактурный ансамбль, в котором разноуровневые единицы языка призваны «играть в унисон», идти навстречу друг другу, взаимодополнять одна другую, чем достигается гармония текста. Ср.: «Поэтический текст определяется нами как сложное, управляемое множеством законов сплетение всех элементов, феноменологически заданное существование языка, руководимое гармонической организацией, находящее конкретное выражение в понятиях склада, ткани, фактуры. Это многомерная

система, структурно (относительно) закрытая и семантически открытая, имеющая форму наслоения, характеризуется возможностью внутренней саморегуляции, реализует гармонические возможности в параметрах горизонтали, вертикали и «глубины» [6: 21–22].

Интеракция подобных «фактурных ансамблей» характеризует, безусловно, всякий подлинно художественный текст. Однако в ряде случаев эта особенность текстоустройства получает – в первую очередь в поэзии – статус акцентированного прагматико-стилистического приёма. В результате возникает эффект метафороподобия взаимоотношений денотативного содержания текст и его языкового слоя (фактуры), «где план выражения в том или ином отношении подобен реалии, отношения между формой и изображаемым предметом, являются отношениями сходства (такое непосредственное представление предмета подобно метафоре)» [3: 27]. В процитированной работе такое явление названо термином «экземплификация». Е.Ю. Муратова называет подобный феномен «аллотропичным текстом», под которым ею понимается «текст множественного кодирования, содержащий глубинные, непосредственно не наблюдаемые смыслы и представляющий собой совокупность внутритекстовых нелинейных отношений и процессов, которые актуализируются репрезентируемыми языковыми средствами», при этом «аллотропичность текста соотносима с категориями синергетики, которая исследует самоорганизацию и самоусложнение систем различного рода» [4: 4, 6].

Реализация метафорического потенциала языковых фактур поэтического текста, в частности, имеет место на уровне взаимодействия содержательной его стороны и визуального облика, когда последний очевидно наделяется функцией акцентуатора текстовой семантики. Данное явление не раз попадало в поле зрения исследователей, главным образом – литературоведов; его лингвистические аспекты получили описание главным образом в работах последних лет, принадлежащих Е.Е. Анисимовой, В.В. Жибулю, М.Б. Ворошиловой, Д.Н. Суховой, Е.Ю. Муратовой, Е.Б. Рябых, К.Э. Штайн и др.

М.Б. Ворошилова использует понятие визуальной метафоры, которая «создается за счет монтажа двух и более визуальных образов. Данный монтажный механизм метафоры функционирует таким образом, что при одно-

временной реализации первого и второго планов содержания метафоры возникает третий план, т.е. новая художественная реальность» [1: 59].

Дублирование содержания текста его внешне-языковой фактурой (конфигурацией), т.е. визуальная метафора, было характерным ещё для средневековой поэзии. Речь, в частности, идёт о так называемых «фигурных стихотворениях». Целый ряд подобных текстов принадлежит Симеону Полоцкому: это произведения, графически оформленные в виде звезды, креста, сердца, лабиринта и пр. [б: 241–242]. Этот и ему подобные примеры – наиболее «наглядные» случаи метафорообразных взаимоотношений денотата текста и его языковой (в данном случае – строфико-графической, шрифтовой и пр.) фактуры, своеобразной семиотической визуальной иконизации текста-знака. «Главное свойство такого рода текстов – «сказать все сразу». Визуальность как принцип начинается там, где тексту нужно еще одно измерение, где плоскость листа не просто привычный способ развертывания текста – линии, а именно плоскость, где используются возможности вертикального порождения текста, его ветвления и т.д.» [б: 264].

Фигурные стихотворные тексты известны и более поздней поэтической традиции – русской поэзии XVIII–XIX («О, где же те мечты? Где радости печали...» А. Апухтина, «Пирамида» Г. Державина и др.), а также XX–XXI вв. («Треугольник» В. Брюсова; «Звезда» И.С. Рукавишникова; «Ад» С. Кирсанова; «Стихи на бутылке, подаренной Андрею Сергееву», «Фонтан» И. Бродского; «Хвост мыши» В. Набокова; «Клумба», «Гипотетический шарик», «Сухарева башня», «Мошкара» и др. А. Вознесенского; ряд стихографических текстов Т. Манковой и др.); белорусской поэзии XX–XXI вв. («О мне ісьці...», «Хто ня чуў...» А. Александровича; «Спаленая веска» Ю. Пацюпы; «Шлях», «Поўня», «Кветка», «Твар», «Літарызацыя рукі», «Я чуў голас...» А. Ковалевского; «Помнік з гукавым афармленьнем», «Проста біёніка» С. Минскевича; «Антычны дождж» В. Аксак; «Кпіны вечназялёнае яліны» И. Логвиновича и др.) [2].

Элементы визуальной метафоры можно встретить и на уровне текстовых фрагментов. Например, в стихотворении С. Кирсанова «Лирика» средствами графической визуализации метафорически дублируется образная ин-

осмыслений и влиять на изменение сразу нескольких уровней языковой и стиховой структуры» [5: 5].

Так, в стихотворении А. Вознесенского «Песчаный человечек (Стихи для детей)» сквозная текстообразующая метафора растраты человеком его жизненных сил в условиях временного цейтнота графически поддерживается последовательным сокращением слова человек: человек → челове... → че-ло... → че...:

Человек бежит песчаный
по дороженьке печальной.
На плечах красиво сшита
майка в дырочках, как сито.
Не беги, теряя вес,
можешь высыпаться весь!
Но не слышит человек,
продолжает быстрый бег.
Подбегает он к Москве –
остается ЧЕЛОВЕ...
Губы радостно свело –
остается лишь ЧЕЛО...
Майка виснет на плече –
от него осталось ЧЕ...
.....
Человечка нет печального.
Есть дороженька песчаная...

Как видно, здесь срабатывает метафора «продолжительность жизни человека → длина слова человек».

Другой оригинальный приём – «кроссвордное» пересечение слов – использует белорусский лирик Н. Метлицкий, ср.:

На дне гісторыі сівой
Багата чый астыне голас.

К
О
Ды зорны крыж КУПАЛА
А
С

Свячэннем век паверне твой.
Шляхамі мары агнявой
Павыйдзе ў Заўтра
наша Сёння.
І душы зведаюць бяссонне
На дне гісторыі сівой...

Подобная графическая особенность на уровне визуальной фактуры текста поддерживает метафору зорнага крыжа за счёт вертикально-горизонтального пересечения двух знаковых имён для белорусской поэзии – Янки Купалы и Якуба Коласа.

Таким образом, в качестве специфического проявления метафорической образности в современной поэтической речи (в частности, русской и белорусской) достаточно широко и разнообразно представлено явление дублирования (визуализации) текстового денотата разными языковыми фактурами. В тех случаях, когда подобному дублированию подвергается метафорически структурированная информация, возникает своеобразный эффект «стереоскопической метафоры», разрушающей автоматизм восприятия и способствующей созданию многомерного, пластического, объёмного образа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ворошилова М.Б.* Политический креолизованный текст: ключи к прочтению: моногр.; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2013. – 194 с.
2. *Жыбуль В.В.* Фігурны верш у беларускай паэзіі // *Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка.* – Мінск: БДУ, 2002. – № 1. – СС. 16-21.
3. *Заика В.И.* Эстетическая реализация языка: функционально-прагматическое исследование: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / ГОУ ВПО

- НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2007. – 50 с.
4. *Муратова Е.Ю.* Языковые средства выражения аллотропичности русского поэтического текста: автореф. дисс. д-ра филол. наук; 10.02.01; Бел. гос. ун-т. – Архангельск, 2014. – 45 с.
5. *Суховой Д.А.* Графика современной русской поэзии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2008. – 27 с.
6. *Штайн К.Э.* Гармония поэтического текста: монография; под ред. В.В. Бабайцевой. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. – 646 с.

**ԲԱՆԱՍՏԵՂԾԱԿԱՆ ԳՐԱՖԻԿԱ, ՏԵՔՍՏԻ
ԱՐՏԱՔԻՆ ՏԵՍՔԸ ԵՎ ՓՈԽԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆԸ (ՌՈՒՍԱԿԱՆ
ԵՎ ԲԵԼԱՌՈՒՍԱԿԱՆ ԲԱՆԱՍՏԵՂԾԱԿԱՆ ԽՈՍՔԻ
ՆՅՈՒԹԵՐԻ ՀԻՄԱՆ ՎՐԱ)**

Ս.Բ. Կուրաշ
text2005@mail.ru

*Բ.գ.թ., բելառուսական և ռուսական բանասիրության ամբիոնի դոցենտ,
Մազիրի Բ. Պ. Շամյակինի անվ. պետական մանկավարժական համալսարան
Մազիր, Բելառուսի Հանրապետություն*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Բանաստեղծական խոսքի լեզվական հյուսվածքների փոխաբերացման հնարավորությունը կարող է իրականացվել բովանդակային կողմի փոխազդեցության և տեքստի արտաքին տեսքի միջոցով: Այսպիսի երևույթը կարելի է անվանել տեսողական փոխաբերություն, որը հայտնի է միջնադարյան պոեզիայից ի վեր: Ժամանակակից ռուսական և բելառուսական պոեզիայի տեքստերում գրաֆիկական արտացոլման միջոցները հաճախ կրկնօրինակում են տեքստի բառապաշարով ար-

տահայտված պատկերային տեղեկատվությունը, մասնավորապես, փոխաբերականը:

Բանալի բառեր՝ բանաստեղծական տեքստ, լեզվական հյուսվածք, փոխաբերություն, բանաստեղծական գրաֆիկա, արտացոլում:

POETIC GRAPHICS, THE VISUAL IMAGE OF THE TEXT AND METAPHORS (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND BELARUSIAN POETIC SPEECH)

S. Kurash

text2005@mail.ru

*PhD, Associate Professor, Department of Belarusian and Russian Philology,
Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin,
Mozyr, Belarus*

ABSTRACT

The metaphorical potential of the linguistic textures of poetic speech can be realized through the interaction of the content side and the visual image of the text. This phenomenon can be called a visual metaphor, known since medieval poetry. In the texts of modern Russian and Belarusian poetry the figurative information expressed with lexical-semantic level of the text, in particular, metaphor is often doubled down by means of graphic visualization.

Keywords: poetic text, language texture, metaphor, poetic graphics, visualization.

Информация о статье:

*статья поступила в редакцию 25 декабря 2019 г.,
подписана к печати в номер 5 (9) / 2020 – 29.01.2020 г.*

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ РУССКОГО КАК ИСТОЧНИК СЛЕНГИЗАЦИИ АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

Наира Игнатиосовна Мартирян

nairamartiryan@gmail.com, nairamart@rambler.ru

*К.ф.н., доцент кафедры языкознания, типологии и теории коммуникации
Ереванский государственный университет
Ереван, Республика Армения*

АННОТАЦИЯ

В настоящее время сленг является одной из интереснейших языковых систем современной лингвистики. В статье предлагается освещение ряда проблем, связанных с существованием такого явления, как сленг. Анализируются заимствования из русского как источник сленгизации армянского языка. Рассматриваются пути проникновения заимствований, способы их адаптации в системе армянского языка.

Ключевые слова: адаптация, армянский общегородской сленг, заимствование, русский язык, сленгизация.

Подвижность, способность к развитию и изменениям, возможность усовершенствоваться и обогащаться посредством различных источников – вот наиболее важные и характерные особенности любого языка и его словарного состава. А заимствование иностранных слов – один из источников обогащения и формирования лексико-фразеологического состава языка на протяжении всего времени его существования.

Заимствование – это общеизвестное языковое явление, сутью которого является принятие одним языком лингвистического материала из другого языка в результате экстралингвистических контактов между ними. Изучение данного процесса и его результатов имеет важное значение для решения многих лингвистических проблем. Заимствованный материал различается и по форме, и по содержанию. Заимствованные слова входят не только в пласт

общеупотребительной, а также и в состав нестандартной лексики, жаргонизмов, сленга или просто лексики, которую употребляет молодёжь, городское население и другие. И хотя заимствования проникают и в литературный язык, и в сленг, но причины их появления в литературном языке и сленге различны. Отметим сперва основные общие причины появления заимствованных единиц. Это наименование новой вещи, понятия или явления; разграничение понятий или их специализация; экономия языковых средств, т.е. однословный эквивалент целого словосочетания; коммуникативная актуальность и др.

Тем не менее, вышеназванные причины появления заимствований в сленге являются вторичными, а не первичными, так как последний заимствует иноязычные слова с несколько иными целями. Здесь это обусловлено преимущественно экспрессивными потребностями сленгового словотворчества, так как основная, первоочередная цель сленговой речи – передача эмоционально-экспрессивных оценок.

Существует множество научных определений сленга. В российском языкознании наиболее известным является определение В.А. Хомякова: «Сленг – это относительно устойчивый для определенного периода, широко употребительный, стилистически маркированный (сниженный) лексический пласт (имена существительные, прилагательные и глаголы, обозначающие бытовые явления, предметы, процессы и признаки), – компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией» [3: 43–44].

Общий сленг – довольно новое явление в русском языке, которое только формируется и не имеет общепринятого терминологического аппарата и целостной теории. Но уже можно говорить о том, что общий сленг – это относительно устойчивый для определённого временного отрезка, широкоупотребительный, не детерминированный социальными параметрами, стилистически сниженный маркированный пласт экспрессивно-эмотивной лексики, обозначающей бытовые явления, предметы, процессы и признаки. Это один из компонентов городского просторечия, а его источником служат самые разнообразные социолекты (в наибольшей мере – молодёжный сленг и уголовный жаргон). Общий сленг – весьма интересный лингвистический феномен, функционирование которого не ограничено не только определёнными возрастными рамками, что ясно из самой его номинации, но и социальными,

временными и пространственными рамками. В Армении он бытует, главным образом, в Ереване, но какие-то его элементы доходят и до периферии, а некоторые там и возникают.

Автором был проведен опрос среди разных возрастных групп: студентов Ереванского государственного университета, выпускников того же университета, ровесников автора (50+) и других. Также источником исследования послужили современные армянские фильмы и сериалы. В результате мы пришли к следующему выводу: сленгизмы используют в той или иной степени все возрастные группы, тем не менее употребление наибольшего количества присуще представителям возрастной категории от 15 до 25 лет.

Армянский общегородской сленг включает в себя множество заимствованных слов из разных языков, но большинство из них являются заимствованиями из русского языка в силу многих причин. «Обращение к чужому слову в субстандарте также может быть продиктовано такими социокультурными факторами, как статус иностранных языков в обществе, социальная престижность, функциональные возможности иноязычных лексем, их экспрессивный потенциал и др.» [2: 84]. Нас в данном исследовании интересуют заимствования из русского языка, пути их проникновения и языковой адаптации.

В общий (общегородской) армянский сленг слова из русского языка проникают следующими путями: из литературного языка, из жаргонов/сленга, из (крайне редко) диалектов русского языка. Из литературного русского, например, перешли многие слова, ставшие в армянском языке сленгизмами: *սրբոցնուկալ* (пропускать), *տրտալ* (обращать), *տրտալիս* (обходить), *տրտալուկալ* (отпускать), *տրտալիս* (отвечать) и др. Из жаргонов, в основном уголовного и карточного, проникли следующие слова и словосочетания: *վաճառիս* (восьмерить), *կրկնաժիս* (куражиться), *տակը տրտալ անել* (отбить срок), *դուրը նիվալալ անել* (нехватка духа), *տրելիկ անել* (забить стрелку), *մուտիս անել* (мутить), *տաշакի* (тасовщик) и т.д. Из диалектизмов мы отметили слово *տրտալիս* от диалектного глагола «титерить» (иногда читерить), используется в русских говорах в значении «играть».

Заимствования из русского как один из источников обогащения нестандартной лексики армянского языка представлены несколькими способами, и иноязычный лексический материал, проникая в сленг, осваивается

им при помощи множества способов языковой адаптации. При процессе заимствования происходит перестройка заимствованных слов по всем линиям и уровням.

Проникая в армянский язык, заимствования из русского языка-реципиента (чаще всего это имена существительные, прилагательные или глаголы) получают черты различных частей речи принимающего языка. При этом вполне возможно как совпадение, так и несовпадение данных характеристик в различных языковых системах, так как грамматические системы обоих языков достаточно различны.

Существительные: աղալոռկա (оговорка), արիժնիկ (обижник), արլալ (облава), արւուզ (обслуга), բալանդ (баланда), արշալ (общак), արածենի (положенец), դավերյա (доверие), դվիժենի (движение) и т.д.

Прилагательные վիզդի (выгодный), յախիդի (ехидный), վինուժդի (вынужденный), ֆտարիչի (вторичный), սվորդի (твердый), նագլի (наглый) и т.д.

Наречия: կարոչի (короче), արանի (заранее) и т.д.

Глаголы: արնուկալալ (пропускать), արաշալ (обращать), արխալի (обходить), արնուկալալ (отпускать), արվիշալ (отвечать) արնալալ (торомозить), ունիժալ (унижать), ուլի (рулить) и т.д.

Одним из способов проникновения русского слова в армянский язык является прямое заимствование (транслитерация), когда слово «внедряется» в исходном виде, практически без фонетических, словообразовательных и семантических изменений. По мнению Л.П. Крысина, транслитерация – «замена букв алфавита другого языка» [1: 302]. Транслитерированным способом передается не звучание, а написание слова, а также часто осуществляется только при помощи букв алфавита того языка, который является принимающей стороной заимствованного слова. Передача написания осуществляется побуквенно: базар – բազար, момент – մոմենտ, стрелка – սարելկա, сходка – սիոդկա и т.д. Отметим, что таких слов мало, так как фонетические системы русского и армянского языков весьма различны.

Транскрипция (от *лат.* transcriptio – переписывание), другой способ заимствования, представляет собой воплощение звукового образа слова в письме, письменное воспроизведение слов и текстов с учётом их произношения средствами определённой графической системы, реализуется в письменной речи, но теперь уже с помощью букв армянского алфавита. Фонетические

системы армянского и русского языков кардинально отличаются друг от друга, что, безусловно, усложняет процесс адаптации заимствований по пути транскрипции. Фонетический принцип подразумевает закрепление произношения заимствования в письменном виде. В частности, в армянском закрепляется редукция безударных гласных, а также отвердение конечных согласных русского заимствования: աղափոռկա (оговорка), աղիմիկ (обижник), դափադիս (доводить), ուարիկա (упрекать) и т.д. Подавляющее большинство вошедших в армянский сленг заимствований из русского языка проникли в транскрибированном варианте.

Следующий способ – словообразование: к основе заимствованного слова прибавляются различные формальные средства по существующим в языке образцам и моделям. Например, русское слово дополняется армянским суффиксом или окончанием: մուսիկոլիկ (в русском – мутильщик, без суффикса -ик), դուխով – к русскому корню дух прибавился -ով. Кроме того, в армянском сленге часто выступает как одно слово предлог с какой-либо именной частью речи: աղիմի (от души), նախաշափ (на всякий) и т.д. Интересно, что глагол «подавать» стал в армянском субстантивом աղափոռ, а существительные «точка», «туфта» и «брошка» стали глаголами, прибавив глагольный аффиксид -ել: տոչկել (точкел) – заметить кого-то; տուփուել (туфтел) – гнать туфту; բրոշկել (брошквел) – прицепиться к кому-то.

Субстантивация иноязычного слова или словосочетания свойственна армянскому сленгу. Большинство заимствованных глаголов из литературного языка в армянском субстантивируются и употребляются с глаголом ածել: աղիադիս + ածել, ուարիկա + ածել, պիզիս + ածել и т.д. Отметим случай заимствования и глагола, и отглагольного существительного: բազմիշ (разбирать) и բազմիշ (разборка), причем оба слова в армянском употребляются с + ածել. Субстантивируются не только слова, но и отдельные словосочетания: տուր աղիս ածել – отбить, отсидеть срок, դուխ նիվադիս ածել – иметь нехватку духа (букв). Данное явление присуще не только армянскому городскому сленгу, но и диалектам. «Բառակազմություն հարադրական միջոցը մեծապես բնորոշ է բարբառներին: Այս հիմունքով Սյունիք-Արցախ բարբառախմբում ուսական փոխառություններից անել բայի հարադրությամբ նոր հասկացություններ են առաջ եկել, ինչպես բառուրմա ածել» [4: 234–240].

Аббревиация, которая встречается достаточно редко и, как правило, калькирует аббревиатуру из русского языка: շմբ – чмо (тупица, ничтожество, человек, морально опустившийся), բոմժ – бомж (нищий, без определенного места жительства) и т.д.

Полукалька: один из элементов сленгового словосочетания транслитерируется или транскрибируется, а второй переводится. Например: արնստ անել – гнать понты; նիստն ասել – сказать не то; սարելիս խփել – забить стрелку.

Парономазия (так называемая фонетическая мимикрия): ֆարշ – вместо фальшь (ֆարշ կոնյակ), կոնկրետ – вместо корректно (կոնկրետ պահել).

Заимствование происходит вследствие искажения звуков: չմարիտ – вместо чморить, պլենդուկ – вместо плинтус и т.д.

Следующим мощным источником формирования лексического состава сленга являются метафорика и метонимика. Благодаря им в армянском общем сленге слова с русскими корнями приобретают новые значения. Например: սիգիսիկ (угловик) – дворовый/районный житель, в основном проводящий время на углу двора; անստ (подават) – персональная машина с шофером; տոչկեղ (точкел) – приметить кого-то; բրոշկվել (брошквел) прицепиться к кому, как брошка. Можно привести также словосочетания, например: կալենդարն անել (сидеть календарь) – отсидеть срок наказания полностью – в русском уголовном жаргоне звучит так: оттянуть срок или отсидеть в доску.

Полисемия – у слова развивается новое значение. Նիստ (нырять) – все время куда-то лезть; ցիսիտ (иск. цвести) – слишком бросаться в глаза и т.д.

Сленг постоянно меняется, и этот процесс происходит достаточно быстро. При процессе смены поколений многие модные когда-то слова становятся устаревшими, а некоторые меняют свое сленговое значение. При этом надо осознавать необходимость изучения общегородского ереванского сленга, который на современном этапе не принадлежит только социолектам и получает статус общеизвестности и употребительности. Его знают и достаточно узкие в настоящее время круги носителей русского литературного языка, и маргинальные круги городского сообщества, а также практически все об-

щегородское население.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов: ок. 25 000 слов и словосочетаний. – М.: Эксмо, 2007. – 944 с.
2. Полозова С.В. Иноязычные заимствования как источник пополнения лексико-фразеологического состава современных русских жаргонов // Вестник ВГУ, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2008. – №3 / 83.
3. Хомяков В.А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода // Автореф. докт. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1980.
4. Քուսմունց Մ.Մ. Ռուսերենից անցանց փոխառությունների բառախմաստային զարգացումները Սյունիք-Արցախ բարբառախմբի բառապաշարում // «Русистика в XXI веке: тенденции и направления развития». Сборник статей. – Ереван, ЕГУ, 2019.

ՌՈՒՍԵՐԵՆԻՑ ՓՈԽԱՌՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ՈՐՊԵՍ ՀԱՅԵՐԵՆԻ ՍԼԵՆԳԱՑՄԱՆ ԱՂԲՅՈՒՐ

Ն.Ի. Մարտիրյան

nairamartiryan@gmail.com, nairamart@rambler.ru

Բ.գ.թ., դոցենտ

*Երևանի պետական համալսարանի ռուսաց լեզվաբանության,
տիպաբանության և հաղորդակցման տեսության ամբիոնի դոցենտ
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Ներկայումս պենգր ժամանակակից լեզվաբանության ամենահետաքրքիր լեզվական համակարգերից մեկն է: Հոդվածում լուսաբանվում են պենգին վերաբերող խընդիրներ: Ռուսերենից փոխառությունները վերլուծվում են որպես հայերենի պենգիզացիայի աղբյուր: Լուսաբա-

նվում են փոխառությունների ներթափանցման ձևերը, հայոց լեզվի համակարգում դրանց հարմարեցման ուղիները:

Բանալի բառեր՝ ադապտացիա, հայկական քաղաքային սլենգ, փոխառություն, ռուսերեն, սլենգացում:

BORROWINGS FROM RUSSIAN AS A SOURCE OF SLENGIZATION OF THE ARMENIAN LANGUAGE

N. Martiryan

nairamartiryan@gmail.com, nairamart@rambler.ru

*Candidate of Philological Sciences
Associate Professor of the Chair of Russian Linguistics, Typology
and Theory of Communication Yerevan state university
Yerevan, Republic of Armenia*

ABSTRACT

Currently, slang is one of the most interesting language systems in modern linguistics. The article offers coverage of a number of problems associated with the existence of such a phenomenon as slang. The borrowings from Russian are analyzed as a source of slangisation in the Armenian language. The ways of penetration of borrowings, the ways of their adaptation in the Armenian language system are considered.

Keywords: adaptation, Armenian city-wide slang, borrowing, Russian, slangization.

Информация о статье:

*статья поступила в редакцию 03 декабря 2019 г.,
подписана к печати в номер 5 (9) / 2020 – 18.01.2020 г.*

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА В РЕЧИ, ИХ СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПОЭМ ОВАННЕСА ТУМАНЯНА)

Арменуи Мнацакановна Мхитарян

mkhitaryanarmenuhi@mail.ru

К.ф.н., доцент,

*доцент кафедры родного языка и методики его преподавания
Армянский государственный педагогический университет имени Хачатура Абовяна,
Ереван, Республика Армения*

АННОТАЦИЯ

Модальные слова используются с личными формами глагола, придавая им дополнительный смысл, усиливая уже существующее глагольное наклонение, или придавая им новый оттенок и/или значение, то есть один модальный смысл меняется на другой.

Если наклонения глагола выражают объективное или субъективное отношение говорящего или автора к действию, чего, однако, очень часто недостаточно, чтобы выразить объективное и субъективное отношение говорящего или автора к действию, которое возможно выразить, то этот пробел в речи восполняется с помощью модальных слов. Таким образом, модальные слова выражают объективное и субъективное отношение говорящего или автора к глагольному действию. В этом и заключается особенность модальных слов, а именно: выражать такую коммуникативную окраску, которая отсутствует в формах глагольного наклонения.

Ключевые слова: модальные слова, стилистическое применение, стилистические особенности, Ов. Туманян, поэма.

Հայտնի է, որ ձևաբանական մակարդակում լեզվական միավորների ընտրության հնարավորությունները, դրանց ոճական, արտահայտչական նրբերանգները սահմանափակ են՝ պայմանավորված լեզվի նորմայի պահանջով, քանի որ ձևաբանական կարգերի ոճական կիրառությունը նորմատիվ բնույթ ունի՝ ի տարբերություն բառագիտական և շարահյուսական կարգերի: Չնայած նշված սահմանափակությանը՝ խոսքի մեջ, հատկապես գեղարվեստական ստեղծագործություններում խոսքի մասերի ոճական արժեքն ակնհայտ է: Յուրաքանչյուր խոսքի մաս իրեն բնորոշ առանձնահատկությամբ է ձևավորում պատկերավոր խոսք: Հայերենում քերականական մի շարք ձևեր կարող են գործածվել թե՛ ուղիղ, թե՛ փոխաբերական իմաստներով [3: 247–248]:

Պ. Պողոսյանը գրում է. «Խոսքի մասերը նախադասության մեջ և խոսքում հանդես են գալիս իրենց բառային-ֆիզիկական, խոսքի մասային, իմաստաբանական, քերականական և ոճաբանական առանձնահատկություններով: ... Խոսքի մասերը միմյանցից տարբերվում են ինչպես ընդհանուր, այնպես էլ մանավոր ոճական առանձնահատկություններով: Ընդհանուրն այն է, որ գոյականը, ածականը, բայը, մակբայը և դերանունը խոսքի մեջ կարող են գործածվել փոխակերպաբար, այնինչ մյուս խոսքի մասերը փոխակերպաբար չեն գործածվում» [5: 221–222]:

Լ. Եզեկյանը նշում է. «Հայերենի խոսքի մասերի համակարգում ոճական ավելի մեծ հնարավորություններ ունեն գոյականի, ածականի, դերանվան և բայի քերականական կարգերը, մասամբ նաև ձայնարկությունները, եղանակավորող բառերն ու այլ սպասարկու բառերը» [3: 249]:

Հայտնի է, որ հայերենում ձայնարկություններն ու եղանակավորող բառերը (վերաբերականները) առանձնանում են իբրև վերաբերմունքային խոսքի մասեր, որոնք զուրկ են թե՛ նյութական, թե՛ քերականական իմաստներից, նախադասության անդամ չեն դառնում, բայց և նախադասության ձևավորման գործընթացում պակաս կարևոր դեր չեն կատա-

րում: Դրանք երկուսն էլ արտահայտում են խոսողի կամ հեղինակի վերաբերմունքը, բայց և տարբերվում են իրարից:

Եղանակավորող բառերը արտահայտում են խոսողի կամ հեղինակի իրական (օբյեկտիվ կամ սուբյեկտիվ) մտածական կամ դատողական վերաբերմունքը, իսկ ձայնարկությունները՝ զգացական վերաբերմունքը: Այս երկու խոսքի մասերը տարբերվում են թե՛ իմաստային, թե՛ ոճական-արտահայտչական առումներով: Նշենք նաև, որ եղանակավորող բառերը դարեր շարունակ համարվել են մակբայներ. որպես առանձին խոսքի մաս դիտարկել են նախ՝ Մ. Աբեղյանը, ապա՝ Ս. Աբրահամյանը [1: 257] և ուրիշներ [3: 245]: Ս. Աբրահամյանն այն տարանջատել է մակբայներից և անվանել եղանակավորիչ: Եղանակավորող բառերը եղանակավորում կամ երանգավորում են խոսքը, նախադասությունը կամ նրա որևէ անդամը: Եղանակավորող բառի տեսակով պայմանավորված՝ խոսողը կամ հեղինակն իր խոսքին հաղորդում է որևէ երանգ և ոճական լիցք:

Հայտնի է, որ բայի հինգ եղանակներն արտահայտում են խոսողի օբյեկտիվ կամ սուբյեկտիվ վերաբերմունքը գործողության նկատմամբ, սակայն երբեմն դրանք բավարար չեն արտահայտելու խոսողի կամ հեղինակի օբյեկտիվ ու սուբյեկտիվ այն բոլոր վերաբերմունքները, որոնք անհրաժեշտ է արտահայտել խոսքում: Ահա այս այլևայլ վերաբերմունքն էլ արտահայտում են վերաբերականները՝ յուրովի եղանակավորելով խոսքը [5: 326]:

Օրինակ՝ *Երնեկ իմանամ, երնեկ մինն ասեր,*

Թե այս րոպեին նա ինչ է անում (ՀԹ, 3, էջ 46):

Բերված օրինակում **իմանամ**, **ասեր** ըղձական եղանակի ստորոգյալներով արդեն իսկ արտահայտվում է համապատասխան եղանակավորությունը՝ հեղինակի բաղձանքը, իդձը գործողության վերաբերյալ, սակայն այդ վերաբերմունքն ավելի է ուժեղանում, երբ ավելանում է **երնեկ** վերաբերականը՝ դրանով իսկ լսողի կամ ընթերցողի ուշադրությունն էլ ավելի հրավիրելով դրա վրա:

Ներկայացնենք մեկ այլ օրինակ՝

*Մի՛ լար, իմ աղջի՛կ, ինձ խոտովանի՛ր,
Միրու՛ մ ես նըրան, քու կամքո՛վ փախար...
Եթե սիրում ես՝ էլ դարդ մի՛ անիր,
Պիտի պըսակեմ ես ձեզ **անպատճառ**... (ՀԹ, 3, էջ 102):*

Բերված օրինակում **պիտի պսակեմ** հարկադրական եղանակով ստորոցյալն արտահայտում է հեղինակի անհրաժեշտական վերաբերմունքը գործողության նկատմամբ, սակայն այդ իսկ վերաբերմունքը սաստկանում, ուժեղանում է, երբ նախադասություն է ներմուծվում **անպատճառ** բառը իր դարձյալ անհրաժեշտության եղանակային նշանակությամբ: **Անպատճառ** բառը ցույց է տալիս գործողության կատարման անհրաժեշտականություն, որը բնորոշ է հարկադրական եղանակին, սակայն այն կարող է գործածվել նաև բայի մյուս եղանակների հետ և նրանց ևս հաղորդել նույն անհրաժեշտական եղանակի նշանակությունը:

Օրինակ՝ *Սա էր մնացել, սա էլ **անպատճառ***

Մեր գլխին մի նոր կրակ է բերում, –

Նոր դրած բեգյար, կամ իզուր մի շառ,

Թե չէ ինչ ունի ես խուլ ձորերում (ՀԹ, 3, էջ 69):

Բերված օրինակներից պարզ է դառնում, որ եղանակավորող բառերը, դրվելով բայի դիմավոր ձևերի վրա, կա՛մ նրանց եղանակային նոր երանգ ու նշանակություն են հաղորդում, այսինքն՝ մի եղանակային իմաստը փոխում են մեկ այլ եղանակային իմաստի, կա՛մ բայի դիմավոր ձևերի եղանակային իմաստներին հաղորդում են լրացուցիչ գաղափար:

Հաստատական վերաբերականները (իհարկե, այո, անշուշտ, անկասկած, անտարակույս, անպայման, անպատճառ, անխոս, իրոք (որ), իսկապես (որ), հարկավ, հավաստյավ, արդարև, հիրավի, իրավ (որ), իրավամբ, ինչպես չէ, ինչ խոսք, իսկ և իսկ և այլն) արտահայտում են նյութի ճշգրիտ, հավաստի, հաստատ, անառարկելի լինելը: Վերջիններս,

գործածվելով բայի դիմավոր ձևերի հետ, շեշտում են նրանց արդեն իսկ պարունակող հավաստիության եղանակային իմաստը:

Օրինակ՝ – *Աստված օրհնե քեզ, որդի.*

Բայց չէ որ մի տղամարդի

*Համար, **անշուշտ**, շատ են շատ*

Ամեն զենքից երկու հատ (ՀԹ, 3, էջ 33):

*Եվ **անշուշտ** մի օր, հանդերձյալ կյանքում,*

Երկրում թե այլուր, վերև՝ երկրնքում,

Էն անհայտ ճամփով, որով նա գընաց,

Ես էլ կըթըռչեմ՝ աշխարքը թողած... (ՀԹ, 3, էջ 118):

Ի՛նչ երանություն՝ երկրնքում սուզվել,

*Էն չըքնաղներին, որոնք, **անկասկած**,*

Նըման չեն իսկի մեր հայոց կանանց... (ՀԹ, 3, էջ 138):

Լոկ երա՞զ էր այս: Բայց երազն ի՞նչ է:

*Երազ, թե **իրոք** – այդ միթե մի՞նչ չէ,*

Երազն էլ երբ որ կարող է կանչել,

Կարող է հուզել, խընդացնել, տանջել... (ՀԹ, 3, էջ 114):

Այո վերաբերականը (խոսակցական **հա** տարբերակով), ինչպես նաև հաստատական այլ վերաբերականներ (սակավ դեպքերում նաև իհարկե, անշուշտ և այլն) երկխոսությունների մեջ կարող են հանդես գալ իբրև հաստատական նախադասություն, հատկապես հարց ու պատասխանի դեպքում՝ փոխարինելով ամբողջ նախադասությանը և խոսքին հաղորդելով սեղմություն և դիպուկություն: Խոսողը կամ հեղինակը այս նախադասություններով դրական պատասխան է տալիս խոսակցին: Առանձին դեպքերում հաստատական վերաբերականները կարող են ցույց տալ նաև համաձայնություն [1: 329]:

Օրինակ՝ *Բնձ ասա՛, հայր սուրբ, գաղտնիքը կենաց
Արդյոք օրենք է աստծուց սահմանվա՞ծ...
Այո՛, տեր աստված աշխարքին, որդյակ,
Ապրելու համար տվել է օրենք...* (ՀԹ, 3, էջ 59):

– Ես քաղաքումը կարդում եմ, պապի:

«*Հա՛, տիրացու ես, բա ինչո՞ւ չասիր...*» (ՀԹ, 3, էջ 70):

Հաստատական վերաբերականները կարող են գործածվել նաև մե-
նախոսության մեջ և վերաբերել իր իսկ՝ խոսողի արտահայտած մտքին
[1: 329]:

Օրինակ՝ – *Հա՛, իմացա, Գեվոն կըլնի.*

Իմ շան ահից ո՞վ սիրտ կանի... (ՀԹ, 3, էջ 21):

Ինչպես տեսանք, **այո** (ժողովրդախոսակցական **հա**) վերաբերակա-
նը հիմնականում հանդես է գալիս որպես պատասխանական բառ, թեև
հաճախ է գործածվում նաև համապատասխան նախադասության հետ՝
հաստատելով նրա արտահայտած այս կամ այն միտքը:

Լշենք նաև, որ **հավաստյավ**, **արդարև**, **հիրավի**, **անտարակույս**,
հարկավ, **արդարև** վերաբերականները ևս ցույց են տալիս հավաստիու-
թյուն, անառարկելիություն, հատուկ են բարձր ոճին և դրանց ներկայու-
թյունը խոսքին հաղորդում է վերամբարձ երանգավորում:

Ցուցական վերաբերականները (ահա, ահավասիկ, ժողովրդախո-
սակացական՝ հրես, հրեն) ցույց են տալիս ցուցում որևէ առարկայի, դրու-
թյան, գործողության, հատկանիշի վրա, որը առկա է: Ունեն իմաստային-
ոճական նրբերանգներ: **Ահա**-ն ավելի ակտիվ գործածություն ունի, իսկ
ահավասիկ-ը փոխառություն է գրաբարից, որոշ գրքայնության երանգ է
պարունակում, հնաբույր է, որի պատճառով էլ ավելի քիչ է գործածվում:

Վերջիններս կարող են արտահայտել.

➤ Առարկա, որ գտնվում է խոսողի մոտ.

Օրինակ՝ *Էն ձորի միջին ահա մի տնակ* (ՀԹ, 3, էջ 18):

➤ Գործողություն, երևույթ, որ տեղի է ունենում խոսելու պահին, խոսելուց առաջ կամ խոսելու պահից անմիջապես հետո.

Օրինակ՝ *Նստած է Շահր. նըրա առաջին*

Ահա իրիկվան քեֆի սեղանը... (ՀԹ, 4, էջ 56):

Սակայն, ահա, այս տարի

Հայտնեցավ թուրք Ալին... (ՀԹ, 3, էջ 28):

Նա բարի է, խոնարհ և հեզ,

Իրան անմեղ գառների պես,

Բայց և... ահա այսօր

Հրացանն առավ ու գնաց, որ

Ղաչաղ թուրքին անե հարցում... (ՀԹ, 3, էջ 30):

➤ Հենց նոր ասվածը կամ ասելիքը.

Օրինակ՝ – *Իմ փրկողը դու ես, որ կաս:*

Ահա էսպես բան լիներ մարդ,

Գընար, ապրեր լի ու հանդարտ (ՀԹ, 3, էջ 130):

Կըլինեի հարզի մի մարդ,

Նույնիսկ եթե գըլուխըս այնժամ

Դատարկ լիներ հազար անգամ,

Քան թե հիմա իմ գըրպանը:

Ահա կյանքում էս է բանը... (ՀԹ, 3, էջ 130):

– *Ես դեմ եմ, ասավ, բանաստեղծության,*

Զըզվեցնում է ինձ էդ երզի Մուսան:

Ո՛չ նըտքեր են պետք, ո՛չ ձիրք և ոչ խելք, –

Բառեր ու հանգեր – և ահա քեզ երզ (ՀԹ, 3, էջ 135):

➤ Անձ, առարկա, երևույթ, որ ժամանակով, տարածությամբ հեռու են խոսողից, խոսելու պահից, բայց խոսողը կամ հեղինակը հատուկ ոճա-

վորումով ներկայացնում է խոսակցին, ընթերցողին, կարծես թե ի տես: Այս կիրառությունը հանդիպում է հատկապես թվարկման դեպքում [1: 259–260]:

– Վէ՛ր կաց, բանաստե՛ղծ, կանչում է էսպէս,
 Վէ՛ր կաց, ներշնչվի՛ր, դուրս արի հանդէս,
 Տանջվում են **ահա** եղբարքըդ թըշվառ,
 Հեծում, հալածվում աշխարհից աշխարհ:
 Երկինք են հասել արցունք ու արյուն...
Ահա՛ քեզ համար բերել եմ ավյուն,
 Հույս տուր վրհատին, ըսփոփիր որբին,
 Ուժ տուր պանդրխտին իր երկար ճամփին:
 Նայիր՝ աղջիկը ի՛նչպէս ծաղկել է,
 Աչքերի մըթնից պայծառ ծագել է
 Կյանքի արևը ու սիրտ է հուզում,
 Անձնրվեր սիրո երգեր է ուզում...
 Ուրախ ու անհոգ զարունն էլ **ահա**
 Բազմել է կանաչ սարերի վըրա,
 Չորերը լըցվել, փըռվել հովիտում.
 Հավքերն երգում են, ծաղկունքը փըթթում... (ՀԹ, 3, էջ 129):

Երկբայական վերաբերականները (միթե, ջլինի (թե), երևի (թե), գուցե (թե), միգուցե, արդյոք, ասես, իբր (թե), իբրև (թե), դժվար (թե), կարծես (թե), կարծեմ (թե), կարծյոք, ըստ երևույթին, հազիվ (թե), թերևս, հավանաբար, և այլն) ցույց են տալիս թեական, երկբայական վերաբերմունք: Ինչպես տեսանք, երկբայական վերաբերականները շատ են քանակով և տարբեր՝ իմաստային-ոճական երանգներով: Այս եղանակիչները, դրվելով բայի դիմավոր ձևերի, անգամ սահմանական եղանակի բայ-ստորոցյալների վրա, որոնք ցույց են տալիս խոսողի սուկական օբյեկտիվ վերաբերմունքը գործողության նկատմամբ, փոխում են նշված իմաստը՝

հաղորդելով այլ եղանակային իմաստ, այն է՝ թեականության, ոչ հավատիության եղանակային իմաստ:

Օրինակ՝ *Գուցե մի րոպե նաև քո հոգում
Նրա խոսքերը արձագանք տվին.
Գուցե ծերունու երգը ցավալի
Տրտմություն ազդեց նաև քո սրտին...* (ՀԹ, 3, էջ 78):

Բերված օրինակներն ասվածի վառ ապացույց են: Չնայած որ նախադասությունները կազմված են սահմանական եղանակով դրված բայստորոցյալներով, **գուցե** եղանակիչների առկայությունը փոխում է դրանց իմաստը՝ հաղորդելով երկբայական-հարցական երանգ:

Ըստ իմաստային-ոճական երանգների ակադեմիկոս Ս. Աբրահամյանը տարբերում է երեք տեսակ՝ երկբայական-հավանական, երկբայական-անհավանական, երկբայական-հարցական:

1. Երկբայական-հավանական: Հավանականության, թվացողության իմաստներ են արտահայտում կարծես (թե), կարծեմ (թե), ասես (թե), թերևս, երևի (թե) և այլ վերաբերականներ:

Օրինակ՝ *Եվ խաղաղ էր նրա կյանքը,
Կարծես, աստծո օրհնանքը
Նրա վերա իջել էր* (ՀԹ, 3, էջ 28):

*Հրսկա՛ շուրջպարի բրնձած երկրնքում,
Հրրճվում են, ասես էն մեծ հարսանքում...* (ՀԹ, 3, էջ 83):

*Ցավից տաքացած էլ բան չեն հարցնում,
Թրոշում են, ասես ահից հալածված...* (ՀԹ, 3, էջ 102):

*Ասես թե բրնավ աշխարհ չէր եկած,
Եվ այսուհետև երբե՛ք, հավիտյան
Էլ չէր տեսնելու արևը նրբան...* (ՀԹ, 3, էջ 123):

Էսպես կամեցալ աստված, երևի... (ՀԹ, 3, էջ 116):

Թերևս և քեզ յուր աղբատ դափում

Ներկայանում է մոայլ ծերունին... (ՀԹ, 3, էջ 78):

Բերված օրինակները պարունակում են սահմանական եղանակով դրված բայ-ստորոցյալներ, որոնք ցույց են տալիս հաստատ կատարվող, կատարված կամ կատարվելիք գործողություն, այն է՝ խոսողի կամ հեղինակի սուսկական օբյեկտիվ վերաբերմունքը գործողության նկատմամբ: Երկբայական-հավանական **կարծես, ասես (թե), երևի, թերևս** եղանակիչների առկայության պարագայում դրանք փոխում են իրենց եղանակային իմաստը՝ օբյեկտիվության եղանակավորությունից վերածվելով սուբյեկտիվության եղանակավորության: Ահա սա էլ հենց եղանակավորող բառերին բնորոշ յուրահատկությունն է, այն է՝ եղանակային այնպիսի իմաստներ արտահայտելը, որը չկա սովորական եղանակային ձևերի (դիմավոր բայերով) իմաստներում:

2. Երկբայական-անհավանական: Անհավանականության իմաստ են արտահայտում իբր (թե), իբրև (թե) և այլ վերաբերականներ:

Օրինակ՝ *Պառկած է իբրև Թաթուլ իշխանը*

Նազելի կընոջ գըլուխն իր կըրծքին,

Ու իբր ասում է՝ վե՛ր կաց, իմ հրեշտակ,

Թո՛ղ, որ սպանեմ ես էդ հըրեշին (ՀԹ, 4, էջ 54):

Պառկած է, ասում է ստորոցյալները սովորաբար ունեն սահմանական եղանակի իմաստ: Սակայն օրինակում համադրվելով **իբրև, իբր** եղանակիչների հետ՝ կորցնում են իրենց բնորոշ իմաստը և ստանում երկբայական, թեական, հնարավոր ոչ հավանական գործողությունների նշանակություն:

3. Երկբայական-հարցական: Այսպիսի վերաբերականները սովորաբար գործածվում են հարցական նախադասությունների մեջ և արտահայտում են խոսողի երկբայական վերաբերմունքը նախադասության

մտքի կամ որևէ անդամի վերաբերյալ: Դրանք են՝ գուցե (թե), միգուցե, արդյոք, միթե, չլինի (թե): Սրանցից յուրաքանչյուրն իր հերթին ունի մյուսներից տարբեր իմաստային-ոճական երանգ [1: 260–262]:

Օրինակ՝ – *Քեզ... քեզ կըհանձնեմ տիրոջ խնամքին,
Իսկ ես հնազանդ նրա սուրբ կամքին,
Կըզնամ, հոգի՛ս, աշխատանք կանեմ,
Գուցե շուտով գամ ու քեզ էլ տանեմ...* (ՀԹ, 3, էջ 38):

*Գուցե թե գիշերն անքուն աչքերով
Ուզես իմանալ վիճակս աստղերով...* (ՀԹ, 3, էջ 42):

Բերված օրինակներում **գուցե**, **գուցե թե** եղանակիչները մտքին հաղորդել են երկբայական-հարցական, ենթադրական երանգ:

Գեղարվեստական ոճում հաճախ է գործածվում **արդյոք** եղանակիչը, որը երկբայական-հարցական երանգից բացի երբեմն կարող է արտահայտել նաև հաստատում, մի քանի այլ դեպքերում նաև մտավախություն, ժխտում [4: 311]:

Օրինակ՝ *Ափսոս՛ս, կտրիճ, ախ ո՞ւր եկար
Էս աշխարհքը սև ու մուրթ.
Ո՞ր անօրեն մարդն էր արդյոք,
Տըվեց էդպես քեզ խորհուրդ* (ՀԹ, 4, էջ 99):

*Ուզեցի զըտնեմ մըտքի մի թափով,
Թե ի՛նչ էր արդյոք, էն ի՛նչ էր լինում...* (ՀԹ, 3, էջ 119):

*Թե արդյոք նրրա աչքերը անմահ
Նայո՞ւմ են ներքև, տեսնո՞ւմ են ինձ էլ,
Թե ո՛նց եմ ցավիս տակին կորացել...* (ՀԹ, 3, էջ 122):

*Ինձ ասա՛, հայր սուրբ, գաղտնիքը կենաց
Արդյոք օրենք է աստծուց սահմանա՞ծ...* (ՀԹ, 4, էջ 58):

*Գո՞րծ ունի արդյոք, հաջո՞ղ է գնում,
Արդյոք մի անգամ ինձ միտն է բերում,
Գիտե՞՞, թե օրերն ինչպես եմ համբում... (ՀԹ, 3, էջ 46):*

Նշված տեսակի մեջ ամենագործածականը **միթե** եղանակավորիչն է, որը շատ հաճախ հարցական հնչերանգ է ունենում: Այն նախադասությանը հաղորդում է երկբայական-հարցական, ինչպես նաև անհամաձայնության, անսպասելիության, զարմացական, երբեմն նաև դժգոհության երանգներ: Երբեմն անսպասելիության և դժգոհության երանգը կարող է շեշտվել և մոտենալ ժխտման իմաստին, որը ոճական որոշակի երանգավորմամբ հաճախ արտահայտում է նաև ճարտասանական հարցում [3: 303]:

*Օրինակ՝ Միթե սա՞ է, տեր, քո տված կյանքը.
Միթե ա՞յս էր ինձ համար պատրաստած... (ՀԹ, 3, էջ 46):*

Բայց մի՞ թե երկրում ես պիտի կորչեմ... (ՀԹ, 3, էջ 59):

Բայց մի՞ թե նրանք ապրում են անմեռ... (ՀԹ, 3, էջ 136):

Հո (խոսակցական **խո, խոմ** տարբերակով) եղանակավորիչը հարցականով կարող է գործածվել հատկապես ժխտական նախադասություններում: Այս դեպքում խոսողն ցանկանում է կա՛մ ժխտել այդ երեվույթը, կա՛մ իմանալ նրա իսկությունը:

*Օրինակ՝ Խոսեց ծերունին դառը խնդալով,
Բա մեռած հո չենք, ապրում ենք, էլի,
Ամեն մեռնողի երանի տալով (ՀԹ, 3, էջ 72):*

*Ախպե՛ր, ասեցինք, ի՞նչ արիք իրար,
Խոսք էք կովացրել, արին հո չարիք.
Համ ծեծել տրվիր, համ ըշտրափրդ առ,
Արի վերջացրու, բոլ էլավ, հերիք (ՀԹ, 3, էջ 75):*

Հո՛ղեմ զլուխը... ես գերի հո չե՛մ... (ՀԹ, 4, էջ 12):

*– Հո՛ գիտեք, ասավ, ես էլ խրդճի տեր,
Չեմ ուզում ընկնեմ արինն էդ տըղի... (ՀԹ, 3, էջ 76):*

*Համ էլ ընկա պարտքերի տակ.
Հո պոետի պարտքն էլ գիտես.
Էդ լոկ պարտք չի ուրիշի պես,
Այլ ազգային մի մեծ առակ... (ՀԹ, 3, էջ 133):*

*Ես չասեմ, դու հո կարդացող մարդ ես,
Էն ո՞ր աստվածն է կարգ դրել էսպես... (ՀԹ, 3, էջ 77):*

Մաստկական վերաբերականները կարող են դրվել նախադասու-
թյան բոլոր անդամների վրա՝ շեշտելով և սաստկություն հաղորդելով
դրան: Միայն **իսկ** բառն է, որ չի կարող դրվել ստորոցյալի վրա: Դրանք
են՝ նույնիսկ, հենց, անգամ, մինչև իսկ, մինչև անգամ, իսկ, իսկ և իսկ, մա-
նավանդ, նամանավանդ և այլն:

*Օրինակ՝ Դուրս եկա, տեսնեմ՝ Մհեն է կանգնած
Մի սև ձի հեծած, թռավ ու գնաց.
Ետնուց կանչեցի՝ Մհե՛, կաց, արի՛.
Հենց այս կանչերումն աչքս բաց արի (ՀԹ, 3, էջ 43):*

*Քու երեսից հենց նույն տարին
Իմ պաշտոնից ինձ դուրս արին (ՀԹ, 3, էջ 133):*

*Ու բիրտ, վայրենի կանգնեց, ինչպես սար,
Էնժամ կիմանաս, թե ընչի համար
Թե՛ գող, թե՛ զագան, հենց դատարկ վախից,
Հեռու են փախչում նրբա փարախից (ՀԹ, 3, էջ 19):*

Սահմանափակման վերաբերականներն արտահայտում են գործողությունների հատկանիշների, առարկաների սահմանափակման իմաստ: Դրանք են՝ գեթ, գոնե, լոկ, միայն (թե), միմիայն, սոսկ, թեկուզ և այլն:

Օրինակ՝ *Քրնած է աշխարհ, քրնած է քամին.*

Անքուն չարքերը չեն միայն քրնած... (ՀԹ, 3, էջ 21):

Եվ թե հաստատուն մի բան կա անմահ,

Արդյոք իմաստուն հոգին չի՞ միայն նա... (ՀԹ, 3, էջ 114):

Առաջին օրինակում ներկայացված է գործողության սահմանափակում է, իսկ երկրորդում՝ առարկայի:

Սահմանափակման վերաբերականների այլ օրինակներ՝

Արի՛, որդի՛, արի, դարձի՛ր,

Գեթ խնայիր քո խեղճ նանին... (ՀԹ, 3, էջ 29):

Եվ կատաղում էր, որ մի մարդ չըկար՝

Յուր ցավն սփռիեր, կամ գեթ հասկանար... (ՀԹ, 3, էջ 56):

Այն օտար երկրում որ հիվանդանաս,

Գոնե, ո՞վ պիտի քեզ սառը ջուր տա... (ՀԹ, 3, էջ 38):

Ոչինչ չեմ գտնում այլևս աշխարքում՝

Լոկ խաբեություն և անմիտ տանջանք... (ՀԹ, 3, էջ 61):

– Սուտ բան է, քուրի՛կ, դու մի՛ հավատար,

Լոկ պատահական մի չար խոսք է սա... (ՀԹ, 3, էջ 91):

Բսկ մահը, կարծես, չոքել է կրծքիս,

Միմիայն խորափոս, խավար գերեզման,

Միմիայն դժոխքն է երևում աչքիս... (ՀԹ, 3, էջ 61):

*Թեկուզ և մենակ լինի փարախում,
Աժդահա Սաքոն ընչի՞ց է վախում (ՀԹ, 3, էջ 13):*

*Ի՞նչ պետք է անի քեզ մի երեխա,
Թեկուզ իր տեղով հենց կըրակ դառնա (ՀԹ, 4, էջ 11):*

Երբեմն հանդիպում է նաև ժողովրդախոսակցական **գուտ** բառը, որը ևս սահմանափակման նրբերանգ է հաղորդում խոսքին:

Օրինակ՝ *Նրա խանչալն և այնալին,
Որ արծաթով էր պատած **գուտ**,
Տարավ հաղթողըն այն անգուրթ... (ՀԹ, 3, էջ 32):*

Կամային վերաբերականները (թող, դե, հապա, ապա, մի և այլն) արտահայտում են խոսողի կամքը գործողության կատարման վերաբերյալ:

Օրինակ՝ *– Ապրես Ալեք, շատ ապրես,
Թող աստված գորացնե քեզ... (ՀԹ, 3, էջ 34):*

Հովհ. Թումանյանը իր «Մերժած օրենք» պոեմում կիրառել է կրկնապատկություն ճարտասանական ձևը՝ մտքին թափ հաղորդելու, ինչպես նաև զգացմունքի չափը մեծացնելու նպատակով:

Օրինակ՝ ***Թող** այնուհետև քանդվի նա իսպառ,
Նրա երեսին էլ կյանք չըծաղկի,
Թող մեռնեն մարդիկ, **թող** ուտեն իրար...
Ես էլ չեմ խղճում այստեղ ոչ ոքի (ՀԹ, 3, էջ 61):*

Բերված օրինակներում **գորացնե**, **քանդվի**, **մեռնեն** ըղձական եղանակով ստորոգյալները ունեն **թող** եղանակիչը, որը թեև չի փոխում խոսքի եղանակային իմաստը, բայց և օժտում է այն լրացուցիչ գաղափարով, այն է՝ կամքի ընդգծում:

Այլ օրինակներ՝ *Ապա է՞ս, Մհե, ինձ ի՞նչ ես անում... (ՀԹ, 3, էջ 37):*

*Չէ՞ ս սիրում ասիր . էն ի՞նչ է հապա,
 Էն ի՞նչ է հապա, որ տեղն ենք մըտնում՝
 Հեկեկում ես դու գիշերվա մըթնում.
 Էն ի՞նչ է հապա, որ դու երագում
 «Մարո ջան, Մարո՛ ... Մարո» ես ասում... (ՀԹ, 3, էջ 97):*

Դե կամ **դեհ** եղանակիչներն արտահայտում են դժգոհություն, անբավականություն, երբեմն էլ՝ վճռականություն:

*Օրինակ՝ Դե հանի՛ր, ա՛ դջի,
 Վիճակն ի բարին,
 Երգերով գովենք
 Էն իգիթ յարին (ՀԹ, 3, էջ 90):*

*Դառն աշխատում ենք ու դատարկ նստում.
 Գետինը ձգած սերմը չենք վերցնում...
 Այս ընչի՞ կյանք է, դե՛ քեզ եմ հարցնում (ՀԹ, 3, էջ 37):*

Հեղինակը «Մեհրի» պոեմում կիրառել է **դեհ** ժողովրդախոսակցական ձևը, որը մտքին անբավականություն, երբեմն նույնիսկ դժգոհություն կարող է հաղորդել:

*Օրինակ՝ – Դե՛հ, մնաք բարով, ծերունի հայրիկ,
 Նազելի Մեհրի, սիրուն հայրենիք,
 Մրտակից տղերք, ընկեր-հարևան,
 Մոտիկ բարեկամ, արյուն-ազգական... (ՀԹ, 3, էջ 41):*

«Պոետն ու մուսան» պոեմում ևս մի քանի անգամ գործածվել է **դեհ** ժողովրդախոսակցական ձևը:

Օրինակ՝ Դեհ, գընա՛, Մուսա՛ ... (ՀԹ, 3, էջ 139):

*– Դե՛հ, մընաս բարյավ,
 Անսի՛րտ, անիրա՛վ... (ՀԹ, 3, էջ 140):*

Հազվադեպ հեղինակը միանգամից համադրում է երկու տարբեր եղանակավորիչներ, դրանով իսկ ավելի շեշտելով իր վերաբերմունքը:

Օրինակ՝ *Հապա մի նայի՛ր հրսկա հասակին,*

Ո՛նց է մեկնրվել: Ասես ահագին

Կաղնրքի լինի անտառում ընկած (ՀԹ, 3, էջ 18):

Զիջական վերաբերականները (ինչևէ, ինչևիցե, ինչ է որ, ինչ էլ լինի, համենայն դեպս, այնուամենայնիվ, այսուամենայնիվ, այնուհանդերձ, այսուհանդեպ, ի դեպ, ի միջի այլոց և այլն) արտահայտում են խոսողի զիջական վերաբերմունքը իրողության վերաբերմամբ:

Օրինակ՝ *Էսօրն ինչ է որ, – մի երեկ է նոր,*

Էսօրն էլ կանցնի, երեկ կըդառնա... (ՀԹ, 3, էջ 117):

Ժխտական վերաբերականները (ոչ, չէ, բնավ, ամենևին) կարող են գործածվել թե՛ նախադասության հետ, թե՛ իբրև պատասխանական բառ՝ ստանալով նախադասության արժեք: Ամենատարածվածը **ոչ** և **չէ** (ժողովրդախոսակցական) եղանակիչներն են, որոնք, ըստ էության, **այո** և **հա** հաստատական եղանակիչների հականիշներն են: **Չէ**-ն ավելի բնորոշ է ժողովրդախոսակցական ոճին, բայց հաճախ է գործածվում նաև գեղարվեստական գրականության մեջ: Թումանյանի պոեմներում ավելի հաճախ գործածվում է **չէ** եղանակիչը՝ պայմանավորված լեզվի ոճով:

Օրինակ՝ *– Ո՛չ, ո՛չ, նա գընաց, էլ ետ չի գալու,*

Եվ եղպես դու միշտ մեղք ես մընալու (ՀԹ, 3, էջ 118):

Չեն լսվում երբեք սուրբ հայրերի մոտ

Մարդոց խնջույքի ուրախ երգերը,

Եվ ոչ կանացի հայացքը խանդոտ

Հուզում է մեղքով խաղաղ սրտերը (ՀԹ, 3, էջ 53):

– Չէ՛, ասավ Մելիք, քու ամբողջ ազգով

Անց պիտի կենաս իմ թրրի տակով... (ՀԹ, 4, էջ 11):

– Միրելի Մեհրի, չէ՛, ամեն երկրում

Մարդիկ այսպիսի նեղություն չեն կրում... (ՀԹ, 3, էջ 37):

*Չէ՛, չեմ գտնում, հայր, աղոթքների մեջ
Եվ ոչ հոգեբույս մեղեդիների,
Դարձյալ մնում է նա սաստիկ մի տենչ... (ՀԹ, 3, էջ 60):*

*Առանց հոգսերի ու առանց վրշտի
Խաղում էինք մենք էն երազ հովտում,
Ու թընդում էր հեշտ ծիծաղն ինձ ծաղրող.
– Չէ՛ ս կարող, չէ՛, չէ՛ ս կարող... (ՀԹ, 3, էջ 113):*

Հեղինակը «Մեհրի» պոեմում յուրահաստուկ ձևով օգտագործել է կրկնության հնարանքը, որով էլ ավելի է սաստկացրել ժխտումը:

*Օրինակ՝ – Այստեղ աշխատի՛ր, մի՛ գնալ, Մհե,
Ինձնից հեռանալ չեմ թողուլ, չէ՛, չէ՛,
Լավ է միասին մեր ցավը քաշենք,
Քան իրար կարոտ, սիրտներս մաշենք... (ՀԹ, 3, էջ 37):*

Ժխտական վերաբերականները կարող են գործածվել նաև մենախոսության մեջ և վերաբերել իր իսկ՝ խոսողի առաջադրած հարցին [1: 264]:

*Օրինակ՝ Աչքերը հանգչող կրրակին հառած՝
Ծանրը է շնչում հովիվն ահառած,
Եվ վայրի հոգին լեռնական մարդու
Ալեկոծում է կասկածն ահարկու:
– Չէ՛, քամին էր էն... էն գիլի շրվաք... (ՀԹ, 3, էջ 21):*

Բաղձանքի վերաբերականները (երանի (թե), երնեկ (թե), ուր է (եր), ուր է (եր) թե) արտահայտում են բաղձանք, իղձ, ցանկություն որևէ գործողության, երևույթի վերաբերյալ:

*Օրինակ՝ Էս հղթական լուրի վրրա քանդվեց սիրտը սիրունի.
Ա՛յս, Սասունցի քաջ Դավիթը իմը լիներ երանի... (ՀԹ, 4, էջ 42):*

*Ա՛յս, երանի՛՝ ո՛վ մարդ կրգա
Ու մարդ կերթա անարատ (ՀԹ, 4, էջ 57):*

Աղջի, բախտավո՛ր,
 Երնե՛կ քու սերին,
 Քու սարի սովոր
 Մե-սև աչքերին (ՀԹ, 3, էջ 92):

Գեղարվեստական գրականության մեջ հանդիպում են դեպքեր, երբ միննույն հատվածում մեկից ավելի եղանակիչներ են կիրառվում: Այս պարագայում, կարծում ենք, խոսքն էլ ավելի է խտանում, լիցքավորվում համապատասխան երանգավորմամբ:

Օրինակ՝ *Ապա ու՞ր են յուր զենքերը.*
Եթե, իրավ, իգիթ է նա,
Թող վեր կենա, ճամփեն գնա,
Թե մի ճամփորդ է նա հոգնած,
 Կամ թե հովիվ անուշ քնած (ՀԹ, 3, էջ 31):

Թեկուզ Ալեքին չըգտնեն,
Գեթ մի ուրիշ հայ սպանել. –
Ալնի դսասը միայն հանել (ՀԹ, 3, էջ 32):

– *Այստեղ ի՞նչ կա, հայր, որ այստեղ աշխատեմ,*
Հենց թեկուզ, սսենք, մնամ, աշխատեմ... (ՀԹ, 3, էջ 39):

Լոկ երա՞զ էր այս: Բայց երազն ի՞նչ է:
Երազ, թե իրոք – այդ միթե մի՞նչ է... (ՀԹ, 3, էջ 114):

– *Էն տաղա՞նդը, էն ձի՞րքն հապա,*
Որ տըվել էմ...
 – *Ա՛յ իսաբերա,*
Ահա ես էլ եղ էմ լալիս.
Ինչո՞ւ էս ձիրքն էիր տալիս:
Չըգիտեի՞ր միթե այնժամ,

Թե ինչ աշխարք պիտի ես գամ:

Թող լինեի մի կեղեքող,

Հավաքեի միշտ փող ու փող... (ՀԹ, 3, էջ 130):

Այսպիսով՝ եղանակավորող բառերը, դրվելով բայի դիմավոր ձևերի վրա, կա՛մ բայի դիմավոր ձևերի եղանակային իմաստներին հաղորդում են լրացուցիչ գաղափար՝ սաստկացնելով արդեն իսկ եղած եղանակը, կա՛մ նրանց եղանակային նոր երանգ ու նշանակություն են հաղորդում, այսինքն՝ մի եղանակային իմաստը փոխում են մեկ այլ եղանակային իմաստի:

Եթե բայի եղանակներն արտահայտում են խոսողի կամ հեղինակի օբյեկտիվ կամ սուբյեկտիվ վերաբերմունքը գործողության նկատմամբ, որոնք սակայն շատ հաճախ բավարար չեն արտահայտելու խոսողի կամ հեղինակի օբյեկտիվ ու սուբյեկտիվ այն բոլոր վերաբերմունքները գործողության նկատմամբ, որոնք հնարավոր է արտահայտել, ապա այս բացը խոսքում լրացվում է եղանակավորող բառերի օգնությամբ: Այսինքն՝ եղանակավորող բառերը խոսողի կամ հեղինակի ամենատարբեր օբյեկտիվ կամ սուբյեկտիվ վերաբերմունքն են արտահայտում գործողության նկատմամբ: Ահա սա էլ հենց եղանակավորող բառերին բնորոշ յուրահատկությունն է, այն է՝ եղանակային այնպիսի իմաստներ արտահայտելը, որը չկա սովորական եղանակային ձևերով (դիմավոր բայերով) արտահայտված իմաստներում:

ЛИТЕРАТУРА

1. *Արքահամյան Ս.* Ժամանակակից գրական հայերեն: – Երևան, 1981:
2. *Բաղդիկյան Խ.* Ժամանակակից հայոց լեզվի ձևաբանություն: – Երևան, 2010:
3. *Եզեկյան Լ.* Հայոց լեզվի ոճագիտություն: – Երևան, 2006:
4. *Մկրտչյան Ռ.* Ժամանակակից հայերենի ձևաբանական ոճաբանություն: – Երևան, 1992:

5. Պողոսյան Պ. Խոսքի մշակույթի և ոճագիտության հիմունքները, գիրք I: – Երևան, 1990:

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. ՀԹ, 3 – Հովհ. Թումանյան Երկերի լիակատար ժողովածու տասը հատորով, Հ. III, Պոեմներ: – Երևան, 1989:
 2. ՀԹ, 4 – Հովհ. Թումանյան Երկերի լիակատար ժողովածու տասը հատորով, Հ. IV, Պոեմներ: – Երևան, 1991:

ԵՂԱՆԱԿԱՎՈՐՈՂ ԲԱՌԵՐԸ ԿԱՄ ՎԵՐԱԲԵՐԱԿԱՆՆԵՐԸ ԽՈՍՔՈՒՄ, ԴՐԱՆՑ ՈՃԱԿԱՆ ԿԻՐԱՌՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՆ ՈՒ ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ (ՀՈՎՀԱՆՆԵՍ ԹՈՒՄԱՆՅԱՆԻ ՊՈԵՄՆԵՐԻ ՕՐԻՆԱԿՈՎ)

Ա.Մ. Մխիթարյան
mkhitarjanarmenuhi@mail.ru

*Բ.գ.թ., դոցենտ,
 Խաչատուր Աբովյանի անվան հայկական պետական
 մանկավարժական համալսարանի մայրենիի
 և նրա դասավանդման մեթոդիկայի ամբիոնի դոցենտ
 Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Եղանակավորող բառերը, դրվելով բայի դիմավոր ձևերի վրա, կա՛մ բայի դիմավոր ձևերի եղանակային իմաստներին հաղորդում են լրացուցիչ գաղափար՝ սաստկացնելով արդեն իսկ եղած եղանակը, կա՛մ նրանց եղանակային նոր երանգ ու նշանակություն են հաղորդում, այսինքն՝ մի եղանակային իմաստը փոխում են մեկ այլ եղանակային իմաստի:

Եթե բայի եղանակներն արտահայտում են խոսողի կամ հեղինակի օբյեկտիվ կամ սուբյեկտիվ վերաբերմունքը գործողության նկատմամբ, որոնք սակայն շատ հաճախ բավարար չեն արտահայտելու խոսողի կամ հեղինակի օբյեկտիվ ու սուբյեկտիվ այն բոլոր վերաբերմունքները գործողության նկատմամբ, որոնք հնարավոր է արտահայտել, ապա այս բացը խոսքում լրացվում է եղանակավորող բառերի օգնությամբ: Այսինքն՝ եղանակավորող բառերը խոսողի կամ հեղինակի ամենատարբեր օբյեկտիվ կամ սուբյեկտիվ վերաբերմունքն են արտահայտում գործողության նկատմամբ: Ահա սա էլ հենց եղանակավորող բառերին բնորոշ յուրահատկությունն է, այն է՝ եղանակային այնպիսի իմաստներ արտահայտելը, որը չկա սովորական եղանակային ձևերով (դիմավոր բայերով) արտահայտված իմաստներում:

Բանալի բառեր՝ եղանակավորող բառեր կամ վերաբերականներ, ոճական կիրառություններ, ոճական առանձնահատկություններ, Հովհ. Թումանյան, պոեմ:

**MODAL WORDS IN SPEECH,
THEIR STYLISTIC APPLICATION AND FEATURES
(ON THE EXAMPLE OF A POEM BY HOVHANNES TUMANYAN)**

A. Mkhitryan

mkhitryanarmenuhi@mail.ru

*PhD, Associate Professor,
Associate Professor at the Chair of the Armenian Language
and its Teaching Methodology after Ashot Ter-Grigoryan
of Armenian State Pedagogical University after Khachatur Abovyan
Yerevan, Republic of Armenia*

ABSTRACT

Modal words are used with personal forms of the verb, giving them additional meaning, reinforcing the already existing verb mood, or giving them a new shade and / or meaning, i.e., one modal meaning changes to another.

If the mood of the verb expresses the objective or subjective attitude of the speaker or author to action, which, however, is often not enough to express the objective and subjective attitude of the speaker or author to action that can be expressed, then this gap in speech is filled with modal words. Thus, modal words express the objective and subjective attitude of the speaker or author to the verb action. This is the peculiarity of modal words, namely: to express such a communicative coloring, which is absent in the forms of verb mood.

Keywords: modal words, stylistic application, stylistic features, Н. Туманян, poem.

Информация о статье:

*статья поступила в редакцию 06 декабря 2019 г.,
подписана к печати в номер 5 (9) / 2020 – 09.01.2020 г.*

ОБОЗНАЧЕНИЕ МЕСТА И ВРЕМЕНИ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ТЕКСТЕ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ

Светлана Леонидовна Орлова

julia-65@bk.ru

*К.ф.н., доцент кафедры русского языка и литературы
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
Оренбургского государственного университета
Орск, Российская Федерация*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена описанию одной из особенностей этикета эпистолярного текста конца XIX – начала XX веков – обозначению места и времени написания письма. Материалом анализа послужила переписка известных деятелей культуры: Станиславского, Прокофьева, Брюсова и других. В исследовании прослеживается связь формы этикетной единицы с содержанием текста, ситуацией общения, эпистолярным стилем автора.

Ключевые слова: эпистолярный текст, интеллигенция, этикет, письмо, коммуникативная ситуация.

Дошедшая до нас переписка великих русских писателей, композиторов, художников, деятелей театра и других представителей культуры рубежа XIX–XX веков сохранила живые образцы их письменной неофициальной речи, отражающие важный этап развития русской эпистолярной культуры.

Высокий уровень этой культуры, несомненно, отразился прежде всего в содержании этих писем, посвященных обсуждения важнейших вопросов общественной, творческой и духовной жизни интеллигенции. В их содержании отражается и высокий уровень подчас непростых отношений между участниками переписки. Однако не в меньшей степени высокий уровень их культуры отражается в умении выбрать соответствующие тексту и уровню

отношений единицы речевого этикета (форму обращения, подписи, прощания и пр.).

Одной из единиц речевого этикета эпистолярной рамки письма является обозначение места и времени его написания. В эпистолярном тексте конца XIX – начала XX века принято было указывать место и время его написания. Место расположения данной единицы не было закреплено: авторы писали об этом в начале письма перед обращением или в конце перед подписью, в левой или правой части листа. Передаваемая в данном случае информация была обычно стандартна: указывалась дата и населенный пункт, однако формы записи единой не было – порядок перечисления мог быть разным, дата обозначалась арабскими или римскими цифрами, словами, могла быть полной или сокращенной, причем разные варианты записи встречаются даже у одного и того же автора.

Чаще всего обозначение являлось этикетным и обусловлено было традицией систематизировать переписку и сохранять в семейном архиве, что объясняет точность и в то же время стандартность обозначения времени: число, месяц, год; обобщенность указания места. Примеры из писем К.С. Станиславского:

«Фрейбург, 27 июля 1923» [9: 130];

«29/УШ 924 Москва» [9: 189];

«Дарьино, 18-го августа 26 г.» [9: 266].

Формальность этикетной единицы в данном случае подчеркивается и непоследовательностью автора в расположении ее в письмах. Первый пример был взят из письма, где он помещался в зачине текста справа, второй – также в начальной части письма, но слева, третий – в конце слева.

Достаточно распространенным фактом переписки начала XX века является двойное указание даты – по юлианскому и григорианскому календарю. Ситуации использования разного летоисчисления в письме могут быть разными. Еще до введения в России нового летоисчисления автор мог обозначить две даты, если писал из Европы, где был принят григорианский календарь, в Россию, в которой использовался юлианский отстающий от европейского на 13 дней. Примером может быть письмо В.Я. Брюсова, отправленный из Великобритании:

«15/28 апреля. 1902. Оксфорд». (Брюсов) [3: 130].

После перехода 31 января 1918 г. декретом Советской власти в России на новый стиль первое время практически все отмечали в письмах две даты:

«1918. 24/11 марта»;

«2/15 мая 918» (Станиславский) [9: 56].

Отступления от традиционного оформления места и времени могли быть случайны или, по крайней мере, не очень понятны. Так, в одном из писем С.С. Прокофьева Н.Я. Мясковскому обозначен день недели и год:

«Вторник. 1908» (Прокофьев) [6: 62].

Указание дня недели понятно в их активной творческой переписке, но, почему не указано число и зачем тогда указан год, неясно.

В других случаях отступление от традиции обозначения явно осознанно и мотивировано стремлением помочь адресату представить обстановку написания текста.

Нестандартное указание времени может содержать время суток: «24 окт. вечером»; может включать более точную характеристику дня: «8 апр., пасха, воскресенье» (примеры взяты из переписки В.И. Немировича-Данченко и К.С. Станиславского). Такое значимое для автора указание времени в данном случае располагается в зачине письма и несет дополнительную нагрузку: оно позволяет автору воспроизвести в письме обстановку непосредственного общения, является средством преодоления условности эпистолярного общения.

Еще большую значимость имеет данная этикетная единица в случае, если сопровождается комментарием адресанта. Так, М.И. Цветаева комментирует в скобках обозначенную дату, превращая этикетную единицу в содержательную, в важную часть письма, сожалея о неумолимо текущем времени:

«14 сент. 1940 г. (Чуть было не написала 30 г. А-хорошо бы!)» (Цветаева) [11: 154].

Место написания письма обозначалось в этикетной рамке письма менее последовательно, чем время. Адресант мог обозначить его с разной степенью точности. Наиболее часто в качестве обозначения места записывалось название населенного пункта:

«Генуя, 12 февр. 1923» (Мясковский) [6: 316];
«4 сентября 1910 – С. Петербург» (Прокофьев). [6: 243].

Если автор находился в небольшом населенном пункте, то отмечал в письме не только его название, но и губернию, в которой этот населенный пункт находился:

«Екатеринославская губ., Почт. ст. Большой Янисполь» (Немирович) [7: 186].

Реже автор указывал полный адрес, что, возможно, было связано либо с частой сменой адреса, либо с тем, что адрес был неизвестен адресату:

«25.V. 1923. Москва, Арбат, (Денежный переулок, д. 7. кв. 11)» (Мясковский) [6: 320].

В письмах с фронта место отмечалось по законам военного времени обобщенно: «Действующая армия» (Брюсов) [3: 147].

Обязательно отмечал свое местонахождение адресант, если он путешествовал, и тогда обозначение места могло быть нестандартно, например, включать название не населенного пункта, а средства передвижения, в котором находился в момент написания текста автор:

«Поезд Генуя-Ветемилле. 17 апр.» (Афиногенов) [1: 207];

«Атлантический океан, «Олимпик». 1923 – 2.XI.» (Станиславский) [9: 171].

В некоторых письмах, не содержащих этикетное указание места и времени, автор может сообщить значимую для адресата, с его точки зрения, информацию о месте и времени написания текста в основной части письма. Эта информация может быть включена в текст с разными целями.

Так, время написания или место нахождения может быть сообщено с целью эмоционального настроения собеседника на общение, и тогда с этой информации начинается письмо:

«Старый сочельник. Воскресенье. У нас два спектакля» (Немирович) [7: 389];

«Старый наш дом все стоит. В нем по вечерам как-то особенного уютно» (Немирович) [9: 230].

В заключительной части письма свое место нахождения автор обычно указывает как адрес для ответа, побуждая адресата к ответному письму:

«Пишите в Самару» (Толстой) [10: 183].

«Пишите: Ялта. «Россия» (Немирович) [7: 266].

Подведем некоторые итоги.

Прежде всего, этикетная формула обозначения места и времени в эпистолярном тексте рассматриваемого периода полифункциональна. Различия в ее содержании, оформлении, расположении в эпистолярном тексте, связи с содержанием основной части письма определяются выполняемыми ею функциями. Назовем эти функции:

– соблюдение традиций оформления эпистолярного текста (содержание и форма традиционны, дата не всегда включает указание года, располагаться может в начале или в конце письма);

– оформление письма как части будущего архива; как правило, автор, известный писатель, композитор, деятель театра, предвидит возможность публикации своей переписки, ведь анализируемые письма принадлежат перу всемирно известных деятелей культуры (в таких письмах содержание и форма данной этикетной единицы традиционны, обязательно указан год написания текста, автор последователен в обозначении места и времени);

– имитация обстановки живого общения, создание определенного настроения общения (обозначение места и времени неформально, может комментироваться в тексте основной части или в скобках сразу после обозначения места и времени, единица располагается в зачине эпистолярного текста).

В данный период этикет русского письма соблюдается авторами достаточно последовательно в выборе и размещении обращения, приветствия, прощания, подписи; однако в использовании данной этикетной единицы авторы писем достаточно свободны: почти в 35% рассмотренных писем указано только время; место и время обозначено примерно в 20% текстов. Как уже отмечалось, форма записи и место расположения этикетной единицы могут быть разными и не всегда повторяются даже у одного автора. Но в отдельных случаях время и место в зачине письма могут быть важны для автора, являясь частью содержания письма или способом систематизации регулярной переписки.

Интересной оказывается связь между эпистолярным стилем автора и оформлением данной единицы в его переписке: в письмах субъективного

эпистолярного стиля (при всей их нарочитой эмоциональности и художественности) обозначение места и времени в целом единообразно и последовательно (письма М.И. Цветаевой, Б.Н. Бугаева, О.Э. Мандельштама); в то время как в текстах объективного эпистолярного стиля (более прозаичных) обозначение места и времени используется непоследовательно, необязательно и лишено единообразия (письма К.С. Станиславского, С.С. Прокофьева, В.Я. Брюсова).

По сравнению с XIX веком снижается активность и точность обозначения места и времени в неофициальных, дружеских письмах. Если в XIX в. данная единица была обязательной частью этикетной раки письма, то в рассматриваемой время почти в половине писем, адресованных друзьям, время и место написания не указаны.

Так, в первой половине XIX в. в частной переписке дата, время обозначались обязательно, подробно, год записывался полностью, месяц записывался словом, а не обозначался цифрой. Приведем примеры из писем П.С. Мочалова и А.С. Пушкина:

«Утро. 23 января 1847 г.» (Мочалов) [5: 127];

«Остафьево. 18-го сентября. 1828 г.» (Пушкин) [8: 37].

В письмах 20–30-х годов XX века все чаще используются сокращения, цифры, запись становится все более формальной, стандартной. Обозначение времени, которое было в XIX в. обязательной частью дружеского письма, но не всегда было отмечено в письме деловом, в новом веке, напротив, стало обязательным атрибутом делового письма, но небрежно обозначалось в частной переписке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афиногенов А.В.* Избр. соч.: в 2-х тт. – М.: Худ. литература, 1980. – Т. 2. – 405 с.
2. *Белунова Н.И.* Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX в. Жанр и текст писем. – СПб.: Изд. СПб. ун-та, 2000. – 360 с.
3. *Брюсов В.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 415 с.
4. *Гиндин С.И.* Биография в структуре писем и эпистолярного поведения // Язык и личность: Сб. статей. – М.: Наука, 1989. – СС. 63–77.

5. Мочалов П.С. Заметки о театре, письма, стихи, пьесы. – М.: Искусство, 1953. – 472 с.
6. Мясковский Н.Я., Прокофьев С.С. Переписка. – М.: Искусство, 1977. – 338 с.
7. Немирович-Данченко В.И. Избранные письма: в 2-х тт. – М.: Искусство, 1979. – Т. 1: 1879 – 1909 / Сост., вст. ст. В.Я. Виленкин, комм. Н.Р. Балатовой и др. – 608 с.; Т. 2: 1910 – 1943 / Сост. В.Я. Виленкин, комм. Н.Р. Балатовой и др. – 742 с.
8. Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10-и тт. – М.: Худ. литература, 1978. – Т. 9. – 448 с.
9. Станиславский К.С. Собр. соч.: в 8-и тт. – М.: Искусство, 1957. – Т. 7. – 424 с.
10. Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22-х тт. – М.: Худ. литература, 1984. – Т. 20. – 670 с.
11. Цветаева М.И. Сочинения: в 2-х тт. – М.: Худ. литература, 1988. – Т. 2. – 470 с.

XIX–XX ԴԱՐԵՐԻ ՆԱՄԱԿԱԳՐԱԿԱՆ ՏԵՔՍՏՈՒՄ ՏԵՂԻ ԵՎ ԺԱՄԱՆԱԿԻ ՆՇԱՆԱԿՈՒԹՅՈՒՆԸ

Ս.Լ. Օռլովա

julia-65@bk.ru

*Բ.գ.թ., Օրենբուրգի պետական համալսարանի մասնաճյուղ
Օրսկի հումանիտար-տեխնոլոգիական ինստիտուտի ռուսաց լեզվի
և գրականության ամբիոնի դոցենտ
Օրսկ, Ռուսաստանի Դաշնություն*

ԱՍՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածը նվիրված է XIX-ի վերջին XX դարի սկզբի էպիստոլյար տեքստի էթիկային բնութագրերի առանձնահատկություններից մեկի նկարագրին՝ նամակ գրելու վայրի և ժամանակի նշանակմանը: Քննության նյութը հայտնի մշակութային գործիչների՝ Ստանիսլավսկու, Պրոկոֆևի, Բրյուսովի և ուրիշների նամակագրությունն

է: Ուսումնասիրության մեջ նկարագրվում է էթիկայի ձևերի և տեքստի բովանդակության, հաղորդակցական իրադրության, հեղինակի էպիստոլյար ոճի միջև փոխհարաբերությունները:

Բանալի բառեր՝ էպիստոլյար տեքստ, մտավորականություն, վարվելակարգ, նամակ, հաղորդակցական իրադրություն:

THE DESIGNATION OF THE PLACE AND THE TIME IN THE EPISTOLARY TEXT OF THE TURN OF XIX–XX CENTURIES

S. Orlova

julia-65@bk.ru

*PhD, Associate Professor,
Department of Russian Language and Literature,
Orenburg State University, Branch in Orsk
Orsk, Russian Federation*

ABSTRACT

The article is devoted to the description of one of the features of the etiquette of the epistolary text of the end of the 19th and early 20th centuries – the designation of the place and the time of writing a letter. The material of the analysis was the correspondence of famous cultural figures: Stanislavsky, Prokofiev, Bryusov and others. The study traces the connection of the form of the etiquette unit with the epistolary style of the author of the text, the communicative situation and the content of the letter.

Keywords: an epistolary text, intelligentsia, etiquette, a letter, a communicative situation.

Информация о статье:

*статья поступила в редакцию 06 декабря 2019 г.,
подписана к печати в номер 5 (9) / 2020 – 09.01.2020 г.*

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ГЛАГОЛОВ РАЗЛИЧНЫХ ЛЕКСИКО- СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП

Анаида Яковлевна Хачикян
anaidakh@inbox.ru

*Д.ф.н., профессор, научный консультант центра русского языка и культуры
Ереванский государственный университет языков
и социальных наук имени В.Я. Брюсова
Ереван, Республика Армения*

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье мы сделали попытку выявить основные проблемы изучения семантико-синтаксических особенностей глаголов различных лексико-семантических групп. Нам кажется, что конкретный специфицированный анализ следует проводить с опорой на выявление синтаксических возможностей реализации того или иного значения глагола.

Ключевые слова: глагол, лексико-семантические группы, синтаксические возможности, синтаксическая сочетаемость, практическое применение результатов, РКИ.

Детальное исследование состава и функционирования русских глаголов различных лексико-семантических групп (ЛСГ) являет собой особый интерес. Этот интерес приобретает огромную актуальность именно на современном уровне теоретического осмысления их эссенциальных особенностей и той значимой роли, которую они играют в семантико-синтаксической организации любого высказывания. Помимо этого все более и более актуальной и востребованной становится пока еще неразрешенная проблема практического применения полученных результатов в процессе обучения РКИ, ибо, как справедливо отмечает акад. Ю.Д. Апресян, глаголы, входящие в состав одной ЛСГ обладают не только похожей семантикой, но и одинако-

вой или весьма близкой синтаксической сочетаемостью.

В настоящей статье мы сделали попытку выявить основные проблемы изучения семантико-синтаксических особенностей глаголов различных лексико-семантических групп. Нам кажется, что конкретный специфицированный анализ следует проводить с опорой на выявление синтаксических возможностей реализации того или иного значения глагола. В соответствии с данным подходом мы считаем возможным осуществить непосредственно детальный семантический анализ валентностной, актантно-ролевой структуры глаголов определенной группы (выявить синтаксические и семантические актанты, установить не только их количество и типы, но и семантические роли), а также диапазон их конструктивных реализаций на поверхностно-синтаксическом уровне.

Изучение семантической структуры глаголов мы предлагаем осуществлять в рамках так называемого динамического подхода. Это предполагает исследование неочевидных механизмов семантической деривации, что реально позволит определить целостную картину семантических процессов и семантико-словообразовательных связей между отдельными представителями внутри класса глаголов разных ЛСГ.

Таким образом, в первую очередь следует представить системное описание семантико-синтаксической организации и поведения глаголов в каждой ЛСГ в русском языке. Это предполагает необходимость проведения аналитического обзора наиболее значимых лексико-семантических классификаций глаголов, определение состава, структуры, равно как и общих критериев выделения глаголов ЛСГ в русистике. Необходимо также представить основные вопросы теории глагольной валентности и попытаться на них ответить, изучить валентностную структуру глаголов ЛСГ в рамках динамического подхода, включающего описание изменений в актантно-ролевой структуре глаголов в процессе семантической деривации.

В данном случае наши рекомендации сводятся к следующему: необходимо применить комплексный подход к изучаемому явлению, что непосредственно предполагает: конструирование прототипического семантического описания, а также выявление и описание соответствующих лексико-семантических вариантов, исследование процессов семантической деривации в рамках определенной ЛСГ и далее – анализ феноменов «склеивания» и «расщепления» валентностей и диатетических сдвигов при семантической деривации.

Всестороннее изучение словарной единицы как основной единицы языковой системы представляется нам важной задачей современной лингвистики. Заметим, что огромную роль в решении этой задачи играет теория семантической валентности, которая и в настоящее время все еще продолжает быть одним из актуальных направлений современного языкознания.

За долгий период своего существования актуальная на сегодняшний день теория валентности четко оформилась в одно из главнейших направлений современного семантического синтаксиса, которое вносит определяющий вклад в исследование планов содержания и выражения в языке, в изучение сочетаемости слов и структуры предложения, прежде всего применительно к глаголу и их конструктивному потенциалу. В настоящее время достигнуты реальные результаты в разработке непосредственно понятийного аппарата вышеназванной теории, конкретнее – в определении принципов валентностной классификации глаголов, в выявлении соотношения валентности и значения глагола, в выделении семантических типов актантов. Несмотря на определенные достижения в исследовании проблемы, тем не менее весьма спорными продолжают оставаться такие актуальные, на наш взгляд, вопросы теории валентности, как полный список и разграничение актантов, выявление обязательных и факультативных актантов, соотношение категорий теории валентности с категориями традиционной грамматики.

Далеко не полностью исследованы важнейшие вопросы соотношения валентности и словообразовательных средств, особенности реализации валентности при семантической деривации глагола и др. Совершенно очевидно, что для решения данных, а также и смежных проблем следует проводить дальнейшие исследования конкретного языкового материала. Следует отметить, что исходным для исследования лексико-семантических групп глаголов, в первую очередь, является определение, а также выделение синтаксически обязательных и семантических валентностей.

Другой не менее актуальный вопрос – выявление и семантизация глагольных предикатов. Согласно исследованиям многих известных лингвистов, в частности Т.В. Булыгиной и Ю.Д. Апресяна, проблема выявления, классификации и систематизации глагольных предикатов и предикатов вообще является одной из актуальнейших и сложнейших задач современной лингвистики. На современном этапе наиболее востребованы классификации глагольных (предикатных) типов в различных ответвлениях функциональной лингвистики – как в американской (З. Вендлер, У. Чейф), так и в российской

(Г.А. Золотова, М.В. Всеволодова, В.А. Плунгян, Е.В. Падучева). Хотя справедливости ради следует отметить, что до сегодняшнего дня не определены универсальные функционально-семантические, функционально-синтаксические, логико-семантические, универсально-семиологические, лексико-семантические параметры для создания непосредственно глагольно-предикатных классификаций, ибо каждый из исследователей представляет свою классификацию.

Существующий на сегодняшний день далеко не полный список различных подходов и авторских классификаций говорит о неослабевающем интересе лингвистов разных школ и направлений к этому насущному вопросу, а также реально отражает исключительную сложность рассматриваемой проблемы. Этим можно объяснить необычайно пестрый разнородный в научных подходах к ее решению.

Детальный анализ современной научной литературы, а также ее ретроспективный обзор позволил определить значимость каждой из классификаций, а также выявить общие, совпадающие или соприкасающиеся аспекты. Оговорим, что при обращении к общей таксономии глаголов современные ученые, авторы многих пособий, учебников и словарей в целом делают упор именно на данные классификации, которые получили широкое признание и в теоретической, и в методической научной литературе.

Представленные классификации адекватно соответствуют характеру сложившейся парадигмы и весьма точно представляют динамику развития вышеназванной проблемы. Наш анализ выявил, что она еще далека от своего окончательного решения: классификационные типы предикатов у разных исследователей почти никогда полностью не совпадают.

Критерии, которые применяют лингвисты для выделения и описания предикатных типов, нельзя признать исчерпывающими и окончательными. В каждой серьезной научной работе авторы предлагают лишь некоторые из некоего универсального набора существенных признаков, на основе которых они систематизируют и классифицируют семантические типы предикатов.

Несмотря на многочисленные труды в этой области, вопрос о составе группы глаголов различных ЛСГ все еще остается спорным и до конца не решенным. Более того, количество глаголов, входящих в каждую группу, в различных лексикографических источниках и научных справочниках, а также в трудах ученых колеблется, не совпадает также распределение глаголь-

ных лексических единиц на подгруппы.

Другой проблемой при изучения семантико-синтаксических особенностей глагольных лексических единиц различных лексико-семантических групп является недостаточная разработанность теории так называемой глагольной валентности, отграничение валентности от квазисинонимичных понятий сочетаемости, управления и дистрибуции. Можно смело говорить и о недостаточной отработанности терминологического аппарата.

Многообразие лексико-семантических и синтаксических связей, в которые вступает лексическая единица в потоке речи, естественно, породило обилие терминов и терминологических сочетаний, обозначающих актуализацию таких связей: сочетаемость, управление, дистрибуция, но наиболее продуктивным и востребованным оказался термин валентность (лат. *valentia* – ‘сила’). Следует отметить, что мы также отдаем предпочтение термину валентность, поскольку указанные термины (сочетаемость, управление, и в определенной степени дистрибуция) являют собой всего лишь реализацию валентности¹. «Валентность признается <лингвистами> фактом языка, а сочетаемость – явлением речи» [7: 8].

Надо отметить, что определяя понятие валентность языковеды часто используют синонимический термин «сочетаемость», тем самым подчеркивая родственность этих понятий. Так, Л.Н. Засорина и В.П. Берков определяют валентность как «потенциальную сочетаемость однородных элементов языка» [5: 133]. При этом они мотивируют замену одного термина другим следующим образом: «... мы употребляем слово «валентность» вместо ставшего в результате длительного употребления не вполне определенным слова «сочетаемость»» [там же: 134]. В научной литературе встречаются и более развернутые и точные определения валентности, тоже апеллирующие к понятию «сочетаемости»: «Валентность глагола понимается как обусловленная его семантикой способность слова сочетаться с определенным кругом актантов, детерминирующая их семантику, количество, характер (обязательный/

¹ Разграничению понятий «валентность» и «сочетаемость» «в рамках общей проблемы уровней языка (с учетом специфики лексических и синтаксических единиц, существующих между теми или другими связями и отношений и т.д.)» посвящена, в частности, статья А.М. Мухина «Валентность и сочетаемость глаголов», в которой он пишет: «... сочетаемость глаголов с другими лексемами устанавливается как в лексических конструкциях – глагольных словосочетаниях (фразах), так и в синтаксических конструкциях – предложениях, для которых глаголы с их сочетательными потенциальностями служат строительным материалом. Что же касается валентности глаголов, то она определяется только в предложениях – по отношению к синтаксемам, т.е. элементарным синтаксическим единицам, обладающим синтаксической семантикой, которые употребляются при глаголах, особенно в их личных формах» [9: 57].

факультативный), способ и форму выражения» [6: 13]. С другой стороны, желание избежать синонимической подмены терминов может привести к курьезным определениям, как, например, следующее: «Под валентностью понимают способность слова, языковой единицы, позволяющую ей вступать в определенные отношения с кругом определенных одноуровневых единиц» (выделено нами – Б.Е.) [7: 8], при этом автор успешно избегает обозначения характера этих «определенных отношений». Зато появляется возможность экстраполировать «валентность» на все языковые уровни. Ср.: «Валентности могут быть установлены для самых различных ярусов языка – фонетического, фонологического, лексического, морфологического и др.» [5: 133]. В то же время надо оговорить, что перенесение понятия «валентность» на изоморфный синтаксическому словообразовательный уровень вполне оправдывает себя, ибо «наряду с «внешней валентностью» по отношению к словам принимается «внутренняя валентность» по отношению к конstituентам словам (основам, префиксам, суффиксам и т.д.)» [12: 144].

В «Словаре-справочнике лингвистических терминов» Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой валентность представлена весьма упрощенно, а именно: «способность слова вступать в словосочетания с другими словами» [11: 48]. Идентично определена валентность в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»: «Валентность – способность слова вступать в синтаксические связи с другими элементами» [8: 80]. (Однако ср.: «Валентности характеризуют свойства различных языковых единиц кода (языка), тогда как реализованные валентности, или связи, принадлежат сообщению (речи)» [5: 134]). Таким образом, авторы последовательно предлагают свою методологическую линию: валентность – явление языка, сочетаемость – явление речи. Идентичное отношение прослеживается в работе Л.А. Новикова «Семантика русского языка»: «Валентность является одной из важнейших структурных характеристик лексических единиц. Она фиксирует типовую сочетаемость данной единицы с другими и всю дистрибуцию этой единицы, то есть совокупность всех сочетаний (окружений, контекстов), в которых данная единица может встречаться» (курсивом выделено нами – Б.Е.) [10: 94]. В данном определении у нас вызывает сомнение взаимно-однозначное соотнесение валентности и дистрибуции, поскольку с синтаксической точки зрения объем понятия «дистрибуция» намного шире объема понятия «валентность», однако при этом дистрибуция никак не затрагивает семантического уровня. Вслед за З. Харрисом под дистрибуцией мы понимаем сумму окружений, в которых встре-

чается непосредственно языковой элемент. Эти окружения элемента А определяются как существующий набор элементов, «с которыми А сочетается и образует высказывание» (Цит. по: [12: 148]). Итак, дистрибуция – это совокупность («класс») всех окружений (контекстов), в которых может встречаться данная языковая единица, противопоставляемых всем тем окружениям, в которых она встречаться не может... [3: 137]. А валентность охватывает практически не все элементы, встречаемые в «окружении» словарной единицы, а лишь валентно-зависимые, однако не свободные распространители. Таким образом, данные валентно-зависимые окружения являют собой только часть дистрибуции в целом.

Подводя предварительный итог всему вышесказанному, мы можем смело утверждать, что почти во всех рассмотренных определениях валентность представлена как потенция, как способность иметь и реализовать те или иные сочетания.

В настоящее время теория валентности уже оформилась в одно из актуальнейших направлений современного семантического синтаксиса, которое вносит существенный вклад в исследование планов содержания и выражения в языке, в изучение сочетаемости словарных единиц и структуры предложения, прежде всего применительно к глагольному слову и их конструктивному потенциалу.

На современном этапе достигнуты серьезные успехи в разработке понятийного аппарата представленной лингвистической теории, в частности, непосредственно в определении принципов валентностной классификации глаголов, а также в выявлении соотношения валентности и значения глагольной лексической единицы, в выделении семантических типов актантов. Однако до настоящего времени продолжают оставаться спорными такие проблемы рассматриваемой теории валентности, как полный список и разграничение актантов, выявление обязательных и факультативных актантов, соотношение категорий теории валентности с категориями традиционной грамматики.

Недостаточно полно изучены такие вопросы как соотношение валентности и словообразовательных средств, особенности реализации валентности при семантической деривации глагольных лексических единиц и др. Для решения данных, а также непосредственно связанных с ними смежных вопросов следует исследовать конкретный языковой материал.

Семантическая валентность лексической единицы может рассматри-

ваться на поверхностном уровне на основе двух соподчиненных словоформ. При этом можно говорить о «расщеплении» валентности. Здесь можно наблюдать обратное явление – «склеивание» валентностей: одна форма выражает 2 семантические роли.

Более того, если семантическая валентность не порождает сочетаемости, то речь идет о валентности-«фикции», как, например, в случае валентности «Место (учебы)» у слова школьник. Поскольку семантические и синтаксические валентности непосредственно связаны с понятием диатезы, постольку можно сопоставить понятия валентности, диатезы и залога, ибо залог – это грамматически маркированная в глаголе диатеза. Сы считаем, что надо исследовать глаголы разных ЛСГ через призму концепции диатетического сдвига, то есть изменения формально-функционального соответствия между семантическими ролями участников и их синтаксическими позициями.

Так, например, у глаголов видеть, встречать наблюдается мена диатезы и переход от активной диатезы к реципроку, с добавлением постфикса -ся. Для возвратных коррелятов данных глаголов более частотно значение «иметь встречу с кем-либо», где два действия оказываются параллельными, но противоположно направленными, а каждый из двух актантов играет активную роль в одном действии и при этом одновременно пассивную роль – в другом действии.

Общеизвестно, что номинативные единицы языка представлены двумя классами слов: предметными (существительные) и признаковыми (глаголы, прилагательные, наречия, а также некоторые группы существительных). Значения первых в современной лингвистике часто называют идентифицирующими (или денотатными), значения вторых – предикатными (или сигнификатными) [См.: 1; 2].

«Суть предиката, – пишет Н.Д. Арутюнова, – состоит в обозначении и оценке статических свойств и динамических проявлений предметов к действительности, их отношений друг к другу. В области предикатов дифференцируются значения, шлифуется система понятий. Идентифицирующая семантика обращена к пространственному параметру мира, предикатная – организована временной осью мира. Между этими семантическими типами нет пропасти – их соединяет мост, перекинутый процессами транспозиции, взаимообменом, созданием суждений разных степеней абстракции» [1: 172].

Выявление, классификация и систематизация глагольных предикатов и

предикатов вообще – одна из важнейших и в то же время труднейших задач современной лингвистики. Согласно справедливому мнению многих известных языковедов, в частности Т.В. Булыгиной, Ю.Д. Апресяна, эта насущная проблема все еще очень далека от своего окончательного решения, поскольку следует констатировать, что классификационные типы предикатов у разных исследователей почти никогда полностью не совпадают.

Трудно согласиться с критериями, предлагаемыми языковедами для выделения и описания предикатных типов, ибо они не окончательны и далеко не исчерпывающие. В каждом своем исследовании авторы предлагают только некоторые из некоего универсального набора существенных признаков, на основе которых и систематизируются, а также классифицируются семантические типы предикатов.

Следует отметить и факторы, равно как и препятствия, носящие объективный характер. Между типами предикатов границы настолько условны, что нередко бывает довольно сложно, а порой и невозможно определить, где заканчивается один тип и начинается другой, очень схожий с данным. Хотя следует отметить, что большая часть ученых-лингвистов сходятся во мнении в главном, а именно: предикатный тип должен категоризироваться именно как семантический класс, то есть как синтаксическая единица с релевантными семантическими признаками, как некий набор семантических признаков, которые способны актуализироваться в синтаксических правилах [См.: 4].

Итак, нами сделана попытка обрисовать приблизительный круг нерешенных или вопросов, которые непременно возникают при исследовании непосредственно семантико-синтаксических особенностей глагольных лексических единиц различных лексико-семантических групп.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнова Н.Д.* К проблеме функциональных типов лексического значения / Н.Д. Арутюнова // *Аспекты семантических исследований.* – М.: Наука, 1980. – СС. 156–249.
2. *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976.
3. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1969. – 608 с.

4. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / Отв. ред. О.Н. Селиверстова. – М.: Наука, 1982. – СС. 7–85.
5. Засорина Л.Н., Берков В.П. Понятие валентности в языке // Вестник Ленинградского Университета. Серия истории, языка и литературы. – №8. – Вып. 2. – Л., 1948. – СС. 133–139.
6. Кибардина С.М. Валентность немецкого глагола. Автореф ... док. филол. наук. – Л., 1988. – 34 с.
7. Косицына Е.Ф. Семантические валентности глаголов зрительного восприятия и способы их выражения. Дис ... канд. филол. наук. – М.: Изд-во МГПУ, 2002. – 160 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь // Глав. ред. В.Н. Ярцева. – М.: «Советская энциклопедия», 1990 (ЛЭС). – 685 с.
9. Мухин А.М. Валентность и сочетаемость глаголов // Вопросы языкознания, № 6, 1987. – СС. 52–65.
10. Новиков Л.А. Семантика русского языка: Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1982. – 272 с.
11. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. – М., 2002. – 448 с.
12. Степанова М.Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в немецком языке: Учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков. – М.: Высшая школа, 1978. – 259 с.

**ՏԱՐԲԵՐ ԲԱՌԱՅԻՆ-ԻՄԱՍՏԱՅԻՆ ԽՄԲԵՐԻ ԲԱՅԵՐԻ
ԻՄԱՍՏԱՅԻՆ-ՇԱՐԱՀՅՈՒՍԱԿԱՆ
ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ
ՈՒՍՈՒՄՆԱՍԻՐՈՒԹՅԱՆ ԽՆԴԻՐՆԵՐԸ**

Ա.ՅԱ. Խաչիկյան

anaidakh@inbox.ru

Բ.գ.դ., պրոֆեսոր

Երևանի Վ. Բրյուսովի անվան պետական լեզվաիտալական համալսարանի ռուսաց լեզվի և ռուս մշակույթի կենտրոնի

գիտական կոնսուլտանտ
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում փորձ է ձեռնարկվել պարզել բայերի տարբեր իմաստային-շարահյուսական խմբերի բառա-իմաստային առանձնահատկությունների ուսումնասիրության հիմնական խնդիրները: Կարծում ենք, որ հատուկ հատակ վերլուծություն պետք է իրականացվի բայի այս կամ այն իմաստի շարահյուսական հնարավորությունների հիման վրա:

Բանալի բառեր՝ բայ, բառա-իմաստային խմբեր, շարահյուսական հնարավորություններ, շարահյուսական համադրություն, արդյունքների գործնական կիրառում, ՌՕԼ:

PROBLEMS OF STUDYING SEMANTIC-SYNTACTIC FEATURES OF VERBS OF VARIOUS LEXIC-SEMANTIC GROUPS

A. Khachikyan
anaidakh@inbox.ru

*Doctor of Philological Sciences, Professor
Scientific consultant of the Centre of Russian Language and Culture,
Yerevan Brusov State University of Languages and Social Sciences
Yerevan, Republic of Armenia*

ABSTRACT

In this article we made an attempt to identify the main problems of studying the semantic-syntactic features of the verbs from various lexical-semantic groups. It seems to us that a specific analysis should be carried out based on the identification

of the syntactic possibilities of realizing one or another meaning of the verb.

Keywords: verb, lexical and semantic groups, syntactic possibilities, syntactic compatibility, practical application of results, RFL.

Информация о статье:

*статья поступила в редакцию 25 января 2020 г.,
подписана к печати в номер 5 (9) / 2020 – 18.02.2020 г.*

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

О ПРЕИМУЩЕСТВАХ И НЕДОСТАТКАХ ПРИМЕНЕНИЯ ИКТ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Армен Суменович Акопян

armen.hakobyan@rau.am, hakobyanarmen04@aspu.am

*Ст. преподаватель кафедры русского языка
и профессиональной коммуникации Института гуманитарных наук
Российско-Армянский университет;*

*Преподаватель кафедры русского языка факультета иностранных языков
Армянский государственный педагогический университет им. Хачатура Абовяна
Ереван, Республика Армения*

АННОТАЦИЯ

В статье представлены преимущества и недостатки применения ИКТ в педагогической практике в вузах РА на примере платформы Google Classroom – инструмента пакета облачных сервисов Google for Education, который используется учащимися и преподавателями Армянского государственного педагогического университета им. Хачатура Абовяна и Российско-Армянского (Славянского) университета.

Ключевые слова: ИКТ, коллективное обучение, образовательная сфера, учебный процесс.

XXI век – век информационных технологий. На сегодняшний день представить работу без компьютера практически невозможно в любой трудовой сфере. С каждым днём информационные технологии занимают все больше места в системе образования. Ведь при помощи современных технологий и телекоммуникаций можно сделать процесс обучения высокоэффективным, интенсифицировать и интеллектуализировать его.

Под электронным обучением мы подразумеваем различные формы и способы обучения с помощью информационных и коммуникационных технологий (**ИКТ**).

Использование ИКТ при электронном обучении стало вносить своего рода коррекцию в систему современного образования. Сегодня ИКТ используются в высшей степени своего применения, поэтому на рынке представлены многие формы онлайн-обучения и образования. Существуют такие формы ИКТ как «Быстрое онлайн обучение» (*которое, в основном, организовано с использованием набора инструментов Microsoft Office – Power Point и/или Flash-технологий – мультимедийной платформы компании Adobe Systems, предназначенной для создания веб-приложений или мультимедийных презентаций*), моделирование работы с приложениями, использование анимированных персонажей, аудио- и видеофайлов, и еще много других интерактивных элементов образовательного процесса. Многие вузы РА активно используют Интернет для распространения учебных (лекционных) материалов, общения между преподавателями и студентами, а также для распространения важных инструментов обучения (предоставление цифровых/оцифрованных книг в форматах PDF, DjVu и т.д.). Более того, возможности мультимедиа рассматриваются сейчас в ракурсе организации дистанционного обучения. Например, в АГПУ им. Хачатура Абовяна всё это делается на платформе LMS-системы Google Classroom [См.: 1; 2; 3; 4; 5].

На наш взгляд, использование платформы Google Classroom положительно сказывается на высшем образовании по всем образовательным программам: бакалавриату, магистратуре и аспирантуре. Однако, тем не менее, эта платформа требует тщательного анализа для выявления ее как позитивного, так и негативного влияния на учебный процесс. Исходя из этого, мы детально исследовали особенности использования электронного обучения в Армянском государственном педагогическом университете им. Хачатура Абовяна и Российско-Армянском (Славянском) университете, что дало возможность выявить на практике его положительные и отрицательные стороны.

Мы пришли к однозначному заключению, что применение информационных и коммуникационных технологий в вузе необходимо:

1) в качестве совместного коллективного обучения с использованием сетевых технологий, онлайн-конференций, аудио- и видеочатов, онлайн-консультаций, что помогает студентам получить более разностороннее образование;

2) для организации дистанционного контроля знаний студентов: в рамках учебного заведения можно создать базу знаний и базу тестовых заданий (в нашем случае, это инструмент пакета облачных сервисов Google – Google Форма), в результате чего происходит унификация и стандартизация процесса проверки знаний, а также организуется эффективный массовый и постоянный контроль знаний при ощутимой экономии учебного времени;

3) при проведении дополнительных элективных занятий (обязательных для посещения курсов по выбору студента); эта система может служить результатом интегрированного взаимодействия образовательных учреждений по всей стране, в которой могут быть объединены усилия преподавателей всех учебных заведений, а спектр предлагаемых курсов может быть намного расширен, чтобы у обучаемого была бы реальная возможность выбрать преподавателя для конкретного курса;

4) при организации электронных уроков/заданий/форм контроля/экзамена для студентов, пропускающих аудиторские занятия по уважительным причинам; не каждый студент может самостоятельно восполнить свои знания: найти необходимую литературу и освоить материал, – компенсировать этот пробел в системе образования можно при помощи технологии электронного обучения;

5) для организации профессорско-преподавательских/студенческих систем виртуального общения, проведении региональных и международных мероприятий (конференций, форумов, вебинаров и др.). Например, в марте 2018 года в АГПУ им. Хачатура Абовяна прошла Международная студенческая онлайн-конференция «Лингвострановедение: Родина глазами студента», в которой участвовали студенты 11 стран (Армении, России, Афганистана, Кот-д'Ивуара, Сербии, Конго, Бангладеша, Сирии, Вьетнама, Антигуа и Барбуды, Казахстана); в апреле 2019 года в РАУ прошла II Международная студенческая онлайн-конференция «Лингвострановедение: Родина глазами студента», в которой участвовали студенты 13 стран (России, Армении, Грузии,

Абхазии, Узбекистана, Таджикистана, Японии, Вьетнама, Индонезии, Иордании, Сирии, Кот-д’Ивуара и Замбии)¹.

Следует отметить, что «в результате включения <студентов> (А.А.) в открытый образовательный процесс с использованием электронных образовательных технологий, у них формируются навыки работы с информационными технологиями и предпосылки для получения непрерывного образования с помощью <электронного обучения> (А.А.) в течение всей жизни» [6].

Минусами использования ИКТ в образовательной сфере можно признать следующие факты:

1. Не все преподаватели вузов знают, владеют и умеют грамотно пользоваться информационными технологиями, что приводит к полному отрицанию их использования данными коллегами.

2. Если полностью заменить преподавателя программой или комплексом программ и исключить живое человеческое общение студента с преподавателем – это может негативно сказаться на развитии эмоциональной сферы учащегося, тем самым заметно снизится эффективность обучения на мотивационном уровне. Эмоциональностью компьютер не наделён. У преподавателя свой индивидуальный подход к обучаемым, который зависит от хода урока, и оценивает он, полагаясь на способности, прилежание и динамику обучения каждого студента. Если всё перечисленное свести к программе (или же к комплексу программ) – она всего этого «не видит».

3. «Традиционное образование развивает системное мышление, которое встраивает частные мыслительные операции в целостную систему знаний, в смысловую сферу личности. Компьютер же мыслит аналитически, по принципу выбора варианта из имеющихся альтернатив. Создателями тестов эти альтернативы подбираются искусственно. Для успешного ответа на тесты не надо обладать развитым мышлением: понимать юмор, метафоры, иносказания, скрытые смыслы, достаточно иметь предметные знания и механически их применять. Однако целью образования является именно <...> интегративное развитие способностей и личности путём освоения основ наук» [6] то есть, в конечном итоге, мы должны стремиться к развитию именно твор-

¹ III Международная студенческая конференция «ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ: РОДИНА ГЛАЗАМИ СТУДЕНТА» запланирована на октябрь-ноябрь 2020 года.

ческих способностей учащихся, чего нельзя обеспечить только путем дистанционного обучения.

4. Полностью заменить преподавателя программой или комплексом программ невозможно, поскольку мы переходим черту в сторону заочного/дистанционного обучения, при котором преподаватель выполняет функцию оператора и координатора. Работа преподавателя в качестве учителя-педагога тогда сведётся к нулю. Поэтому следует не забывать, что «рост интеллекта происходит в процессе духовного общения между людьми. В споре рождается истина. Менее развитые ... могут слышать на <занятии> (А.А.) ответы своих более способных <однокурсников> (А.А.), благодаря чему улучшается их понимание. Даже если <студент> (А.А.) не выучил урок, он может услышать ответы других и восполнить пробел» [7: 64].

5. Если говорить о постоянном использовании ИКТ в процессе урока, то можно наблюдать очевидное зрительное переутомление от чрезмерного чтения/использования наглядного материала. При этом мы забываем о том, что учащиеся могут быть аудиалами, визуалами и кинестетиками в зависимости от того, какой сенсорный канал у них преобладает. Поэтому принуждение, к примеру, аудиалов постоянно смотреть на монитор (при самостоятельной работе) или на электронную доску без сопровождающей аудиоподдержки преподавателя, естественно, не даст положительного результата.

Преимущества организации учебного процесса

Для студента	Для преподавателя
Открытые информационные ресурсы.	Открытые информационные ресурсы.
Возможность иметь обновления после наращивания преподавателем образовательных ресурсов.	Возможность наращивать образовательные ресурсы.
Использование анимационных, мультимедийных компонентов учебных материалов.	Создание/использование анимационных, мультимедийных компонентов учебных материалов.
Получение и использование игро-	Создание и применение игровых

вых учебных ситуаций, максимально приближённых к реальным.	учебных ситуаций, максимально приближённых к реальным.
Результаты обучения, определяемые не только преподавателем, но и самим учащимся.	«Автоматический» мониторинг учебной деятельности студента.
Использование сэкономленного времени для речевой практики.	Экономия времени.
Доступ ко всем учебным материалам.	Доступ и регулировка доставки учебных материалов.
Собственная скорость обучения.	Обучение и совершенствование собственной скорости обучения.
Получение не просто лекционных занятий, но и заменяющие их коммуникативные формы.	Взаимозаменяемость лекционных занятий коммуникативными формами.
Получение информации в соответствии со своими потребностями.	Возможность корректировки учебного процесса в соответствии с потребностями каждого учащегося.
Возможность ознакомиться с предыдущим опытом.	Возможность ознакомиться с предыдущим опытом.
Увеличение времени, отводимого на практические занятия, на общение с преподавателем.	Увеличение времени, отводимого на практические занятия, на общение с учащимися.
Широкая и регулярная коммуникация с преподавателем и другими учащимися в предметном контексте.	Широкая и регулярная коммуникация со студентами в предметном контексте.
Присутствие на занятии в онлайн-режиме.	Связь в онлайн-режиме с теми, кто отсутствует аудиторно.

Хотелось бы, чтобы в вузах страны организационные и педагогические возможности электронного обучения реализовывались с помощью практически всех доступных телекоммуникационных сервисов пакета облачных сервисов Google, таких как тематические списки рассылки через Google Class-

room (программирование всего курса в самом начале учебного процесса), онлайн-встречи со студентами/преподавателями и чат в приложении Google Meet и Google Chat, научные онлайн-конференции национального и международного масштаба (включая студенческие конференции) в приложении Google Meet (не исключая возможности использовать Skype) и др., как это делается в АГПУ им. Хачатура Абовяна и РАУ. Для этого необходимо обеспечить тесное сотрудничество преподавателей-предметников с программистами, ибо совершенно очевидно, что на данном этапе ИКТ стремительно вовлекаются в учебный процесс, успешно способствуя его модернизации, реорганизации и продуктивной реконструкции.

Таким образом, можно смело констатировать, что внедрение ИКТ в образование – неизбежный и, в целом, весьма позитивный актуальный процесс, который требует тщательного изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акопян А.С.* Использование LMS-системы Google Classroom в преподавании РКИ // III Международная научно-методическая конференция «Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты». – Омск: Изд-во «Ипполитова», ОАБИИ, 2017. – СС. 128–135 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29175270&> (Дата обращения: 16.12.2019г.).
2. *Акопян А.С.* О новой LMS-системе Google Classroom и её использовании в студенческой аудитории // Научно-методический журнал «Проблемы современной русистики», №1. – Ереван: Изд-во АГПУ им. Хачатура Абовяна, 2016. – СС. 25–32.
3. *Акопян А.С.* Педагогические условия развития профессиональных компетенций студентов при помощи GOOGLE FOR EDUCATION (методические рекомендации) // Сборник статей IV Международной научно-практической конференции «Русский язык на перекрёстке эпох: традиции и инновации в русистике». – Ереван: Изд-во РАУ, 2019. – Ч. 2. – СС. 133–136 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41267323> (Дата обращения: 16.12.2019г.).

4. Առոյան Ա.Տ. Пошаговое руководство к выполнению теста в рамках LMS-системы Google Classroom и формы его оценивания // Научно-методический журнал «Проблемы современной русистики», №2. – Ереван: Изд-во АГПУ им. Хачатуряна Абовяна, 2016. – СС. 23–30.
5. Առոյան Ա.Տ. Создание заданий и тестов по русскому языку в LMS-системе Google Classroom и их использование в студенческой аудитории // Сборник статей III Международной научно-практической конференции «Русский язык на перекрёстке эпох: традиции и инновации в русистике». – Ереван: РАУ, 2018. – СС. 186–194 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36680864> (Дата обращения: 16.12.2019г.).
6. Применение электронных образовательных ресурсов при обучении информатике // «Инфоурок» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://infourok.ru/primenenie_elektronnyh_obrazovatelnyh_resursov_pri_obuchenii_informatike-342236.htm (Дата обращения: 16.12.2019г.).
7. Шадриков В.Д., Шемет И.С. Информационные технологии в образовании: плюсы и минусы // Высшее образование в России. – № 11, 2009. – СС. 61–65. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-v-obrazovanii-plyusy-i-minusy> (Дата обращения: 16.12.2019г.).

**ՄԱՆԿԱՎԱՐԺԱԿԱՆ ՊՐԱԿՏԻԿԱՅՈՒՄ ՏՀՏ-ՆԵՐԻ
ՕԳՏԱԳՈՐԾՄԱՆ ԱՌԱՎԵԼՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՆ ՈՒ
ԹԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ**

Ա.Ս. Հակոբյան

armen.hakobyan@rau.am, hakobyanarmen04@aspu.am

*Հայ-Ռուսական համալսարանի Հումանիտար գիտությունների ինստիտուտի
ռուսաց լեզվի և մասնագիտական հաղորդակցման ամբիոնի ավագ դասախոս:
Խաչատուր Աբովյանի անվան հայկական պետական մանկավարժական
համալսարանի օտար լեզուների ֆակուլտետի
ռուսաց լեզվի ամբիոնի դասախոս
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվաճոււմ ներկայացվաճ էն Հայաստանի Հանրապե-տոության համալսարաններում դասախոսների մանկա-վարժական գործունեության մեջ ՏՀՏ օգտագործման ա-ռավելություններն ու թերությունները Google Classroom պլատֆորմի օրինակով, որն հանդիսանում է գործիք Google-ի համար՝ կրթության ամպային ծառայություն-ների փաթեթում: Այն օգտագործվում է Հայաստանի պե-տական մանկավարժական համալսարանի ուսանողնե-րի և դասախոսների կողմից, ինչպես նաև Ռուս-Հայ-կական (Սլավոնական) համալսարանում:
Բանալի բառեր՝ ՏՀՏ, կոլեկտիվ ուսուցում, կրթական ոլորտ, կրթական գործընթաց:

ABOUT ADVANTAGES AND DISADVANTAGES OF THE APPLI- CATION OF ICT IN PEDAGOGICAL PRACTICE

A. Hakobyan

armen.hakobyan@rau.am, hakobyanarmen04@aspu.am

*Senior Lecturer at the Department of Russian Language and Professional
Communication of the Institute of Humanities Russian-Armenian University;
Lecturer at the Department of Russian Language of the Faculty of Foreign Languages
Armenian State Pedagogical University after Khachatur Abovyan
Yerevan, Republic of Armenia*

ABSTRACT

The article presents the advantages and disadvantages of the application of ICT in pedagogical work in the universities of the Republic of Armenia on the example of the Google Classroom platform – a tool in the Google for Education cloud ser-

vices package, which is used by students and teachers of the Armenian State Pedagogical University named after Khachatur Abovyan and Russian-Armenian (Slavonic) University.

Keywords: ICT, collective training, educational sphere, educational process.

Информация о статье:

*статья поступила в редакцию 20 декабря 2019 г.,
подписана к печати в номер 5 (9) / 2020 – 20.01.2020 г.*

УЧЕТ ПОДЪЯЗЫКА СПЕЦИАЛЬНОСТИ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Анна Нахемовна Карташёва

akartasheva@mail.ru

*К.ф.н., профессор кафедры русской филологии
Атырауский государственный университет им. Х. Досмухамедова
Атырау, Республика Казахстан*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются определенные стратегии обучения, позволяющие осуществить обучение русскому языку студентов казахских отделений с учетом подъязыка их будущей специальности. Доказывается целесообразность подобной работы для подготовки компетентных специалистов в условиях образовательной реформы.

Ключевые слова: полиязычное образование, компетентностный подход, глобализованное современное общество, функциональное образование, профессионально ориентированный русский язык, лингвистическая компетенция, коммуникативные навыки.

В условиях реформирования системы образования, ориентированного на компетентностный подход к получению знаний, показателем качественного образования в глобализованном современном обществе становится владение иностранными языками.

К изучению иностранных языков призывал в своем Послании Первый Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев: «Казахстан должен восприниматься во всем мире как высокообразованная страна, население которой пользуется тремя языками. Это: казахский язык – государственный язык,

русский язык – как язык межнационального общения и английский язык – язык успешной интеграции в глобальную экономику» [3].

Необходимость знания молодежью страны не только родного языка, но еще и дополнительно двух мировых языков – русского и английского – ставит перед будущими специалистами задачу овладения русским языком как средством получения информации о новейших достижениях науки и техники. Информация, полученная студентом в процессе изучения чужого языка, должна помочь решить актуальные для его будущей профессии задачи.

Именно поэтому усовершенствованная в соответствии с современными реалиями программа изучения русского языка в национальных группах на неязыковых факультетах направлена на овладение подязыком будущей специальности студентов. В связи с этим преподавателям русского языка в национальных группах важно при организации учебного процесса пересмотреть функциональную значимость знаний при обучении неродному языку, точно сформулировать цель обучения, которая определяется специальностью учащихся, и установить учебную единицу презентации знаний. «Обучение языку специальности ... проводится на материале данной отрасли научных знаний. Материал этот представлен именно в той форме, в которой он воплощается в сфере данной науки, ибо научиться деятельности в определенной сфере (и конкретных формах) можно лишь в результате многократной тренировки в осуществлении присущих им конкретных целостных актов в соответствии с их задачами и в естественных условиях их протекания в рамках данной сферы» [2: 7].

Будущие специалисты должны уметь работать с литературой на русском языке по избранной специальности, при чтении понимать значения незнакомых слов, относящихся к их потенциальному и продуктивному словарю.

На наш взгляд, прежде всего целесообразно ознакомить студентов с лингвистической трактовкой основных речеведческих понятий: текст (его членимость, связность, цельность), тема, микротема, заголовок, идея, структура текста (зачин, основная часть, концовка), типы текстов (повествование, описание, рассуждение).

Речеведческая теория должна быть освоена студентами не только в виде определений понятий и формулировок правил, но и в виде умений производить учебные действия с этими понятиями.

Необходимо дать студентам представление о научном стиле речи, его жанрах (аннотация, тезисы, реферат, отзыв, рецензия и др.), о лексике научного стиля (общенаучная и узкоспециальная терминология), о морфологии научного стиля (преобладание имён существительных с отвлечённым значением, особенности употребления глагольных форм), о синтаксисе научного стиля (типичные конструкции), о подстилях научного стиля (собственно научный, научно-популярный, научно-учебный).

При обучении языку специальности особенно важно знание терминологии, поскольку основным, определяющим компонентом профессионально-языковой компетентности является владение термином. Мы солидарны с Л.Б. Ткачёвой в том, что изучение терминологии – путь к освоению специальности [4: 159]. Преподаватели должны учитывать данное утверждение при разработке программы обучения и комплекса заданий. Необходимо предоставить студентам возможность работы с текстами, насыщенными терминами по их специальности, научить их пользоваться специальными и толковыми словарями, энциклопедическими изданиями.

Для чтения научных текстов по специальности, как указывается в методической литературе, нужен лексический минимум, содержащий около трёх тысяч слов.

В учебный словарь-минимум необходимо включить общелитературную, общенаучную и отраслевую лексику. В научной литературе вопрос об отборе лексического материала с учетом языка специальности получил определенное освещение. Так, Н.Г. Вишнякова отмечает: «Основная цель отбора терминологического минимума состоит в том, чтобы создать прочную терминологическую базу, которая должна обеспечить понимание максимального количества терминов при чтении оригинальной научно-технической литературы по специальности, наряду с ведением беседы на специальные темы [1: 82].

В словарь следует отобрать наиболее частотные лексические единицы, типовые синтаксические конструкции из учебной, научной и научно-учебной литературы.

Словарная статья в таком учебном словаре может иметь, по нашему мнению, следующую структуру: слово в исходной форме с ударением (при необходимости могут быть включены сведения о произношении) и грамматической характеристикой; информация об образовании некоторых грамматических форм, вызывающих затруднения у студентов; краткое толкование; иллюстративный материал (словосочетания, типичные для данной сферы общения).

Объяснение значений слов может происходить по-разному: описательным или переводным путём, подбором синонимов, контекстуальной догадкой.

Для раскрытия значений производных терминов целесообразно использовать словообразовательные связи с производящими. Это создаёт базу для потенциального словаря студентов, развивает навыки самостоятельной работы над лексикой, помогает овладеть словообразовательной системой русского языка.

Специальную лексику следует изучать постоянно и целенаправленно. Она должна быть систематизирована в учебных текстах по специальности, так как именно такие тексты (письменные и звучащие) являются основой обучения профессиональной речи. Вследствие этого отбор текстов по специальности, учет последовательности ввода их в соответствии с изучаемыми специальными дисциплинами на данном этапе обучения приобретает весьма важное значение.

При подборе текстового материала необходимо учитывать вид речевых действий, выработке которых служит данный текст, уровень знаний студентов, насыщенность терминами, которые нужно повторить и закрепить.

Текстовые материалы должны быть репрезентативными и в языковом, и в профессиональном плане, поскольку они являются моделями, изучение которых позволит студентам воспринимать и создавать впоследствии тексты подобного плана. Каждая тема материализуется в определенном составе лексических единиц, зачастую являющихся терминами и полно отражающими

коммуникативные потребности темы. С этой целью из текста убирается лексика, не имеющая прямого отношения к раскрываемой теме, и вносятся новые слова и словосочетания.

Тексты необходимо группировать по тематическим циклам, в случае надобности адаптировать.

При изучении текстов по специальности целесообразно проводить лексико-грамматическую работу до ознакомления студентов с содержанием текста и в процессе работы над ним.

Работа над текстом состоит из следующих этапов: составление плана, деление текста на смысловые части и выделение в них опорных слов, выбор из текста различной информации, рассказ по плану по опорным словам, рецензирование текста, лексико-грамматическая работа, выполнение упражнений, связанных с текстом общим лексико-грамматическим ядром (предкоммуникативные, условно-коммуникативные и коммуникативные упражнения).

Задания, которые выполняют студенты по текстам, могут быть следующие:

1. Разделите текст на смысловые части и озаглавьте каждую часть.
2. Сформулируйте вопросы к каждому абзацу текста.
3. Найдите в каждом абзаце слова, связывающие предыдущий абзац с последующим, выпишите их.
4. Сформулируйте основную мысль каждого абзаца и запишите.
5. Выявите слово или словосочетание, наиболее точно передающее коммуникативную задачу текста (данное текста).
6. Найдите в микротемах слова, конкретизирующие значение данного текста (новую информацию).
7. Определите способы развития информации в тексте.
8. Определите средства связи предложений в тексте.
9. Выпишите из текста термины. Пользуясь словарями, объясните их значение и переведите на казахский язык.
10. Встречаются ли среди терминов интернационализмы? Назовите их.
11. Выделите из текста общенаучную и узкоспециальную терминологию.

12. Какая часть речи преобладает в тексте?
13. Какие разряды существительных встречаются?
14. Укажите особенности употребления глагольных форм в тексте (формы лица, времени, наклонения и др.).
15. Определите тип предложений по цели высказывания.
16. Какие структурные типы предложений распространены в тексте?
17. Выпишите синтаксические конструкции с зависимыми, последовательно нанизываемыми существительными в форме родительного падежа.
18. Выпишите из текста конструкции с причастными оборотами. Произведите синтаксический разбор этих предложений.
19. Сделайте синтаксический разбор двух-трёх сложных предложений.
20. К какому подстилю научного стиля относится текст?
21. Преобразуйте учебно-научный текст в научно-популярный.
22. Напишите аннотацию текста.

Интерес у студентов вызывают задания на конструирование из отдельных разрозненных абзацев связного текста.

Описанные выше задания могут использоваться для всех видов аудиторной (контактные часы, СРОП – самостоятельная работа обучающихся под руководством преподавателя) и внеаудиторной работы (СРО – самостоятельная работа обучающихся).

Обучение русскому языку на материале специальности заметно повышает заинтересованность студентов в овладении данным языком, повышает мотивацию, способствует активизации речевой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вишнякова Н.Г.* Определение состава и объема терминологического словаря-минимума для неязыкового вуза // Вопросы теории и методики преподавания иностранных языков на неязыковых факультетах педвузов. – М.: МГПИ, 1980. – СС. 81–98.
2. *Мотина Е.И.* Язык и специальность: лингво-методические основы обучения русскому языку студентов-нефилологов. – М.: Русский язык, 1988.
3. *Назарбаев Н.А.* Новый Казахстан в новом мире // Казахстанская правда, № 33(25278). 2007. 1 марта.

4. Качёва Л.Б. Основные закономерности английской терминологии. – Томск: Изд-во Томского университета, 1987.

**ԵՆԹԱԼԵԶՎՈՒԹՅԱՆ ՄԱՍՆԱԳԻՏԱՑՎԱԾ
ՈՒՂՂՈՒԹՅԱՆ ՀԱՇՎԱՌՈՒՄԸ ՈՉ ԼԵԶՎԻ ՖԱԿՈՒԼՏԵՏՆԵՐԻ
ՈՒՍԱՆՈՂՆԵՐԻ ՌՈՒՍԱՑ ԼԵԶՎԻ ՈՒՍՈՒՑՄԱՆ ԺԱՄԱՆԱԿ**

Ա.Ն. Կարտաշովա
akartasheva@mail.ru

Բ.գ.թ., ռուս բանասիրության ամբիոնի պրոֆեսոր
Ատիրաուի Խ. Դոսմուհամեդովի անվան պետական համալսարան
Ատիրաու, Ղազախստանի Հանրապետություն

ԱՍՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում քննվում են ուսուցման հատուկ ռազմավարությունները, որոնք թույլ են տալիս դազախական բաժինների ուսանողներին դասավանդել ռուսաց լեզու՝ հաշվի առնելով իրենց ապագա մասնագիտության ենթալեզունը: Ապացուցվում է կրթական բարեփոխումների պայմաններում կոմպետենտ մասնագետների պատրաստման համար նման աշխատանքի նպատակահարմարությունը:

Բանալի բառեր՝ բազմալեզու կրթություն, կոմպետենտ մոտեցում, գլոբալացված ժամանակակից հասարակություն, ֆունկցիոնալ կրթություն, մասնագիտորեն կողմնորոշված ռուսաց լեզու, լեզվական կոմպետենցիա, հաղորդակցման հմտություններ:

**ACCOUNTING SUBLANGUAGE OF SPECIALIZED FIELD
IN TEACHING STUDENTS OF NON-LANGUAGE FACULTIES
THE RUSSIAN LANGUAGE**

A. Kartashyova
akartasheva@mail.ru

*PhD, Professor, Department of Language and Literature,
Atyrau State University after H. Dosmukhamedov
Atyrau, Republic of Kazakhstan*

ABSTRACT

This article considers certain teaching strategies, which allow to put into effect teaching the Russian language to students of Kazakh branches taking into account the sublanguage of their future specialized field. The expediency of similar work for training competent specialists in the context of educational reform is being proven.

Keywords: multilingual education, competence-based approach, globalized modern society, functional education, professional and oriented Russian language, linguistic competence, communication's skills.

Информация о статье:

*статья поступила в редакцию 15 января 2020 г.,
подписана к печати в номер 5 (9) / 2020 – 20.02.2020 г.*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

КОМПЛИМЕНТЫ В СВЕТЕ ГЕНДЕРНЫХ И МЕЖКУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ

Лилит Георгиевна Брутян

lilit.brutian@gmail.com, lilit.brutian@ysu.am

*Д.ф.н., профессор, академик Армянской философской академии,
зав. кафедрой русского языкознания, типологии и теории коммуникации
Ереванский государственный университет
Ереван, Республика Армения*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу речевого акта комплимента, одной из важнейших форм речевого этикета. Compliments рассматриваются в контексте гендерных различий адресанта и адресата. Вскрываются также обусловленные особенностями и нормами культур различия в форме выражения комплимента и его восприятия.

Ключевые слова: комплименты, коммуникация, гендерный, межкультурный, речевой этикет.

Сегодня, в 21-м веке, в результате интенсификации контактов самого разного типа, пристальный интерес к изучению разных аспектов коммуникации является абсолютно закономерным. Выявление законов эффективной коммуникации, как межличностной, так и межкультурной, и на самых разных уровнях с целью минимизации коммуникативных неудач и даже конфликтов, гармонизации отношений и шире – языковой ситуации в поликодовом пространстве в условиях многоязычия и мультикультурализма – задача актуальная и чрезвычайно важная. Объектом нашего исследования является одна из форм речевого этикета, речевой акт комплимента, который позволя-

ет «расположить к себе собеседника и заложить основу для продолжительного и эффективного общения» [13: 139].

Комплименты будут проанализированы нами в контексте гендерной лингвистики [1], а также межкультурной коммуникации.

Рассмотрим вначале комплименты в **аспекте гендерных различий** адресанта и адресата.

Принято считать, что комплименты надо делать только женщинам, что двумя-тремя тривиальными комплиментами можно польстить ее самолюбию, что мужчины комплиментов не любят. На самом деле это глубокое заблуждение. Как показывают наблюдения, а также многочисленные исследования специалистов по психологии общения, комплименты любят получать как женщины, так и мужчины. А ошибочное мнение о том, что мужчины не любят комплиментов, объясняется, во-первых, тем, что мужчины, как более сдержанная «половина человечества», скрывают свою реакцию (конечно, положительную) на комплимент (если это не лезть). Ср.: «А как расцветают мужчины от похвалы, одобрения (хотя нередко и пытаются это скрыть!)» [16: 52]. Женщины же, будучи более эмоциональными по сравнению с мужчинами, не скрывают своих эмоций, своей радости и удовлетворения по поводу получения комплимента и всегда внутренне готовы получить его: ведь, как известно, «женщины любят ушами», им как воздух необходимы «словесные поглаживания» (термин Н.И. Формановской). Причем, разница в отношении к комплименту у лиц обоих полов проявляется и в том, что женщина не устает от комплиментов, ей нужно постоянно их слышать для поддержания своей самооценки и уверенности в себе (в этом, как правило, нуждаются больше женщины, чем представители сильного пола). Даже живущие в долгом и благополучном браке женщины рады услышать еще и еще раз слова комплимента от любимого мужчины по поводу ее внешности, внешней привлекательности (ей необходимо удостоверяться в том, что она все еще выглядит молодой, красивой и желанной), а также внутренних качеств (ее доброжелательности, доброты, ума, терпения, умения сочувствовать, заботливости и т.д.). Последний же, как правило, не может понять желания женщины снова и снова услышать словесное подкрепление своего отношения. С другой стороны, во многих культурах именно мужчины делают комплимен-

ты женщинам, а не наоборот: мужчины, как «сильный пол», могут позволить себе «побаловать» женщину, сказав ей приятные слова с высоты своего положения. Есть еще один фактор: комплименты по поводу внешности делают в основном женщинам (но не мужчинам), а уж похвалить можно и шляпку, и новую прическу, и наряд и т.д. и т.п. Перечислять можно очень и очень долго. Наконец, женщина во все века, несмотря на гендерную дискриминацию, была объектом преклонения, почитания и музой для мужчин: «... известно, что самые лучшие слова в мире были сказаны женщине или о женщине...» [4: 598]. Все вышесказанное говорит о неравномерности распределения комплиментов среди мужчин и женщин: женщины получают их чаще, но мужчины любят их получать ничуть не меньше, и так как мужчины отнюдь не избалованы комплиментами, то они намного менее требовательны к качеству комплиментарных слов.

В одной из армянских газет («Аравот» 2011, 1 апреля) (кстати, в этот период в Армении празднуют месячник женщин) даются такие рекомендации мужчинам по поводу комплиментов женщинам: женщину необходимо хвалить всегда, в любой ситуации; она особенно остро нуждается в комплиментах в праздничные дни; необходимо выделять любимую женщину комплиментарными словами среди других; недопустимы комплименты по поводу внешности малознакомой женщины – это может быть неправильно воспринято; в комплименте самым важным условием является искренность, поскольку женщины хуже реагируют на фальш в комплименте, чем на ложь; комплименты должны указывать на характерные особенности данной конкретной женщины; недопустимы комплименты типа “*Ты сегодня выглядишь красиво*” – это может быть расценено как антикомплимент: “*Ты вчера выглядела некрасиво и ты вообще некрасива*”; необходимо в женщине обнаруживать скрытые достоинства, которые достойны похвалы. В “Записных книжках” Сергея Довлатова встречаем такой пример «комплимента» женщине по поводу ее внешности:

“К нам зашел музыковед Аркадий Штейн. У моей жены сидели две приятельницы. Штейну захотелось быть любезным.

– Леночка, – сказал он, – ты чудно выглядишь. Тем более – на фоне остальных”.

Кстати, что касается комплиментов по поводу внешности, то, по словам В.Б. Кашкина, *«комплимент женщине не всегда действительно говорит о том, что она хорошо выглядит. Этот “коммуникативный ход”, скорее, устанавливает различные социальные статусы коммуникантов»* [9: 166]. А известный армянский актер и общественный деятель Сос Саркисян в интервью, данном газете “Комсомольская правда” (2009г., декабрь, № 50), утверждает: *«Ложь во спасение – великая вещь. Даже некрасивой женщине можно сделать комплимент, порадовать ее. Есть у моего народа государственная... правда».*

Наконец, следует отметить, что комплименты женщинам (да и мужчинам тоже), как знаки внимания, улучшают взаимоотношения между лицами обоих полов, укрепляет семейные взаимоотношения, создают благоприятный микроклимат.

Поэтому, как написано в газетном отрывке, *«французских юношей высших классов учат выражать свое восхищение женским платьем или шляпой, причем делать это не раз, а много раз за вечер!*

Чтобы женщина нашла счастье в своем муже, нужно, чтобы он проявлял ей свою признательность и преданность» [взято из 16: 144].

А в конце этой части приведем следующие высказывания, иллюстрирующие речевой акт комплимента с точки зрения гендерного фактора: *“Женщину никогда нельзя обезоружить комплиментом, мужчину можно всегда”* (Оскар Уайлд), *“Женщины, в своем большинстве, любят слушать правду, как бы она им ни льстила”*, *“Всегда говори женщине, что она не такая, как другие, если хочешь получить от нее то же, что от других”*, *“Даже наименее кокетливая женщина хотела бы, чтобы другую женщину хвалили за ее ум, а не за ее бедра”*, *“Если ты скажешь девушке, что она красивее всех на свете, она может тебе не поверить. Но если ты скажешь, что она красивее Зоси, Яди, Хеленки и Баси, – она поверит мгновенно”*, *“Если ты скажешь девушке, что она прекрасна, она, скорее всего, примет за правду и всю твою остальную ложь”*, *“Мужчины без ежедневной порции лестии гибнут”*, *“Женщина, как правило, питает искреннее отвращение к лестии, особенно если ее объектом является другая женщина”*, *“Если вы льстите женщине, необходима некоторая тонкость, Но с мужчиной это необязательно: он заранее*

верит каждому комплименту” (Алан Эйкборн) [взято из 2: 352–353, 384]; “Женщина любит, когда ей пускают пыль в глаза, и чем больше пыли, тем шире она открывает глаза, чтобы побольше попало” (Альфред де Мюссе), “Женщине легче поцеловаться с чертом, нежели назвать другую женщину красавицей” (Н.В. Гоголь), “Перед комплиментами самая сильная женщина – бессильна. Перед комплиментами самая защищенная женщина – беззащитна. Перед комплиментами самая неприступная женщина – отступает. Только не думайте, что женщина ничего не понимает. Все она понимает, все соображает. Но ничего поделать с собой не может”, “Женщина вообще проницательна, и трудно обмануть ее в чем-либо. Кроме – комплиментов. Комплимент – не путь к уму женщины, а дорога к ее сердцу”, “Комплименты для женщины – как духи: освежают, ободряют и повышают жизненный тонус. Комплименты для женщины – как солнце: согревают душу и оттаивают сердце. Комплименты для женщины – как лекарства: заглушают сердечную боль и лечат душевные раны”, “Женщина по-актерски жаждет успеха и аплодисментов. Пусть не впрямую, а в виде комплиментов, но – жаждет”, “Комплименты – это еще и лакмусовая бумажка, с помощью которой женщина оценивает мужчину”, “Есть существенная разница между комплиментами и лекарствами. Лекарства следует потреблять в ограниченных количествах. Передозировка лекарств смертельна. А комплименты ограничивать не следует. Передозировка комплиментов для женщины не только не смертельна, а, напротив, живительна” [взято из 8: 23, 238–240].

Рассмотрим теперь речевой акт комплимента через призму **межкультурных различий и сходств**: ведь при схожести единой установки – сделать приятное собеседнику – форма выражения комплимента, а также его восприятие зачастую бывают очень разными в разных культурах. И это зависит от менталитета носителей той или иной культуры, от принятых в том или ином обществе норм проявления чувств, в частности, симпатий. Существенно отличаются и реакции на комплименты в разных, иногда даже близких культурах. Поэтому неудивительно, что какое-нибудь выражение, употребляемое в качестве похвалы в одном обществе, может быть воспринято в другом как лесть, а в каком-то ином обществе и вовсе как оскорбление.

Так, «англо-американская культура поощряет отзываться с похвалой о других людях, дабы поднять их в собственных глазах. В японской же культуре, наоборот, похвала в лицо не поощряется, однако вызывает одобрение говорить о себе “плохо”» [3: 397–398]. В армянской культуре «поощряется похвала в лицо, даже чрезмерная, других людей, однако говорить о себе “хорошо” может вызвать неодобрение, порой упрек» [10: 39].

Американцы щедро раздают комплименты и похвалу, тогда как японцы, напротив, довольно скупы делают комплименты, тщательно подбирая слова. Если спросить, к примеру, какого-либо американца о последнем комплименте, сделанном ему или сказанном им, то он без затруднения, немедленно вспомнит его, поскольку это могло иметь место считанные минуты (самое большее – часы) назад. Японцу же, наоборот, придется вспоминать аналогичный случай, имевший место несколько недель назад. Скупые на комплименты японцы (имеющие при этом специальную форму благодарности в ответ на похвалу) воспринимают прямые комплименты, звучащие из уст американцев, как лесть, но не проявление искренней похвалы. Американцы в своем стремлении делать комплименты, говорить хорошие, похвальные слова оценки зачастую доходят до крайностей, придумывая всевозможные «вербальные ухищрения». Так, «для того, чтобы привлечь, а вернее, не оттолкнуть покупательниц больших размеров, владельцы и директора магазинов проявляют изобретательность в придумывании приятных, комплиментарных, привлекательных вывесок: *BIB* – сокращенно от *Big is Beautiful* [Большое – это великолепно]; *Renoir Collection* [ренуаровская коллекция]. Все точно продумано: ренуаровские женщины – розовые, нежные, приятно округлые. “Рубенсовская коллекция” звучала бы гораздо менее привлекательно» [14: 226].

Известно, что в США комплимент женщине на работе (по поводу ее внешности, наряда и т.д.) может рассматриваться как сексуальное домогательство, за что можно попасть и под суд: сесть в тюрьму, заплатить огромные штрафы (чем, кстати, многие американские феминистки не преминули воспользоваться). Вот как об этом пишет известный культуролог Г.Д. Гачев: «Сидели, слушали-смотрели по телику разбор дела кандидата в Верховные судьи Кларенса Томаса, негра, кого его секретарша прежняя обвиняла в се-

xual harassment – что склонял ее к сексу, намекал предложениями. А всего-то, оказывается, делал ей некоторые легкие комплименты...

И вот уже полмесяца вся Америка только и спорит об этом: было это приставание или нет, и в чем заключалось, и можно ли легкие намеки и комплименты, заигрывания – считать “принуждением к сексу”? По телевидению, в газетах – непрерывно и часами.

Но в какой мелочишке роются – носами и вопросами! То, что есть элементарный, легкий – даже не флирт, а просто комплимент, на взгляд европейца, француза, например, простая галантность, – тут тупо и всерьез как прямо **секс** – трактуется! И в этом – ментальность! Не понимают “амуров” – любовной игры; а раз комплимент – то сразу практичен, к цели, ибо не могут себе представить бесцельного комплиментирования женщине. Работяги утилитарные – и в этом» [5: 376–377].

Ниже – пример межкультурного конфликта, который произошел между американской учительницей, преподающей старшеклассникам в одной из американских школ, и ее ученицей из Таиланда.

Обратившись к школьнице, учительница сказала: “Я очень довольна твоей работой. Твой английский становится все лучше и лучше”. В ответ на это девочка опустила голову и сказала: “О нет, я не хорошая ученица. Мой английский не очень хороший”. Учительница действительно считала, что у девочки большой прогресс в английском, и она хотела, чтобы та знала об этом. Поэтому она сказала: “Но ты хорошая ученица, и у тебя огромный прогресс. Ты должна гордиться своими результатами”. На что старшеклассница отреагировала так: “Нет, нет. Вы очень хорошая учительница, а я не очень хорошая ученица”. Учительница не знала, что еще сказать, поэтому она решила больше не делать никаких комплиментов [взято из 7: 276]. Данный пример, иллюстрирующий столкновение разных культур – американской и тайской – можно проинтерпретировать следующим образом. Во-первых, школьница не принимала комплимента (отвергая его и вербально, и невербально, опуская голову все ниже и ниже) не потому, что она стыдилась своей работы, и не потому, что ей не нравилась преподавательница, а потому, что комплимент ввел ее в смущение, она почувствовала неловкость от похвалы. Помимо этого, в азиатских странах в знак уважения и почтения к

вышестоящему (в данном случае, к педагогу) опускают голову. Учительница же решила прекратить говорить хвалебные слова в адрес девочки не потому, что ей не понравилось поведение последней, а потому, что увидела дискомфортное состояние девочки; кроме этого, она могла ожидать слова благодарности за комплимент – ведь в англоязычных странах принято говорить слова комплимента, похвалы за хорошую учебу школьников, которые всегда принимаются со словами благодарности.

Если в США, как отмечалось выше, делать комплименты женщине иногда бывает очень опасно (грань между словами комплимента и сексуальным домогательством иногда крайне неуловима), то в Италии, где культ прекрасного вообще, «женщиной принято восхищаться и не скрывать этого. Что положительно характеризует итальянских мужчин, так это то, что восхищаться и, главное, демонстрировать это они будут любой – некрасивой, старой, молодой, глупой, красивой, не делая исключений. Женщина в Италии действительно имеет возможность побыть в центре мужского внимания, почувствовать себя красавицей, желанной и восхитительной. Пусть это игра, но игра, которая тайно нравится даже самым отчаянным феминисткам. Не отсюда ли образ страстного любовника-итальянца, который распространен на политкорректном Западе, где мужчины уже не позволяют себе откровенных знаков внимания женщинам?» (11: 234–235).

Притом, что женщины в целом, как уже отмечалось, очень любят получать комплименты, и в этом существуют межкультурные различия. Вот как реагируют на комплименты женщины Скандинавии, которая по праву считается «оплотом победившего феминизма», о чем читаем в статье с показательным названием «Скандинавки ищут подвох в праздничных поздравлениях» («Новое время», 2010г., 11 марта): «8 марта, как всегда, прошло под знаком борьбы за права дам. Цветы, комплименты, небольшие презенты и прочие проявления галантности, типичные для других стран, многие скандинавки в Женский день отвергают, видя в иных скрытую попытку вернуться к патриархальному построению общества, в котором “слабый пол” находится в подчинении у мужчин».

О том, как по-разному реагируют на комплименты в связи с разными культурными традициями, говорит Фрэнк Миллер, профессор Колумбийско-

го университета в Нью-Йорке, преподающий там русский язык и много общавшийся с русскими людьми: «... американец примет комплимент с удовольствием, поблагодарит, а русский обязательно станет отказываться: “Да что вы!” или “Как бы не сглазить”» (12: 106). Ниже – еще пример, иллюстрирующий «чисто русское» восприятие комплиментов:

“Театр – это очень осторожная вещь.

Когда приходят и говорят: “Старик, как ты сыграл, просто классно”, – я говорю: “Что-то не так, что-то не так”. Когда в театре хвалят, ищи, что-то там не так было. Я не доверяю таким оценкам” (из интервью актера Валерия Баринаова, передача “Линия жизни”, 19.10.16).

Известно, что в качестве комплиментов во многих культурах используются сравнения с представителями животного мира, причем то, что считается комплиментом в одной культуре, в другой может быть вовсе непонятным и даже оскорбительным. Так, в русской культуре «птичка, рыбка, сокол, орленок – это все ласкательные или похвальные названия» [15: 59]. По словам И.Н. Горелова и К.Ф. Седова, «очень странное впечатление на носителей иной культуры могут произвести некоторые комплименты женщинам. В Индии можно польстить женщине, если сравнить ее с коровой, а ее походку – с походкой слона. Хороший комплимент японке – сравнение ее со змеей, татарке и башкирке – с пиявкой, олицетворяющей совершенство форм и движений. Обращение к женщине “Гусыня!” в русской культуре – оскорбление. В Египте – это ласковый комплимент» [6: 132]. В Армении комплиментом мужчине может быть сравнение его со львом, с орлом. Ребенка ласково называют барашком, а комплимент женщине – сравнение ее с ланью.

Остановимся теперь на комплиментах в армянской культуре более подробно.

Притом, что в Армении во время праздничных застолий звучат щедрые слова похвалы в адрес женщины; мы придумали даже не имеющий аналогов в других странах «женский месячник», когда постоянно, в течение целого месяца, восхваляют женщину, дарят ей улыбки, цветы, комплименты, в будни мы как-то с трудом делаем комплименты друг другу: сказываются и трудности быта, и наша ментальность. К сожалению, не всякий действительно владеет искусством сделать приятный женщине комплимент, и тогда слова,

направленные в адрес женщины, превращаются в антикомплимент. Вот как описываются армянские комплименты в статье «Девичьи будни и армянские комплименты» («Комсомольская правда», 2008 г., 24–30 апреля): «Нет, не то чтобы мне не нравилось внимание со стороны «сильной половины» населения, просто способы выражения этого внимания не всегда бывают оптимальными. Для пушей достоверности опишем один день из жизни армянской девушки симпатичной наружности.

Оделась, накрасилась, вышла на улицу. Собравшиеся кучкой парни двора делают “круглые глаза” и удивленные лица. Вслед ей летит фраза: “Браток, мне в натуре нехорошо. ЧТО ЭТО БЫЛО!” “Неужели со мной сегодня что-то не то? Или слишком сильно надушилась?” – думает симпатичная девушка, немного огорчась. Утро испорчено, но день только начался, она останавливает маршрутку, где ее встречают те же оценивающие взгляды. Съежившись в предчувствии очередных “комплиментов”, садится на первое попавшееся свободное место. “Ну и птенчик!” – доносится от парней, сидящих напротив. “Какой я вам птенчик?! Это больше подходит вон той девушке, что сидит за шофером: на ней хоть перья есть. Вон, на сапогах, на сумке, на заколке; синие красные, розовые... Где не камушек, там перышко! А может, они имеют в виду, что у меня нос, как клюв? Какой ужас!” Спустившись из маршрутки и оказавшись в родном университете, она, облегченно вздохнув, решит, что уже в безопасности, но напрасно. Поднимаясь за ней по лестнице, громко гоготнув, кто-нибудь обязательно скажет: “Так и съел бы твои ножки!” Следуя чисто женской логике, она придет к выводу, что это намек на то, что ее ноги похожи на свиные окорока (что еще может хотеть съесть парень в “голодные студенческие годы”?) и расстроится окончательно. Настроение испорчено бесповоротно. Возвращаясь вечером домой, проходя мимо “сгруппированных” на улице соседей, она придаст своему лицу такое выражение, чтобы все поняли: день не удался, приставать не советую. Придет домой, устало бросит сумку на стол и, подойдя к зеркалу, подумает: не такая уж я и страшная. Плавной походкой подойдет к окну и задумается: как же это получается, что никто вокруг не замечает ее красоты? Где уж ей, своим “недалеким женским умом” понять, что все те комментарии, которые она слышала вокруг себя в течение дня, были не издевательствами, а самими

настоящими армянскими комплиментами?». Комментарии, как говорится, излишни.

Как же мы воспринимаем комплименты, если это хорошие, искренние комплименты? Как показывает практика, армяне, особенно женская половина населения, любят отвергать комплименты со словами: *“Нет, это не так”*, *“Что вы, совсем наоборот”* и т.д. Сказывается наша ментальность: недоверие к собеседнику, ориентированность на то, чтобы увидеть подвох, лесть, какой-то тайный, скрытый смысл, а также наша закрытость, зажатость, чувство смущения, отсутствие опыта в получении комплиментов. Есть и такая версия: армяне из суеверия не принимают комплиментов. Надо подчеркнуть, что сказанное в большей степени относится к женщинам среднего и старшего возраста. Сегодняшнее молодое поколение в лице молодых женщин и совсем юных девушек и девочек с большим достоинством, со словами благодарности принимают комплименты, видимо, под влиянием всепроникающей американизации.

Особенностью армянских комплиментов в структурно-содержательном плане является довольно обильное использование комплиментов-сравнений, в которых человек сравнивается, к примеру, с солнцем, со светом, с огнем, золотом, с Богом, царицей, храмом, святыней, с душой, горой, поэзией, музыкой. Например: *“Ты красива, как поэзия и глубока, как музыка”*. Девушку часто сравнивают с цветами, с розой, речь человека – с нектаром, с медом. В армянской культуре комплиментом женщине является сравнение ее с мужчиной, приписывание ей мужских качеств.

Опрос¹, проведенный среди 80-и лиц армянской национальности, представителей разных социальных слоев общества, разных половозрастных групп, выявил следующее: 1) в возрасте от 20-и до 35-и лет большинство женщин (15 из 20-и) предпочитает получать комплименты, а не говорить их. И мужчины в той же возрастной группе предпочитают получать комплименты, хотя и в меньшей степени, чем женщины (11 из 20-и). Примечательно, что в более старшей возрастной группе (35–50 лет) лица обоих полов предпочитают в своем большинстве делать комплименты; 2) половина опрошенных женщин в возрасте от 20-и до 35-и лет делает комплименты и незнако-

¹ В основе нашего анализа – данные опроса, проведенного магистранткой ЕГУ Марией Чекучян.

мым людям (не только детям и пожилым). Молодые мужчины в возрасте 25–30-и лет в большинстве случаев (12 из 20-и) делают комплименты женщинам, которые нравятся, некоторые из них – всегда своей матери. Большинство из них очень часто делает комплименты незнакомым людям, остальные избегают этого по причине негативной реакции со стороны адресата; 3) в возрасте от 20-и до 35-и лет женщины и мужчины в первую очередь хвалят внешность человека (13 из 20-и), тогда как в возрастной группе 35–50 лет на вопрос: “Что вы больше всего хвалите в людях?” прозвучали практически одинаковые ответы у информантов обоих полов: 13 женщин и 15 мужчин из 20-и соответственно указали на определенные способности человека (мужчины в основном хвалят кулинарные способности своих жен), затем душевные качества, интеллект. Остальные хвалят внешность человека, однако в отличие от более молодых людей указывают также на вкус собеседника.

Речевой акт комплимента, таким образом, обладает и культурно-национальной спецификой, обусловленной различием ментальностей носителей разных лингвокультур.

А завершить хотелось бы словами Б. Окуджавы:

“Давайте восклицать, друг другом восхищаться.

Высокопарных слов не надо опасаться.

Давайте говорить друг другу комплименты –

Ведь это все любви счастливые моменты”.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брутян Л.Г. Язык и гендер. – Ереван: Изд-во «Международная академия философии», 2008. – 150 с.
2. Большая книга афоризмов // Сост. К. Душенко. – М.: Изд-во ЭКСМО, 2009. – 1056 с.
3. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997 – 416 с.
4. Гак В.Г. В поисках истины // Логический анализ языка. Избранное 1988–1995. // Сост. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2003. – СС. 685–695.

5. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. – М.: Изд-во ЭКСМО, 2003. – 544 с.
6. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. – М.: Лабиринт, 2005. – 316 с.
7. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – М.: Academia, 2006. – 331 с.
8. Инин А. Женщина от А до Я. Юмористическая энциклопедия. – М.: Изд-во ЭКСМО, 2004, – 720 с.
9. Кашкин В.Б. Основы теории коммуникации. – М.: Восток-Запад, 2007. – 256 с.
10. Матевосян Л.Б. Стационарное предложение: от стандартного к оригинальному. – М.–Ереван: Изд-во Ереванского университета, 2005. – 184 с.
11. Павловская А.В. Италия и итальянцы. – М.: Изд-во Олма Медиа Групп, 2006. – 368 с.
12. Русский язык за рубежом, 2011, № 1. – СС. 105–106.
13. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация. – М.: Альфа–М: ИНФРА–М., 2010. – 288 с.
14. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово/Slovo, 2008. – 264 с.
15. Феллер М. Как рождаются и живут слова. – М.: «Просвещение», 1964. – 195 с.
16. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. – М.: Высшая школа, 1989. – 156 с.

**ՀԱՃՈՅԱԽՈՍՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ԳԵՆԴԵՐԱՅԻՆ ԵՎ
ՄԻՋՄՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ ՏԱՐԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԼՈՒՅՄԻ ՆԵՐՔՈ**

Լ.Գ. Բրուտյան

lilit.brutian@gmail.com, lilit.brutian@ysu.am

Բ.գ.դ., պրոֆեսոր,

*Հայկական փիլիսոփայական ակադեմիայի ակադեմիկոս,
ռուսաց լեզվաբանության, տիպաբանության*

*և հաղորդակցման տեսության ամբիոնի վարիչ
Երևանի պետական համալսարան
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածը նվիրված է խոսքային վարվելակերպի կարե-վորագույն ձևերից մեկի՝ հաճոյախոսության խոսողա-կան ակտի վերլուծությանը: Հաճոյախոսությունները քննվում են հասցեագրողի և հասցեատիրոջ գենդերային տարբերությունների համատեքստում: Վերհանվում են նաև մշակույթների առանձնահատկություններով և նոր-մերով պայմանավորված հաճոյախոսությունների ար-տահայտման ձևերի և դրանց ընկալումների տարբերու-թյունները:

Բանալի բառեր՝ հաճոյախոսություններ, հաղորդակցու-թյուն, գենդերային, միջմշակութային, խոսքային վարվե-լակարգ:

COMPLIMENTS IN THE LIGHT OF GENDER AND INTERCULTURAL DIFFERENCES

L. Brutian

lilit.brutian@gmail.com, lilit.brutian@ysu.am

*Dr. of Philological Sciences, Professor,
Academician of Armenian Philosophical Academy,
Head of Chair of Russian Linguistics, Typology
and Theory of Communication Yerevan State University
Yerevan, Republic of Armenia*

ABSTRACT

The paper is devoted to the analysis of the speech act of a compliment, one of the most important forms of speech etiquette. The compliments are analyzed in the context of gender differences of the addresser and the addressee. Besides, the differences in the form of compliment-making and its perception, determined by specific features and norms of cultures, are revealed.

Keywords: compliments, communication, gender, intercultural, speech etiquette.

Информация о статье:

статья поступила в редакцию 21 января 2020 г.,

подписана к печати в номер 5 (9) / 2020 – 28.02.2020 г.

ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКЕ
ЛАТИНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Владимир Аругтюнович Акопян

yovahakobyan@yahoo.com

*Студент 4 курса отделения «Лингвистика»
Филиал Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова в городе Ереване
Ереван, Республика Армения*

АННОТАЦИЯ

В статье предпринята попытка рассмотреть латинские заимствования в современном английском языке. Автор пишет о неоднородности словарного состава английского языка и дает классификацию латинских заимствований, а также приводит их анализ на современном этапе.

Ключевые слова: латинские заимствования, словарный состав, латинский язык, английский язык.

«Нет ни одного языка на земле, в котором словарный состав ограничивался бы только своими исконными словами. В каждом языке имеются и слова заимствованные, иноязычные. В разных языках и в разные периоды их развития процент этих «не своих» слов бывает различным», – говорил А.А. Реформатский [3: 106].

Без учета истории словарного состава, под которым понимаются все слова, имеющиеся в данном языке, изучение истории языка не даст полную картину развития любого языка, в том числе и английского.

Словарный состав языка не является однородным по своему происхождению и по времени происхождения отдельных слов. В каждом языке можно

проследить определенную группу слов, которая называется основным словарным фондом. Эти слова охватывают основные, жизненно необходимые для человека понятия, отличаются большой устойчивостью и дают языку базу для образования новых слов.

Так, слова языка древнеанглийского (далее – *древн.*) периода могут быть разделены на четыре группы, в зависимости от того, когда и при каких условиях они появились в языке:

1. Слова общеиндоевропейские – древнейшие слова, которые существовали когда-то в общеиндоевропейском языке-основе и сохранились по крайней мере в целом ряде индоевропейских языков. Например: *древн. fader* – отец || *лат. pater* – отец; *древн. etan* – есть || *лат. edo* – ем; *древн. twā* – два || *лат. duo* – два.

2. Слова общегерманские, которые являются общими для всех германских языков и встречаются только в этих языках, отсутствуют в других индоевропейских языках, за исключением некоторых германских заимствований.

3. Слова собственно английские образовались на базе английского языка и встречаются исключительно в нем, если не считать возможных заимствований из английского в другие языки. К данным словам относят целый ряд исторически сложных словарных единиц, составляющих специфику английского языка древнего периода.

4. Слова, заимствованные из других языков [1: 98–100].

Словарный состав любого языка отражает историю носителя этого языка. Древнейшие культурные и политические взаимоотношения народов, степень развития культуры и многое другое можно установить на основании данных словарного состава. Так, на примере словарного состава английского языка древнего периода можно выявить культурные связи между древнеанглийскими племенами и Римом, а также определить влияние на эти племена римской культуры и латинского языка.

В английском языке древнего периода имеется большое количество слов латинского происхождения. Они являются древнейшими культурными заимствованиями – названиями вещей и понятий, с которыми познакомились англосаксонские племена, находясь на континенте. Эти слова составляют первый слой латинских заимствований, которые были переняты в первые ве-

ка нашей эры. Данные заимствования удобнее объединять по группам понятий:

1. Торговля: *лат.* vinum – вино; *древн.* wīn, *нов.* wine – вино; *лат.* saurones – содержатель таверны; *древн.* sear, *нов.* cheap – дешевый; *лат.* moneta – монета; *древн.* mynet (монета), *нов.* mint – чеканить; *лат.* pondo – весом (по весу); *древн.* pund, *нов.* pound – фунт; *лат.* uncia – двенадцатая часть; *древн.* unse, *нов.* inch – дюйм.

2. Быт: *лат.* cista – ящик; *древн.* cist, *нов.* chest – ящик; *лат.* caseus – сыр; *древн.* cīese, *нов.* cheese – сыр; *лат.* catillus – миска; *древн.* cytel, *нов.* kettle – чайник; *лат.* discus – миска; *древн.* disc, *нов.* dish – блюдо; *лат.* coquina – кухня; *древн.* sусene, *нов.* kitchen – кухня.

3. Продукты сельского хозяйства: *лат.* pīrum – груша; *древн.* pere, *нов.* pear – груша; *лат.* pīnum – груша; *древн.* plume, *нов.* plum – груша; *лат.* pisum – горох; *древн.* pese, *нов.* pea – горох; *лат.* beta – свекла; *древн.* bete, *нов.* beet – свекла; *лат.* piper – перец; *древн.* piper, *нов.* pepper – перец; *лат.* menta – мята; *древн.* mint, *нов.* mint – мята; *лат.* planta – растение; *древн.* plante, *нов.* plant – растение.

4. Сооружения: *лат.* strata via – мощеная дорога; *древн.* stræt, *нов.* street – улица; *лат.* vallum – вал, ограда; *древн.* weall, *нов.* wall – стена; *лат.* castra – лагерь; *древн.* ceaster, *нов.* (Lan)caster, (Glou)cester, (Man)chester – названия городов; *лат.* portus – гавань; *древн.* port, *нов.* port – порт. [1: 104–105].

В конце VI и начале VII столетий с введением в Англии христианства в жизнь английских племен вошло значительное количество понятий, связанных с новой религией и новыми религиозными обрядами. Вместе с этими понятиями в английский язык этого периода проникло много латинских слов, обозначающих эти понятия. Эти словарные единицы представляют собой лексемы книжного стиля речи и составляют так называемый второй слой латинских заимствований. Их также принято объединять по группам понятий:

1. Представители новой религии: *лат.* papa – папа римский; *древн.* pa-pa, *нов.* pope – папа римский; *лат.* episcopus – папа римский; *древн.* biscop, *нов.* bishop – папа римский; *лат.* presbyter – священник; *древн.* pṛēost, *нов.*

priest – священник; *лат.* clericus – священник; *древн.* cleric, *нов.* clerk – служащий; *лат.* monachus – монах; *древн.* munuc, *нов.* monk – монах; *лат.* nunna – монахиня; *древн.* nunna, *нов.* nun – монахиня.

2. Новые религиозные понятия: *лат.* monasterium – монастырь; *древн.* munster, *нов.* minster – монастырь, монастырская церковь; *лат.* altaria – алтарь; *древн.* altare, *нов.* altar – алтарь; *лат.* diabolus – дьявол; *древн.* deofol, *нов.* devil – дьявол; *лат.* credo – верую; *древн.* creda, *нов.* creed – вера; *лат.* offere – предлагать; *древн.* offrian (жертвовать), *нов.* offer – предлагать.

3. Просвещение: *лат.* magister – учитель; *древн.* mæŷester, *нов.* master – хозяин, мастер; *лат.* schola – школа; *древн.* scōl, *нов.* school – школа [1: 106].

В течение многих веков после введения в Англии христианства латынь использовалась в качестве языка богослужения, а также применялась в сфере научных трактатов, для написания которых ученые средневековья должны были хорошо владеть латинским языком.

Такое своеобразное положение латинского языка в английском обществе обеспечило ему реальную возможность служить тем источником, из которого всегда можно было черпать слова для выражения новых понятий. Возможность введения латинских лексических единиц в английский язык была большой ввиду того, что в эпоху Ренессанса получили широкое распространение такие явления, как знакомство с другими языками и многочисленные переводы с латинского языка на английский. Ученые, писавшие на национальном английском языке, который постепенно начинал вытеснять латынь из научного обихода, также широко использовали в своих работах латинские слова.

Новоанглийский язык складывается в эпоху Возрождения. Научные сочинения этого периода пишут уже на английском языке, однако поскольку в период средневековья языком науки был латинский, и для эпохи Возрождения характерен интерес к памятникам античной культуры, использование стиля, риторических приемов построения греческих и римских авторов, постольку совершенно естественно, что пополнение словаря и создание новой научной терминологии происходило в значительной степени за счет заим-

ствований из латинского, а также из греческого языков. Так создавалась, например, терминология философии, права, медицины и т.п.

В английском языке XVI–XVII веков образовался значительный слой латинских слов, заимствованный не путем устного общения, что было характерно для древнеанглийского языка, а путем извлечения их из книг. Отличительной чертой этого слоя заимствований является то, что он содержит множество глаголов и прилагательных и сравнительно немного существительных, в то время как вышеперечисленные заимствования древнеанглийского периода состоят почти исключительно из существительных. Эти слова составили так называемый третий слой латинских заимствований [1: 246].

Среди заимствованных прилагательных выделяются две группы:

- 1) прилагательные, восходящие к латинским прилагательным;
- 2) прилагательные, восходящие к латинским причастиям.

Для анализа латинских заимствований на современном этапе был отобран отрывок из научно-популярной статьи, относящейся к сфере медицины, включенный в учебное пособие [4: 88]. Из общего объема слов, который составил 248 слов, 30 слов – специальная медицинская лексика разной степени специализации, т.е. часть из них находятся на периферии специальной лексики и знакомы широкому кругу образованных людей, а часть являются специализированными терминами узкой медицинской тематики. Пятнадцать словарных единиц (50%) – латинские заимствования, перенятые или прямым путем из латинского языка или же через старофранцузский язык. Таким образом, латинские заимствования составили 50% от специальной лексики, использованной в тексте. Ниже приведен список латинских заимствований, использованных в тексте (с указанием их этимологии и времени заимствования).

Transplant – от лат. *transplantare*, (сер. 15 в.); patient – от старофранцузского *pacient*, в старофранц. от лат. *patiente* (сер. 14 в.); organs – от лат. *organum*, (конец 14 в.); donog – от старофранц. *doneur*, в старофранц. от лат. *donatorem* (сер.15 в.); surgery – от старофранц. *serurgerie*, в старофранц. от лат. *chirurgia* (13 в.); medicine – от лат. *medicina* (12 в.); dialysis – от лат. *dialysis* (16 в.); toxic – от лат. *toxicus* (17 в.); chemical – от *alchemy*, лат. *alchimicus* (16 в.); peritoneal, peritoneum – от лат. *peritoneum* (нач. 15 в.); saline – от лат.

salinum (15 в.); *solution* – от лат. *solutus, solvere* (конец 14 в.); *abdominal* – от лат. *abdominalis* (16 в.); *cavity* – от лат. *cavitatem* (16 в.); *catheter* – от лат. *catheter, cathirum* (нач. 15 в.).

Рассмотрим список латинских заимствований (с указанием их этимологии и времени заимствования) из профессионально направленного аутентичного и адаптированного учебного текста (для изучающего, ознакомительного, просмотрового и поискового чтения) в сфере юриспруденции [2: 22]. Общее количество слов в тексте составило 391 лексическую единицу, из которых специальная лексика – 31 лексема. Из этого количества специальной лексики 19 латинских заимствований – 61% специальной лексики, использованной в тексте:

Government – от старофранц. *gouvernement*, в старофранц. от лат. *gubernare* (конец 14 в.); *court* – от старофранц. *cort*, в старофранц. от лат. *cortem* (12 в.); *police* – от лат. *politia* (16 в.); *commit* – от лат. *committere* (14 в.); *crime* – от лат. *crimen* (сер. 13 в.); *corruption* – от лат. *corruptionem* (сер. 14 в.); *justice* – от лат. *iustitia* (сер. 12 в.); *society* – от лат. *societatem* (16 в.); *rule* – от старофранц. *riule*, в старофранц. от лат. *regula* (12 в.); *incident* – от лат. *incidentem* (15 в.); *suspension* – от лат. *suspensionem* (15 в.); *prosecution* – от лат. *prosecutionem* (16 в.); *civil* – от лат. *civilis* (14 в.); *action* – от лат. *actionem* (12 в.); *violence* – от лат. *violentia* (конец 13 в.); *prison* – от лат. *presionem, prensionem* (12 в.); *offence* – от лат. *offensa* (14 в.); *state* – от лат. *status* (12 в.).

Исходя из результатов, можно сделать вывод, что в английском специализированном тексте половину или больше половины терминов и профессионализмов составляют латинские заимствования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аракин В.Д. История английского языка. – М: Физматлит, 2003. – 265 с.
2. Ильина Н.Ю. Английский язык для юристов // Отв. ред. Н.Ю. Ильина, Т.А. Аганина. – М.: Изд-во Проспект, 2012. – 295 с.
3. Реформатский А.А. Введение в языкознание. – М: Аспект Пресс, 2005. – 536 с.

4. Щедрина Т.П. «Тексты по медицине: Чтение, перевод, реферирование и обсуждение». Учебное пособие по английскому языку / Т.П. Щедрина, С.А. Агафонова, В.А. Бессонова // Под ред. к.ф.н., проф. Т.П. Щедриной (2-е изд-е, стер.). – М.: Студент, 2011. – 111 с.

ԼԱՏԻՆԱԿԱՆ ՓՈԽԱՌՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ ԱՆԳԼԵՐԵՆ ԼԵԶՎՈՒՄ

Վ.Հ. Հակոբյան

vovahakobyan@yahoo.com

*Երևան քաղաքի Մ.Վ. Լուսինոսովի անվան Մոսկվայի պետական համալսարանի
մասնաճյուղի «Լեզվաբանություն» բաժնի 4-րդ կուրսի ուսանող
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում փորձ է արվում դիտարկել լատինական փոխառությունները ժամանակակից անգլերենում: Հեղինակը գրում է անգլերեն լեզվի բառապաշարի բազմազանության մասին և ներկայացնում է լատինական փոխառությունների դասակարգումը, ինչպես նաև նրանց վերլուծությունը արդի փուլում:

Բանալի բառեր՝ լատինական փոխառություններ, բառապաշար, լատիներեն, անգլերեն:

LATIN BORROWINGS IN MODERN ENGLISH LANGUAGE

V. Hakobyan

vovahakobyan@yahoo.com

*4th year student of the Linguistics department,
Branch of Moscow State University named after M.V. Lomonosov in Yerevan
Yerevan, Republic of Armenia*

ABSTRACT

The article attempts to consider Latin borrowings in modern English. The author writes about the heterogeneity of the vocabulary of the English language and gives a classification of Latin borrowings, which also leads to their analysis at the present stage.

Keywords: Latin borrowings, vocabulary, Latin, English.

Информация о статье:

*статья поступила в редакцию 13 ноября 2019 г.,
подписана к печати в номер 5 (9) / 2020 – 12.01.2020 г.*

СУЩНОСТЬ ТЕОРИИ РЕЧЕВОГО АКТА

Кристина Грачъяевна Мурадян

christinamuradyan24@gmail.com

*Магистрантка 2 курса направления «Лингвистика»,
Российско-Армянский университет
Ереван, Республика Армения*

АННОТАЦИЯ

В последние годы правила выражения высказываний неоднократно обсуждались в философии языка. Некоторые философы утверждали, что знание значения слова – это просто знание правил и употребления слова. Однако проблема заключается в том, что ни один из этих философов не предложил единой и точной формулировки даже для одного выражения, чтобы проиллюстрировать их смысл. Другие философы языка выдвигали противоположное предположение, утверждая, что такого рода семантических правил вообще не существует.

Ключевые слова: философия языка, теория высказывания, формулировка речевого акта, противоположное предположение.

In everyday life people use language to express feelings or to do things: to declare, to ask, to command, to apologize, to question, to suggest, and also perform other numerous actions. The sentences uttered by people are not mere expressions, but they have also an intention to do something. For instance, after the pope declares “*I now pronounce you man and wife*” the couple will be regarded as officially married.

One of the major questions that speech act theorists are concerned with is what people do when they utter a sentence. For instance, when a speaker utters “Open the window,” this speaker fulfills the act of commanding and also expects

the listener to identify the speaker's intention by going to open the window. *Those actions that are fulfilled when the speaker utters a sentence are designated as **speech acts***. This definition demonstrates that when people utter expressions, statements or assertions they do not merely utter the sounds or words with a certain grammatical pattern, but they also perform particular actions in the process of speaking.

In typical speech situation, which includes speaker, listener and the speaker's utterance, various types of acts are connected to the utterance. When uttering a speaker sets in motion a speech apparatus and pronounces sounds. At the same time he also performs other acts: speaker either informs listeners or elicits in them boredom and annoyance. Moreover he expresses a statement or asks a question, orders or reports, congratulates or warns, that is to say he performs act from the list, that J.L. Austin called *illocutionary* [1]. Examples of English verbs and verbal groups, which are connected to illocutionary acts, are: *state, assert, describe, warn, remark, criticize, apologize, censure, approve, welcome, promise, express approval, express regret*. Austin claimed that there are more than one thousand these kinds of expressions in English.

According to **John R. Searle** the basic unit of language is not the symbol, sound or sentence, it is the *production* of them during the speech act. He suggested that speech acts are shaped by rule-governed behavior. Searle distinguishes two types of rules. First type includes the rules that merely regulate the language. These rules include *predicating* and *referring*, which explain the propositional content. The second type of rules includes *constitutive rules*, which determine behavior. These rules not only allow us to communicate, but also to represent ourselves.

John L. Austin was the first who attempted to demarcate *constative utterances* from *performative utterances*. According to his dichotomy speech acts consists of two distinct categories *constatives* and *performatives* (at first performatives served as an additional category to constatives). The first category, designated as constatives, is compared to the real world and they represent either true or false statements. This category does not denote actions. The second category, called performatives, includes those statements that imply an action.

According to Austin, performative actions are regarded as illocutionary acts, such as *to apologize, to command, to declare and so on*. Constatives are regarded

as actions that represent statements or give descriptions. Searle argues against this suggestion. He claims that describing and stating are also regarded as actions like commanding or apologizing.

In its turn Austin classified performatives into *explicit* and *implicit*. The differentiation made between explicit and implicit performatives is often referred to as “conscious-unconscious” or “intentional-unintentional.” In fact, Searle accepts utterances as performative only when they are explicit with the verb naming the act, and the verb can be both in passive and active form, the speaker is not lying, and the utterance is not indirect speech act. Searle further believes that performative utterances are also declarations.

Explicit performatives include a performative verb, which clearly conveys the meaning of the utterance, for example, “*I congratulate you with your anniversary.*” In this example the performative verb is “to congratulate”. In explicit performatives the utterance should be declarative, and the subject should be used in the first person pronoun with an active, present simple verb. But there exist some exceptions, where the subject is in plural and the performative verb is used in passive voice. For example: “The pupils are required to wear black and white uniform.”

A performative verb is absent in the case of **implicit performatives**. In order to recognize a performative utterance if it is an implicit performative, we should identify the real intention of the speaker, which is hidden behind the utterance. Context serves as a crucial element for identifying a performative utterance, because it itself does not carry a clear meaning.

In the case of performatives the speaker wants the listener to perform an action. Constatives may be found only in assertions and descriptions. But sometimes even constatives can denote an action, even though it is suggested that felicity conditions are not applicable to constatives. For example, “the door is closed.” This utterance may be included in the speech act of directives, as it denotes the speaker’s wish to open the door. We can infer from this example that the verges between constatives and performatives are vague and obscure. That was the exact reason why Austin, made another classification, which divided performatives into three subgroups: *locutionary*, *illocutionary*, and *perlocutionary acts* [2: 405–424].

These are the three essential elements that directly form a speech act and which are closely related to each other. The locutionary act is defined as a mere uttering of some words or meaningful expressions in a certain language, while the illocutionary and perlocutionary acts convey a more complicated message for the listener.

Under **locutionary** act we always understand only the direct and literal meaning of the utterance, that is to say it is the meaning carried by words and their arrangement or structure in the utterance. By naming the speech act locutionary we imply that it has to do with speaker's simple act of uttering something.

Illocutionary acts are regarded as complete speech acts, which are performed in a characteristic utterance. Illocutionary acts are constituted by propositional content of the utterance and by a specific illocutionary force. An illocutionary act (in-locution, in speaking ("in" became "il" through phonetic assimilation)) expresses the speaker's intentions behind the utterance. More precisely the illocutionary act is the production of one concrete sentence in certain circumstances. Illocutionary act by itself is the basic unit of the language.

The *communicative force* of the utterance makes possible the performance of an illocutionary act. The communicative force is also designated as **illocutionary force** of an utterance and it is defined as the speaker's intention in producing that utterance. One might utter in order to make a declaration, statement, offer, complaint, promise, suggestion, prediction etc. For example, "it is cold outside!" The illocutionary force here is represented by the speaker's desire directed to the listener to take an umbrella or to not to go outside. Illocutionary act is also defined as the interpretation of the utterance by the listener.

A **perlocutionary** act (per-locutionary, through speaking), also designated as *perlocutionary effect*, is the last element as its performance is caused by locutionary and illocutionary acts. It represents the effect that the speaker wants to have over the listener and his reaction to the utterance. Here are the examples of perlocutionary acts: intimidating, persuading, insulting, frightening, embarrassing, convincing, getting the listener to do something, inspiring, boring and so on. For instance, if someone shouts "Earthquake!" and everyone starts to leave the room then we have a performed perlocutionary act, because the utterance "Earthquake!" convinced people to leave the building.

For better understanding the difference between these three elements here is another example: **Mother**: “Darling, do you want to go out to the concert today?”

Daughter: “I caught a cold.”

Mother: “Hmm... It’s bad. You’d better stay at home and I’ll brew a tea.”

In this example the utterance of the daughter is the locutionary act (“I caught a cold.”). It is worth of attention that by these words daughter intended to refuse mother’s offer to go to the concert, that is to say it is the illocutionary force of the utterance. As the utterance has an illocutionary force it represents an illocutionary act. And the perlocutionary act is represented by mother’s intention to brew a tea, that is to say this is the effect that daughter’s utterance made on mother. The perlocutionary act deals with the reaction of the listener in a speech act.

It is important to mention that Searle disclaimed the distinction between locutionary and illocutionary acts, suggested by Austin. He replaced this distinction with two aspects of an illocutionary act: propositional content and communicative or illocutionary force. Searle claims: “*The proposition that I will leave may be a common content of different utterances with different illocutionary forces, for I can threaten, warn, state, predict, or promise that I will leave.*”[3: 420].

The accomplishment of speech act refers to those forms of behavior, which are regulated by norms and rules. Such acts as asking a question or expressing a statement are regulated in the same way as the course of a horse in chess is subdued to the rules of the game.

To prepare the ground for formulating rules of illocutionary acts such notions as **rules, propositions, and meaning** need to be explained.

Rules

In recent years the notion of rules of expressing statements has been discussed in philosophy of language more than once. Some of the philosophers even claimed that the knowing of the meaning of the word is merely the knowing of the rules and usage of the word. But the problem is that none of this philosophers suggested one and precise formulation for even one expression, in order to exemplify the meaning of them. Other philosophers introduced an opposite suggestion, and claimed that such kinds of semantic rules do not exist at all.

Searle suggests that the semantics of the language can be discussed as a set of systems of constitutive rules, and that the illocutionary acts are accomplished in

accordance with these rules. Constitutive rules fall under several categories. What is more none of these categories does not match the rules of etiquette.

Propositions

Different illocutionary acts often have something in common. Let us consider the following sentences:

- (1) Will John leave the room?
- (2) John will leave the room.
- (3) John, leave the room!
- (4) Would that John left the room.
- (5) If John will leave the room, I will leave also.

When uttering each of these sentences in certain circumstances, we usually perform different illocutionary acts. The first represents a question, the second – an assertion about future, the third – request or order, the fourth an expression of wish, and the last one – hypothetical expression of intention. Though when performing each of these acts the speaker usually performs also complementary acts, which are general to all five illocutionary acts. When uttering each sentence the speaker refers to a particular speaker John and predicates his action of leaving the room. In each of these cases illocutionary acts are different, but non-illocutionary acts of reference and predication are matching.

The reference to some person John and the predication of one and the same action, which are performed in each of the sentences, show that both illocutionary and non-illocutionary acts are connected by general content. The part of the sentence “John will leave the room,” represents the element that is the common feature for all the sentences. To highlight this common feature, we can change the sentences: ‘I assert that John will leave the room’, ‘I ask whether John will leave the room’, etc.

According to Searle this general content is called *proposition*. He differentiates *illocutionary act* and *propositional content* of illocutionary act. This distinction was mentioned before Searle by such authors as Frege, Sheffer, Lewis, Reichenbach and Hare.

Searle claims “*An assertion is an illocutionary act, but a proposition is not an act at all, although the act of expressing a proposition is part of performing certain illocutionary acts.*” [4:48-64]. From the semantic perspective *propositio-*

nal indicator and *the indicator of illocutionary force* are distinguished in the sentence. Searle divided sentence into two parts: *the proposition indicating element* and *the function indicating device*. The **function indicating device** helps to distinguish the proposition, in other words it shows what type of illocutionary act is performed by the speaker when uttering the sentence. Function indicating devices in English are: the mood of the verb, punctuation, stress, intonation contour word order, and performative verbs (e.g. “I forbid,” “I promise,” “I recommend” etc.).

Since the same proposition can be general to all the types of illocutionary acts, we can distinguish proposition analysis from analysis of different illocutionary acts. Searle points out that there are rules for expressing proposition, predication and reference, but they are different from rules of function indicating.

Meaning

Speech acts are usually produced when pronouncing sounds or when writing marks. But there is crucial difference between merely uttering sounds or writing marks and performing a speech act. One of the differences is that sounds and marks, which make possible the performance of a speech act, *have meaning*. The second difference, closely connected with the first one, is that *one* is characteristically said *to mean something* by those sounds or marks. For explaining this statement Searle gives an example from **Paul Grice’s** article, called “Meaning”. Grice suggested the following analysis for comprehending the meaning. To say that **A** meant something by **x** is to say that “*A intended the utterance of x to produce some effect in an audience by means of the recognition of this intention.*” [5: 377].

Despite of all the advantages that this analysis of meaning has Searle considers it as insufficiently accurate. The first defect of this analysis is that it does not distinguish between various types of effects, with which the speaker intended to affect the listener, i.e. it does not make a difference between *perlocutionary* and *illocutionary* speech acts. The second defect is that it does not take into account the role of the rules of the meaning. That is to say this analysis of meaning do not show the connection between what the speaker wants to say and what his statement meant from the language’s perspective. For example, when a person uses an idiom “Best thing since sliced bread.” From the first sight this statement does not carry any meaning. But it has a hidden meaning of a good invention or innovation.

Searle claims: “*Meaning is more than a matter of intention, it is also a matter of convention.*” [6].

By performing an illocutionary act the speaker intends to gain a certain result by forcing the listener to identify his/her intention.

Speech acts are also strongly influenced by culture. The manner and the way of performing speech acts may differ depending on the country and culture. For instance, in the Indian culture the statement “*How fat you are!*” has a positive meaning, because being a stout person stands for well-being and wealth. On the contrary, in European countries this statement will be an offensive one. It will be considered as a criticism. In order to compliment a European female on her appearance one should say “*How slim you are!*” Another example of the impact of culture can be a statement used in Thai culture, which is the following: “The baby is very ugly.” This is not taken as an offense or criticism as in the past a great many of newborn babies died and people were sure that ghosts were taking the lives of beautiful babies. Therefore being an ugly baby stands for being safe and sound. Every language has their unique speech acts and understanding their nature is significant for achieving competence in communication.

There are not less than twelve significant linguistic parameters, according to which illocutionary acts are classified. The most substantial of these parameters are: *illocutionary point*, *direction of fit* and *explicit psychological condition*. These three notions make up the basis for the *taxonomy* of the main classes of illocutionary acts. Performative verbs, which make up a paradigm in each of the enumerated types, possess different syntactical properties.

When examining the function of the language in society, one of the main questions remains the following: “How many ways are there to use the language?” But Searle raises another question, taking into account that the basic unit of the language is an illocutionary act: “How many types of illocutionary acts exist?”

Some verbs indicate the method or form of the performance of an illocutionary act, for example, the verb “declare.” One can declare orders, commands, promises and information, but the illocutionary act of declaring does not match with the acts of ordering, promising, and informing. We can infer that declaring is not an illocutionary act, but it is the name of the method, by which certain illocu-

tionary act is performed. Declaring never can act as only declaring, it has to be simultaneously an assertion, order, command and so on.

Other examples, in which illocutionary act is blended with methods of its performance, are the following verbs: sympathize, regard as, mean to, intend, and shall. The verb “intend” is obviously non-performative. If one says “I intend” this does not mean to intend to do something. It cannot be considered as an illocutionary act. Only the act of expressing intention can be regarded as an illocutionary one. Intention never serves as a speech act, conversely the expression of intention is usually considered as a speech act, but not always.

ЛИТЕРАТУРА

1. *John L. Austin* “How to Do Things with Words”, Oxford University Press, 1969.
2. *Austin, J.L.* Locutionary and illocutionary acts. *Philosophical Review* LXXVII. 1969.
3. *Searle, R.* 1998. The Structure of Illocutionary Act. In *Pragmatics Critical Concept*. 1998.
4. *Searle, R.* 1998. The Structure of Illocutionary Act. In *Pragmatics Critical Concept*. Asa Kasher, ed. – London: Routledge. – PP. 48-64. *Searle, R.* 2001.
5. *Grice, P.* The *Philosophical Review*. – Vol. 66, № 3. Jul., 1957.
6. *Hutchby, I.* *Pragmatics, Discourse Analysis and Sociolinguistics, Methods in language and social interaction*. – Volume 1, 2008.

ԽՈՍՔԻ ՏԵՍՈՒԹՅԱՆ ԷՈՒԹՅՈՒՆԸ

Ք.Ն. Սուրադյան

christinamuradyan24@gmail.com

*Հայ-Ռուսական համալսարանի
լեզվաբանության 2-րդ կուրսի մագիստրոս
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Վերջին տարիներին խոսքի արտահայտման կանոնների հասկացությունը բազմիցս քննարկվել է լեզվի փիլիսոփայության մեջ: Որոշ փիլիսոփաներ նույնիսկ պնդում էին, որ բառի նշանակության իմացությունը՝ պարզապես կանոնների եւ խոսքի օգտագործման իմացությունն է: Բայց խնդիրն այն է, որ այդ փիլիսոփաներից ոչ մեկը միասնական և ճշգրիտ ձևակերպում չի առաջարկել նույնիսկ մեկ արտահայտության համար, որպեսզի ցույց տա դրանց իմաստը: Մյուս փիլիսոփաները առաջ են քաշել հակառակ ենթադրությունը և պնդում են, որ նման իմաստային կանոններ ընդհանրապես գոյություն չունեն:

Բանալի բառեր՝ լեզվի փիլիսոփայություն, արտահայտության տեսություն, խոսքի ակտի ձևակերպում, հակառակ ենթադրություն:

THE NATURE OF THE SPEECH ACT THEORY

Ch. Muradyan

christinamuradyan24@gmail.com

Magister at the Department of Theory of Language and Intercultural Communication of the Institute of Humanities Russian-Armenian University Yerevan, Republic of Armenia

ABSTRACT

In recent years the notion of rules of expressing statements has been discussed in philosophy of language more than once. Some of the philosophers even claimed that the knowing of the meaning of the word is merely the knowing of the rules and usage of the word. But the problem is that none of this philosophers suggested one and precise formulation for even one

expression, in order to exemplify the meaning of them. Other philosophers introduced an opposite suggestion, and claimed that such kinds of semantic rules do not exist at all.

Keywords: philosophy of language, theory of utterance, formulation of speech act, opposite assumption.

Информация о статье:

статья поступила в редакцию 24 декабря 2019 г.,

подписана к печати в номер 5 (9) / 2020 – 30.01.2020 г.

ГОСТЕВАЯ СТРАНИЦА

ХАЧКАР В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Ара Гравардович Акопян

hakobyanara20@aspu.am

*Доктор искусствоведения, профессор
Армянский государственный педагогический
университет имени Хачатура Абовяна
Ереван, Республика Армения*

Армен Самвелович Аветисян

avet1syar.armen@inbox.ru

*Студент IV курса кафедры истории,
теории искусства и культурологии
Армянский государственный педагогический
университет имени Хачатура Абовяна
Ереван, Республика Армения*

АННОТАЦИЯ

Целью настоящей статьи является обращение к особенностям декоративно-прикладного искусства армянского народа, в частности, хачкара, вошедшего в списки ЮНЕСКО с формулировкой: «Символика и мастерство хачкаров, армянские каменные кресты».

Ключевые слова: декоративно-прикладное искусство, хачкар, архитектура, памятник.

Армянское искусство – литература, скульптура, живопись, музыка и др. – привлекает внимание исследователей не одно столетие. Не случайно в последнее десятилетие XXI века в международную организацию по вопро-

сам образования, науки и культуры ЮНЕСКО все чаще включаются различные произведения из объектов нематериального культурного наследия: музыкальный инструмент армян дудук (2008), уникальный и неповторимый армянский камень-крест хачкар (2010), армянский героический эпос «Давид Сасунский» (2012), национальный армянский хлеб лаваш, имеющий тысячелетнюю историю (2014), национальный танец кочари (2017). Этот список, уверены, будет пополняться. В связи с этим вспоминается строчка из духовной оды М.В. Ломоносова «Вечернее размышление о Божием величестве»: «...Звездам числа нет, бездне дна...».

В тысячелетней летописи существования культурного наследия армянского народа-созидателя еще много артефактов и явлений, которые и сейчас привлекают внимание ученых и представляет огромную культурологическую, искусствоведческую ценность для истории человечества. Целью настоящей статьи является обращение к особенностям декоративно-прикладного искусства армянского народа, в частности, хачкара, вошедшего в списки ЮНЕСКО с формулировкой: «Символика и мастерство хачкаров, армянские каменные кресты».

Хачкар (խաչքար) – крест-камень – имеет длинную историю. Термин объясняется, как объединение двух корней – хач (խաչ крест) и кар (քար камень). Этот вид архитектурной святыни представляет собой каменную скульптуру – стелу с крестом в различных декоративных символах. История возникновения этого памятника человечества связана с проникновением христианства в Армению и его принятия как государственной религии в 301 году.

Армения, первой в мире принявшей философию христианства как идеи государства, стала также первой страной, чья культура и искусство подчинялась проповедуемой церковью христианской идее, приспособившая существовавшие долгое время многие языческие традиции. Многочисленный сонм армянского мифологического пантеона богов заменяется на один символ веры – сияющий, создающий, цветущий и в то же время карающий крест. При этом крест как символ должен был олицетворять Землю Армянскую и маркировал границы Армянского Царства. Благодаря кресту-символу

был озвучен (и обозначен геополитически) новый этап в истории нации и армянского мира.

Хачкары установлены на территориях всего Армянского мира. Только в Армении их более 50 тысяч. И нанесенные мастерами декоративные узоры на них не повторяют друг друга. Язык хачкаров настолько разнообразен, что созданные каталоги и исследования по ним создают условия длительного их изучения. При этом хачкары имеют свойственные всем крест-камням общие детали композиции, а именно: изображение в центре каменной стелы креста, орнаменты, символизирующие жизнь и вечность мироздания, солнце и луну, листья винограда/граната и т.п. И еще одна общая черта – все хачкары высечены на традиционном для Армянского нагорья материале. Это базальт и легкий для обработки туф. Культура обработки хачкаров сохранилась по сей день, и армянские мастера и сегодня удивляют новыми идеями в сюжете и композиции создаваемых ими памятников.

Известный ученый-востоковед И.А. Орбели посвятил хачкарам известный в научных кругах труд – «Бытовые рельефы на хаченских крестных камнях XII–XIII вв.» [1]. В хачкарах утверждалась прежде всего христианская идеология и философия.

Рассеянные по миру, в силу исторических судеб, армяне во всех местах своего нового отечества устанавливали каменные стелы хачкары, символизирующие не только национальную религию и приверженность к христианской вере, но и благодарность той земле, которая дала приют и создала возможность сохранения и развития национальной культуры. Эта традиция, подобно благодарственной молитве, восходит к давним, точнее, древним временам и к тому историческому прошлому, когда Армянский мир оказался завоеванным мусульманами, разными варварскими племенами, и стал растерзанным и гонимым, в первую очередь, врагами христианской культуры.

Это обстоятельство объясняет и уничтожение, справедливо названное «культурным геноцидом», одного из известных памятников Армянского мира – разрушение в конце XX века кладбища в Джульфе, которое оказалось под властью врагов всего армянства, где хачкары по праву могли быть названы армянским музеем под открытым небом декоративно-архитектурных памятников человечества [См.: 4: 4–5].

Особое значение имеют работы, не только представляющие информацию о хачкарах, но и характеризующие их возраст, места расположения и историю их существования, по которым можно представить многовековую историю Армении.

Одной из таких книг является труд с иллюстрациями архитектурно-декоративного искусства, в частности, хачкаров археолога А.Л. Якобсона «Армянские хачкары» [2]. Якобсон рассматривает генезис хачкаров и их развитие с IX по XVII вв.

Впервые А.Л. Якобсон приезжает в Армению с экспедицией, возглавляемой И.А. Орбели в 1929 году. Археологические раскопки, проводимые в окрестностях высокогорной крепости VII века Амберд. Это событие повлияло на дальнейшую судьбу ученого, которому на момент посещения Армении было 23 года. Молодого исследователя заинтересовали все архитектурные комплексы – памятники, крепости, церкви, различные застройки. Результаты своих наблюдений 1930–1940-х гг. он излагает в ряде статей под общим заглавием «Из истории армянской средневековой архитектуры». Средневековые армянские монастырские комплексы, вобравшие в своей композиции историю архитектурных открытий армянских зодчих, на примере Татевского, Гандзасарского, Хоракертского, Тегеранского и др. монастырей, а также храмов Бюракана, Воскепара и др., были названы Якобсоном «энциклопедией армянской архитектуры». Впоследствии ученый объединяет разрозненные труды в одну книгу «Очерк истории зодчества Армении V–XVII веков» [3], которая и сегодня является одним из основополагающих трудов в научном мире.

А.Л. Якобсон открывает не только средневековую армянскую архитектуру, но и декоративное искусство хачкаров, являющихся одним из центральных украшений армяно-григорианских религиозных комплексов. Интерес Якобсона не ограничивается исследованиями храмовых комплексов на территории Армении. Его интересуют также армянские памятники в Крыму, где, в силу исторических причин со времен правления Екатерины Великой и даже ранее, существуют армянские колонии и армянская диаспора. На полуострове и близлежащих территориях армяне строили благоустроенные дома,

создавали храмы и памятники старины, которые по праву считаются культурным наследием армянского и русского народов.

Якобсоновский «крымский мир» и след армянской культуры в Крыму стал основой для исследований зодчества армянской диаспоры. Следует отметить, что, помимо крымских строений разного рода, Якобсон подробно исследовал хачкары как мемориальное искусство, так как с точки зрения истории и археологии эта область художественных и декоративно-архитектурных артефактов является не только армянским национальным достоянием культуры и получила международное признание и оценку. Как и средневековая армянская литература, музыка, живопись или миниатюры, так и хачкары как искусство резьбы по камню, к сожалению, и сегодня наименее изученная область науки.

Известно, что геометрическая форма креста еще в античном мире имела сакральное значение. Например, крестом украшался посох древнегреческого и древнеримского бога света и солнца (в период Поздней Античности) Аполлона – покровителя искусств, предводителя муз и врачевания. Кстати, Аполлон также считался покровителем переселенцев.

Крест был распространен в язычестве, в Ирландии, в Древнем Египте, Вавилоне, Ассирии, Европе. Различные формы креста находят в археологических раскопках Северной и Южной Америки. При этом ученые сходятся во мнении, что крест являлся многозначным символом – жизненной силы и энергии, смирения и т.п. Но многие значения символа ученые пытаются понять до сих пор.

В христианской религии крест является символом распятия Христа. Но все-таки особо отметим армянский крест, которым мастера с давних пор украшают центральную часть каменной стелы. И почти все хачкары украшает присущий армяно-григорианской вере крест с декоративными элементами распускающихся бутонов, и достаточно часто трилистников в лучах.

Следует отметить также, что хачкары являются не только отдельными памятниками. Рельефы стен армянских храмов, особенно средневекового периода постройки, подобно наскальным изображениям, украшены хачкарами – барельефы и горельефы, фронтоны, карнизы, фризy, своды церквей и храмовых комплексов. Примером может служить архитектурный памятник XII–

XIII вв., один из храмов Армянской Апостольской церкви, исторический монастырский комплекс Гегард, или Пещерный монастырь, внесенный в список объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Хачкар как памятник так называемой малой архитектуры, где каждая стела имеет свой неповторяющийся рисунок, по своему историческому и художественному значению является не только частью армянского монументального искусства. Хачкар – сугубо армянское, уникальное национальное явление, олицетворяющее принадлежность к армяно-григорианской вере и, что значительно, особую доминанту национального характера и духа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Орбели И.А.* Бытовые рельефы на хаченских крестных камнях XII–XIII вв. // Избранные труды. – Ереван, 1963.
2. *Якобсон А.Л.* Армянские хачкары. – Ереван: Айастан, 1986.
3. *Якобсон А.Л.* Очерк истории зодчества Армении V–XVII веков. – М.–Л.: Государственное издательство архитектуры и градостроительства, 1950.
4. *Maghakyan, S.* Sacred Stones Silenced in Azerbaijan (на англ.яз.) // History Today: журнал. – London, 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.historytoday.com/simon-maghakyan/sacred-stones-silenced-azerbaijan (Дата обращения: 24.11.2019г.).

ԽԱՉՔԱՐԸ ՀՈՒՄԱՆԻՏԱՐ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՀԱՄԱՏԵՔՍՈՒՄ

Ա.Հ. Հակոբյան

hakobyanara20@aspu.am

*Արվեստագիտության դոկտոր, պրոֆեսոր
Խ. Արոյանի անվան Հայկական պետական մանկավարժական համալսարան
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն*

Ա.Ս. Ավետիսյան

avet1syan.armen@inbox.ru

*Արվեստի պատմության, տեսության
և մշակութաբանության ամբիոնի IV կուրսի ուսանող
Խ. Աբովյանի անվան Հայկական պետական մանկավարժական համալսարան
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Սույն հոդվածի նպատակն է քննել հայ ժողովրդի դեկորատիվ-կիրառական արվեստի առանձնահատկությունները, մասնավորաբար խաչքարի, որը մտել է ՅՈՒՆԵՍԿՕ-ի ցուցակում հետևյալ ձևակերպումով. «Խաչքարի սիմվոլներն ու վարպետությունը. հայկական խաչքարեր»:

Բանալի բառեր՝ դեկորատիվ-կիրառական արվեստ, խաչքար, ճարտարապետություն, հուշարձան:

KHACHKAR IN THE CONTEXT OF HUMAN SCIENCES

A. Hakobyan

hakobyanara20@aspu.am

*Doctor of Arts (PhD), Associate Professor,
Khachatur Abovyan Armenian State Pedagogical University
Yerevan, Republic of Armenia*

A. Avetisyan

avet1syan.armen@inbox.ru

*Khachatur Abovyan Armenian State Pedagogical University
4th year student of Department of History, Theory of Art and Cultural Studies
Yerevan, Republic of Armenia*

ABSTRACT

The purpose of this article is referring to the peculiarities of the decorative and applied art of the Armenian nation, in particular, the khachkar, which is included in UNESCO lists with the wording: “Symbols and craftsmanship of khachkars, Armenian stone crosses”.

Keywords: decorative and applied art, khachkar, architecture, monument.

Информация о статье:

*статья поступила в редакцию 08 декабря 2019 г.,
подписана к печати в номер 5 (9) / 2020 – 23.01.2020 г.*

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ В РЕГИОНЕ СЮНИК РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

Армине Грачиговна Даллакян

dallaqyanarmine40@aspu.am

*К.п.н., преподаватель кафедры педагогики,
зам. декана по учебной работе факультета начального образования
Армянский государственный педагогический
университет им. Хачатура Абовяна
Ереван, Республика Армения*

АННОТАЦИЯ

В статье Сюник представлен крупным культурным центром начиная с 5-го века до наших дней. Проведен анализ имеющихся проблем образования взрослых на примерах городов региона: Мегри, Капан, Горис, Сисиан.

Ключевые слова: взрослый, формальное образование, неформальное образование, информальное образование, до-суг, опрос.

Սյունյաց աշխարհը հայտնի է եղել իրրև միջնադարյան Հայաստանի մշակութային խոշոր կենտրոն: 5-րդ դարում՝ հայոց գրերի ստեղծումից հետո, Մեսրոպ Մաշտոցը, ծավալելով քարոզչական և լուսավորական գործունեություն, Վաղինակ և Վասակ Սյունի իշխանների աջակցությամբ Սյունիքի Գողթն գավառում բացում է դպրոցներ: Հետագայում՝ 5-8-րդ դարերում, կրթամշակութային գործը Սյունիքում նշանավորվել է շնորհիվ մի շարք գործիչների՝ եպիսկոպոս Անանիա Թարգմանիչ, քերթողներ Պետրոս Սյունեցի, Մաթուսաղա, Մովսես և ուրիշներ, ովքեր կանգնած են եղել Սյունյաց վարդապետարանի կրթական գործի գլխա-

վերևում՝ զբաղվելով դասավանդմամբ, թարգմանություններով և մեկնություններով: Անգամ արաբական տիրապետության տակ (8-րդ դար) Սյունիքի իշխանությունը կարողացել է պահպանել իր գոյությունը, ուժեղացնել և զարգացնել մշակութային ժառանգությունը. առանձնակի կարևոր է եղել եկեղեցու իրականացրած ազգապահպան գործունեությունը:

9-րդ դարից Սյունիքն ապրել է մշակութային վերելք. հիմնադրվել է Տաթևի վարդապետարանը, որը հետագայում դարձել է համահայկական մշակութային կենտրոն: Այստեղ հավասարաչափ զարգանում էին ինչպես ճշգրիտ գիտությունները, այնպես էլ բանահյուսությունը, հոգևոր և աշխարհիկ երգ-բանաստեղծությունը, վիպերգությունը և այլն: Տաթևում դասավանդել են աստվածաբանություն, փիլիսոփայություն, քերականություն, ճարտասանություն, տրամաբանություն, աստղաբաշխություն, տոմարագիտություն, երկրաչափություն, թվաբանություն և երաժշտություն [1: 476]:

Նոչակավոր է եղել 1280-ական թթ. հիմնադրված Գլաձորի համալսարանը (անվանել են «Երկրորդ Աթենք»), որն ունեցել է երեք մասնաճյուղ՝ երաժշտության, գրչության արվեստի և հասարակական-բնական գիտությունների: Ուշագրավ է, որ Սյունյաց պատմիչ Ստեփանոս Օրբելյանը Գլաձորի բարձրագույն դպրոցը անվանում էր «հիսուսական համալսարան»: Նկատենք՝ Գլաձորը նեղ վանական կամ եկեղեցական դպրոց չէր. այն հետևում էր երկրի հասարակական, քաղաքական և կրոնական անցուդարձերին, ակտիվ և վճռական մասնակցություն ունենում տեղի ունեցող հասարակական, քաղաքական, մշակութային իրադարձություններին: Գլաձորի համալսարանի բնույթն ու գաղափարախոսական ուղղվածությունը ինչպես հայ իրականության մեջ, այնպես էլ Եվրոպայում քրիստոնեական աստվածաբանությունն էր:

21-րդ դարում ևս Սյունիքը աչքի է ընկնում կրթամշակութային բարձր արժեքներով, որոնք փոխանցվել են նախորդ սերունդների կողմից: Լինելով ամենատիպական և օրինակելի կենտրոններից մեկը՝ այսօր

մտավոր ներուժը ժամանակակից կրթական և մշակութային օջախներում շարունակում է զարգացման ու կայացման գործընթացը՝ դիմակայելով դարի նոր մարտահրավերներին: Մեր ուսումնասիրության կենտրոնում մեծահասակների կրթության ժամանակակից հիմնահարցերն են Սյունիքի տարածաշրջանում:

2017–2018 ուստարում «Մանկավարժություն և սոցիոլոգիա» ԲԿԾ-ի 4-րդ կուրսում մեր կողմից դասավանդվել է «Անդրագոգիկա» դասընթացը: Դասընթացի շրջանակներում ուսանողները բաժանվել են խմբերի (ըստ բնակության վայրերի) և ստացել համապատասխան առաջադրանքներ. ուսումնասիրել և իրականացնել սոցիոլոգիական հարցումներ՝ պարզելու իրենց մարզերում մեծահասակների կրթության ժամանակակից հիմնահարցերը՝ ոչ ֆորմալ կրթության և ինֆորմալ կրթության հարթակներում: Իսկ հետազոտության արդյունքները ուսանողների հետ համատեղ վերլուծել և ամփոփել ենք դասընթացի վերջում: Իհարկե, մեկ հոդվածի սահմանում անհնար է ամբողջությամբ ներկայացնել ՀՀ տարբեր մարզերի համեմատական պատկերն այս հիմնախնդրի առնչությամբ, սակայն Սյունիքի տարածաշրջանի վերաբերյալ ստացած էմպիրիկ նյութի վերլուծությունը և արդյունքները կմեկնաբանենք հանգամանակից:

Գաղտնիք չէ, որ այսօր մեր հասարակությունը **դպրոց + բուն** մոդելից անցում է կատարել **«կրթություն ողջ կյանքի ընթացքում» կամ «ցկյանս»** մոդելին: Մեր երկրում ոչ ֆորմալ կրթության կարևորությունը պետականորեն ճանաչելու երաշխիք է 2009 թ. ՀՀ կառավարության կողմից պաշտոնապես ընդունված «Ցկյանս ուսումնառության հայեցակարգը», որում ներառված են ոլորտի հիմնական գործառույթները, խնդիրները, ինչպես նաև դրանց լուծման հնարավոր ուղիները [3: 98]: Նախ փորձենք մեկնաբանել, թե ինչ ենք հասկանում ոչ ֆորմալ և ինֆորմալ կրթություն ասելով:

Ոչ ֆորմալ կրթությունը կրթության լրացուցիչ ուսուցման ծրագիր կամ ծրագրերի ամբողջություն է, որն իրականացվում է համապատասխան ուսումնական հաստատության (հաստատությունների) կամ այդ գործառույթն իրականացնելու իրավասությունն ունեցող կազմակերպության և (կամ) ծառայության միջոցով, սակայն չի հանգեցնում որակավորման աստիճանի շնորհման և ուսումնառության արդյունքների պաշտոնական ճանաչման՝ բացառությամբ Հայաստանի Հանրապետության օրենքներով սահմանված դեպքերի:

Ինֆորմալ կրթությունը անձի ընտանեկան առօրյա կյանքի, հանգրստի, ժամանցի, աշխատանքային գործունեության ընթացքում ձեռք բերված ուսումնառության արդյունքն է, որը, որպես կանոն, կանխամտածված չէ անձի կողմից որպես նպատակային ուսումնառություն, կազմակերպված և համակարգված չէ ժամանակի կամ ռեսուրսների առումով, չի հանգեցնում արդյունքների պաշտոնական ճանաչման՝ բացառությամբ Հայաստանի Հանրապետության օրենսդրությամբ սահմանված դեպքերի [6]:

Ֆորմալ կրթությունը իրականանում է կրթական համակարգի միջոցով, մեծահասակի պարագայում ժամանակակից ՏՀՏ-ի և կրթական տեխնոլոգիաների շնորհիվ մեծահասակը գիտակցում, յուրացնում և կարողանում է արդյունավետ լուծել սեփական խնդիրները՝ հարմարվելով ժամանակակից կյանքի պայմաններին [4: 29]:

Պետք է փաստել, որ 2011թ. «Մեծահասակների կրթություն և ուսումնառություն ողջ կյանքի ընթացքում» հասարակական կազմակերպության ծրագրերից մեկի շրջանակներում Հայաստանում առաջին անգամ իրականացվեց մեծահասակների կրթության բնագավառում վերլուծական հետազոտություն: Պարզվեց, թե ՀՀ բոլոր մարզերում բնակչության քանի տոկոսն է մասնակցել այդ ուսումնառությանը, ուսումնասիրվեց ոչ ֆորմալ կրթության ֆինանսավորման հարցը, բացահայտվեցին այն հիմ-

նական դրդապատճառները, որոնցով պայմանավորված՝ ունկնդիրները մասնակցել են դասընթացներին:

21-րդ դարում հասարակության սոցիալական զարգացումը, հասունացումը, հարմարումը և արդյունավետ ինտեգրումը սոցիումի մեջ հնարավոր են միայն անընդհատ ուսումնառության պարագայում, որը ոչ միայն երաշխիք է բարեկեցիկ ապագայի, այլև իբրև ներքին գործընթաց ողջ կյանքում ուղեկցելու է սուբյեկտին՝ կայանալու կրթության հենքի վրա: Մարդն իր կենսագործունեության ընթացքում կատարում է երկու հիմնական գործառույթ՝ մասնագիտական-անձնային զարգացում և հարմարում անընդհատ փոփոխվող իրավիճակներում [5: 38]:

Այսպիսով՝ ինչպես նշել ենք վերևում, մեր հողվածի դիտակետում են Սյունիքի տարածաշրջանում մեծահասակների կրթությանն առնչվող գործընթացը, առկա խնդիրները, իրավիճակը, լուծման ուղիները և հաջորդական քայլերը, որոնք նպաստելու են այդ գործընթացի արդյունավետության բարձրացմանը: Հետազոտությունն ընդգրկել է Կապան, Գորիս, Մեղրի և Սիսիան քաղաքները: Ընդհանուր առմամբ մասնակցել են շուրջ 120 քաղաքացի, սոցիոլոգիական հարցումները՝ համապատասխան փուլերով և գործիքակազմով, իրականացրել են հինգ ուսանող: Առանձնացվել և սահմանվել են հիմնահարցը՝ «Մեծահասակների կրթության կազմակերպման առանձնահատկությունները և առկա խնդիրները Կապան (Գորիս, Մեղրի, Սիսիան) քաղաքի օրինակով», ապա՝ օբյեկտը, առարկան, նպատակը, խնդիրները, վարկածները, մեթոդի հիմնավորումը, հիմնական հասկացությունները, թիրախային խմբերը, տվյալների վերլուծությունը:

Նշենք, որ ուսանողներն ուսումնասիրել էին Մեղրու համայնքը, որտեղ արդեն մի քանի տարի գործում է «Մեղրու կանանց ռեսուրս կենտրոն» ՀԿ-ն, որը ակտիվ գործող միակ հասարակական կազմակերպությունն է: Այն իր գործունեության 9 տարիների ընթացքում ՄԿՌԿ ՀԿ-ն իրականացրել է 17 բազմաբովանդակ ծրագրեր, որոնք ուղղված են եղել

կանանց և երիտասարդների կարողությունների զարգացմանը, նրանց ներգրավմանը համայնքային հիմնախնդիրների լուծման գործընթացներին, տարածաշրջանում մեղիա ոլորտի և տուրիզմի զարգացմանը, շրջակա միջավայրի պաշտպանության և առողջ ապրելակերպի խնդիրներին: Ըստ ոլորտների ՄԿՌԿ ՀԿ-ն գրանցել է մի շարք հաջողություններ, որոնցից են.

- **ՀԿ- ՏԻՄ համագործակցություն.**
- **Հմտությունների և կարողությունների զարգացման դասընթացներ:**

Համակարգչային հմտություններ, անգլերեն սկսնակների համար, անգլերենի ակումբ, դիտորդների վերապատրաստում, սեմինարներ նախադպրոցական և հանրակրթական ուսումնական հաստատություններում երեխաների սննդի կազմակերպման սանիտարական նորմերի մասին, ձեռնարկատիրության զարգացման դասընթացներ, խորհրդատվություններ բիզնեսում ներգրավված և բիզնես սկսել ցանկացող կանանց համար, սեմինարներ սպասարկման ոլորտի ներկայացուցիչների համար, ասեղնագործության, ժապավենագործության, կարուձևի, սեղանի ձևավորման, կարպետագործության դասընթացներ: Ձեռք բերած հմտությունները կանանց համար դարձել են եկամտի աղբյուր: ՀԿ-ի աջակցությամբ վաճառվել է 675 000 դրամ ընդհանուր արժողությամբ 95 կարպետ, ստեղծվել են նոր նմուշներ:

Ընդհանուր առմամբ ստացած հմտությունների արդյունքում՝

33 կին ընդունվել է աշխատանքի, 73-ը պահպանել են իրենց աշխատատեղերը, 4 կին նոր բիզնես է սկսել:

- **Մեղիա ոլորտ՝ meghrinews.com** էլեկտրոնային լրատվամիջոցի ստեղծում և զարգացում:
- **Շրջակա միջավայրի պահպանության ոլորտ:**
- **Տուրիզմի զարգացման ոլորտ:**

Ծրագրային գործունեությանը զուգընթաց ՄԿՌԿ ՀԿ-ն իրականացրել է համայնքային երիտասարդական, մանկական, ուսուցողական բազմաթիվ միջոցառումներ, կամավորական նախաձեռնություններ, հանդիպումներ ու քննարկումներ [2]:

Այսպիսով, ինչպես տեսնում ենք, բավական ակտիվ է գործում ռեսուրս կենտրոնը, որը միտված է բացահայտելու կանանց և երիտասարդների ներքին դրդապատճառները և հնարավորինս ուղղորդելու դեպի աշխատաշուկա և «**հաջողակ կին**» կամ «**ձեռներեց կին**» մոդելը:

Իհարկե, նմանօրինակ ռեսուրս կենտրոններ կան նաև Սյունիքի մարզի մյուս քաղաքներում ևս, սակայն ուսանողներն այնտեղ անկետավորում են իրականացրել տեղեկատվության օբյեկտիվության տեսանկյունից՝ որպես թիրախային խումբ ընտրելով պետական ու ոչ պետական կառույցում աշխատող 30 և գյուղատնտեսությամբ զբաղվող 15 մարդու: Այսպիսով՝ հարցման մասնակիցները 45-ն են (հարցաթերթիկի նմուշօրինակը կիրառվել է հարցման ընթացքում) (Տե՛ս *Աղյուսակ 1*): Թիրախային խմբի մեջ չեն ներգրավվել ուսանողները, քանի որ նրանք, անընդհատ կրթություն ստանալով, որոշակիորեն իրացնում են իրենց կրթական պահանջումների նաև ոչ ֆորմալ կողմը:

Մարդու կյանքի պատմությունը ցույց է տալիս, որ առանց կրթության մարդը դուրս է մնում կյանքի արագընթաց ընդհանուր հոսքից, ուստի մշտապես կարևորվում է մարդու ստացած կրթությունը, հատկապես անընդհատ և շարունակական կրթությունը: Ինչ վերաբերում է մեծահասակների կրթությանը, այն իր տեղը ամրապնդել է քաղաքակիրթ և զարգացած հասարակություններում, և դրա իրականացման արդյունավետությանն են ուղղվում մեծ միջոցներ ու ջանքեր: Ինչպես գիտենք, **կրթությունը ողջ կյանքի ընթացքում** կոնցեպցիան անչափ կարևոր է ցանկացած բանական էակի կյանքում: Հայաստանում նույնպես առկա է պահանջարկ մեծահասակների կրթության ապահովման համար: Այդ մասին են վկայում այն հարցումները, որոնք կատարեցին ուսանողները:

Նախ նշենք ուսանողների կողմից հետազոտության նպատակի համար առաջադրված **խնդիրները**.

- պարզել, թե ինչպիսի ֆորմալ կրթական հարթակներով է ապահովվում մեծահասակների կրթությունը քաղաքում,
- պարզել, թե քաղաքում ինչպիսի ոչ ֆորմալ հարթակներ կան մեծահասակների կրթության ապահովման համար,
- որոշել, թե արդյոք մեծահասակները ունեն դրդապատճառ՝ ապահովելու իրենց շարունակական կրթությունը,
- բացահայտել շարունակական կրթության հեռանկարների հանդեպ նրանց վերաբերմունքը,
- պարզել, թե ստացված կրթությունը ինչքանով է արդյունավետ մասնագիտական գործունեության մեջ,
- ուսումնասիրել, թե մեծահասակները գոհ են, և արդյոք նրանց բավարարում են այն որակները, որ ձևավորվում են կրթության ընթացքում,
- պարզել մեծահասակների զբաղվածության ձևերը և մասշտաբները,
- բացահայտել սոցիալ-դեմոգրաֆիական գործոնների ազդեցությունը աշխատաշուկայում մեծահասակների դրսևորած ակտիվության վրա, առաջին հերթին հաշվի առնելով վերջիններիս կրթության և աշխատանքի համապատասխանությունը:

Աղյուսակ 1

Հետազոտության անկետա

Բարև Ձեզ, ես _____ եմ, սոցիոլոգ ՀՊՄՀ-ից: Այս հետազոտությունը վերաբերում է մեծահասակների կրթությանը, ուստի Ձեր անկեղծ պատասխանները անչափ կօգնեն օբյեկտիվ տեղեկություն ստանալու հարցում: Հարցումն անանուն է, անվանական տեղեկություններ

չեն հրապարակվելու, սվյալները կներկայացվեն ընդհանրացված ձևով:
Կանխավ շնորհակալություն:

1. Նշվածներից որին է համապատասխանում ձեր զբաղվածությունը՝
 - ա. Աշխատող պետական կառույցում,
 - բ. Աշխատող մասնավոր կառույցում,
 - գ. Ինքնազբաղված գյուղատնտեսությունում,
 - դ. Ինքնազբաղված այլ ոլորտում (*անցում հարց 5-ին*),
 - ե. Կենսաթոշակառու (*անցում հարց 5-ին*),
 - զ. Գործազուրկ (փնտրում է աշխատանք) (*անցում հարց 5-ին*)

2. **(Եթե աշխատում է)** Ձեր աշխատավայրում որքա՞ն հաճախ են կազմակերպվում վերապատրաստումներ:

.....

3. Ձեր աշխատավայրում որքան հաճա՞խ են կազմակերպվում թրեյնինգներ և մասնագիտական ոլորտին վերաբերող սեմինարներ:

.....

4. Ինչպե՞ս կգնահատեք այդ ամենի արդյունավետությունը, իսկ եթե չկան այդպիսիք, ապա՝ դրանց բացակայությունը:

.....

5. Ձեր շրջապատում կա՞ն հաստատություններ, որտեղ կարող եք ձեռք բերել նոր գիտելիքներ:

.....

6. Արդյոք ցանկանո՞ւմ եք ապահովելու ձեր շարունակական կրթությունը:

.....

7. Ի՞նչ էք կարծում, ո՞ր կառույցներն են պատասխանատու մեծահասակների կրթության ապահովման համար:

.....

8. Ինչպե՞ս կգնահատեք մեծահասակների կրթության իրականացման հասանելիությունը Ձեր տարածաշրջանի բնակիչների համար:

.....

9. Դրական ի՞նչ հետևանք է ունենում մեծահասակի կրթության և աշխատանքի համատեղումը:

.....

10. Համարո՞ւմ եք Ձեզ տվյալ հասարակության զարգացումներին համընթաց քայլող մարդ:

.....

11. Բավարարո՞ւմ է արդյոք Ձեր ազատ ժամանակը ինքնակրթությամբ և կրթությամբ զբաղվելու համար:

.....

12. Ձեր զբաղվածության աստիճանը թո՞ւյլ է տալիս կազմակերպել ազատ ժամանցը՝ ըստ ցանկության:

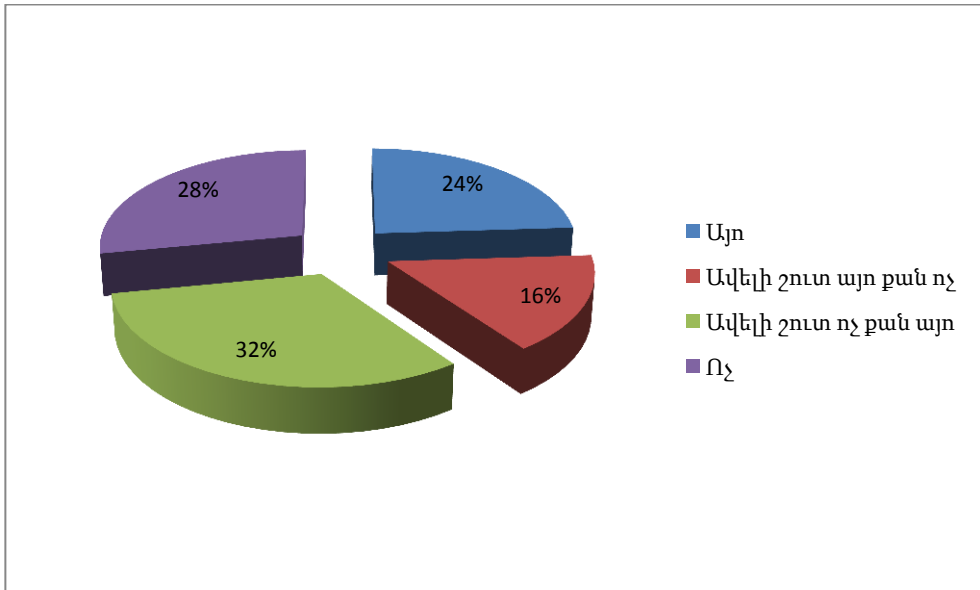
.....

13. Ձեր կարծիքով կարևո՞ր է շարունակական կրթությունը ժամանակակից մարդուն իր կենսագործունեության ճիշտ կազմակերպման համար:

.....

1. Ձեր զբաղվածության աստիճանը թո՞ւյլ է տալիս կազմակերպել Ձեր ազատ ժամանցը՝ ըստ ցանկության:

Գծապատկեր 1

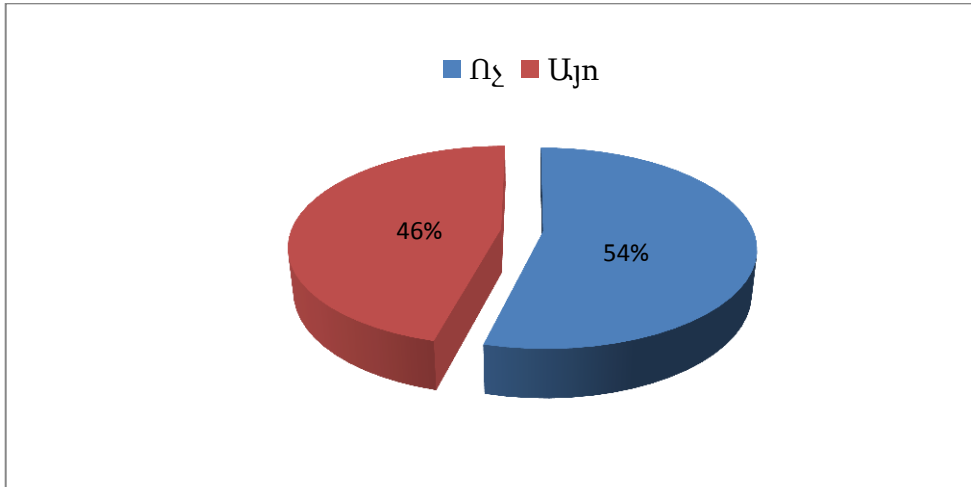
Ինչպես երևում է գծապատկերից, տվյալ հարցին մեծ մասամբ պատասխանել են «ոչ» և «ավելի շուտ ոչ, քան այո», ինչը հիմնականում պայմանավորված էր հարցվողների աշխատանքային գրաֆիկով, խիստ զբաղվածությամբ և ընտանիքի առկայությամբ: «Այո» տարբերակը նշած հարցվողների 24%-ը չունեի աշխատանք և ընտանիք (Տես՝ *Գծապատկեր 1*):

2. Բավարարո՞ւմ է արդյոք Ձեր ազատ ժամանակը ինքնակրթությամբ և կրթությամբ զբաղվելու համար:

Ստացված արդյունքները, որոնք երևում են գծապատկերում, վկայում են, որ հարցվողների կեսից ավելին չունի անհրաժեշտ ազատ ժամանակը, որն էլ խոչընդոտում է ինքնակրթությամբ և կրթությամբ զբաղվելուն: Այն հիմնականում կապվում է աշխատանքային ժամերի և առօրյա խրճիղների հետ: «Ոչ» պատասխանողների մեջ գերակշռում էին մայրե-

րը և ընտանիք ունեցող արական սեռի ներկայացուցիչները (Տես՝ Գծապատկեր 2):

Գծապատկեր 2

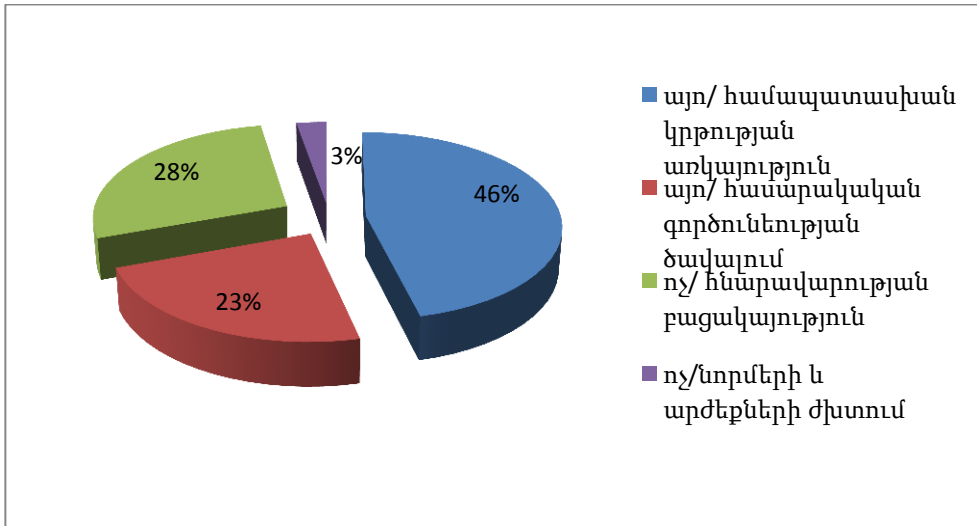

3. Համարո՞ւմ եք Ձեզ տվյալ հասարակությանը համընթաց քայլող մարդ:

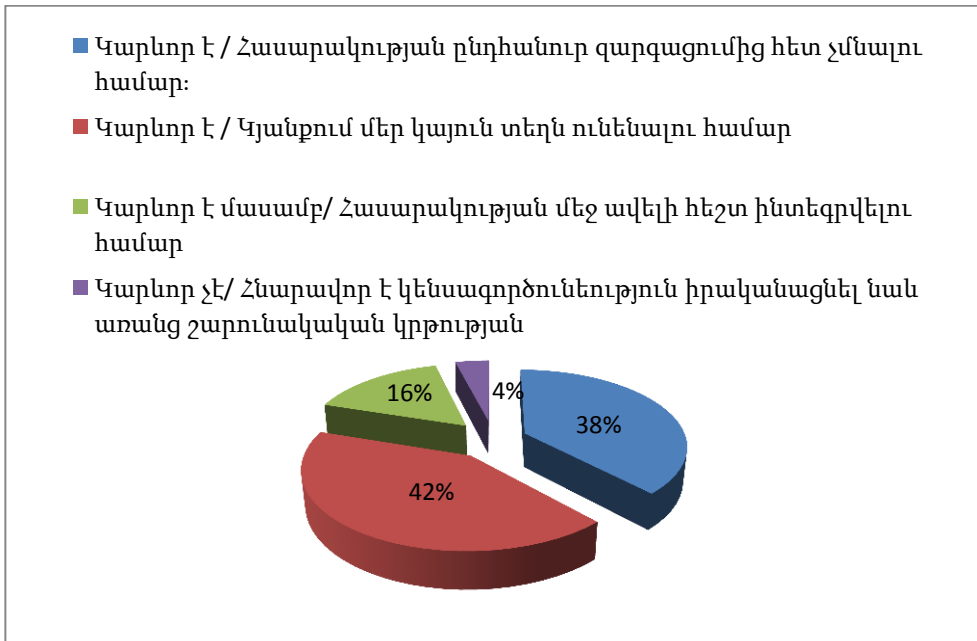
Հարցվողների 46%-ը իրեն համարում է հասարակության հետ համընթաց քայլող մարդ ստացած ֆորմալ կրթության, իսկ 23%-ը՝ հասարակական ակտիվ գործունեություն ծավալելու շնորհիվ: Մյուս 28%-ը որոշակի հնարավորությունների բացակայության պատճառով ժամանակակից հասարակության հետ համընթաց քայլող անդամ իրեն չի համարում, իսկ 8%-ը ժխտում է հասարակության մեջ գոյություն ունեցող նորմերն ու արժեքները (Տես՝ Գծապատկեր 3):

4. Ձեր կարծիքով կարևո՞ր է շարունակական կրթությունը ժամանակակից մարդուն իր կենսագործունեության ճիշտ կազմակերպման համար:

Գծապատկեր 3

Գծապատկեր 4

Հարցվողների 42%-ը կարևորում է շարունակական կրթությունը կյանքում կայուն տեղ ունենալու, 38%-ը՝ հասարակության ընդհանուր զարգացումից հետ չմնալու համար: 16%-ը անընդհատ կրթությունը կարևորում է մասամբ, միայն հասարակության մեջ ավելի հեշտ ինտեգրվելու համար, և միայն 4%-ը չէր կարևորում շարունակական կրթությունը՝ նշելով, որ հնարավոր է կենսագործունեություն ծավալել նաև առանց դրա (Տես՝ *Գծապատկեր 4*):

Այսպիսով ուսանողների կողմից կատարված խմբային աշխատանքի և հետազոտության արդյունքների վերլուծությամբ պարզվեց (հետազոտության առաջադրանքը, հիմնահարցի սահմանումը, աշխատանքի պլանավորումը, ընթացքը և վերլուծությունը կատարվել է համատեղ), որ մեծահասակների համար կրթությամբ և ինքնակրթությամբ զբաղվելու հիմնական պատճառ են հասարակությանը ինտեգրվելը, արագ զարգացող ժամանակակից հասարակության հետ համընթաց քայլելը, իրենց կայուն տեղն ունենալը, ինչպես նաև մասնագիտություն և համապատասխան աշխատանք ունենալը և անընդհատ կատարելագործվելը: Հարցման արդյունքների վերլուծության միջոցով հանգեցինք նաև այն եզրակացության, որ մեծահասակների կողմից նախապատվությունը ավելի շատ տրվում է ոչ ֆորմալ կրթությանը և ինքնակրթությանը՝ չնայած այն հանգամանքին, որ ֆորմալ կրթությունը կրում է հարաբերականորեն ավելի կայուն բնույթ: Պետք է նշենք, որ ներկայումս գոյություն ունեն ժամանակակից մի շարք էլեկտրոնային հարթակներ, որոնց գործունեությունն ուղղված է հիմնականում մեծահասակների կրթության վերաբերյալ տարվող աշխատանքների լուսաբանմանը, համապատասխան հրատարակումների զարգացմանը մեծահասակ սովորողի մոտ և նրանց ինտեգրմանը սոցիումի մեջ: Օրինակ՝ <https://www.skill.am>, <https://www.boon.tv>:

Այսպիսով՝ մեծահասակների կրթության և ինքնակրթության հիմնախնդրի լուծման նպատակով անհրաժեշտ է իրականացնել համալիր աշխատանքներ հասարակական կյանքի տարբեր ոլորտներում, անհրա-

Ժեշտ է ստեղծել համապատասխան պայմաններ նրանց կրթության իրականացման, ինչպես նաև կրթություն-աշխատանք համատեղման համար: Անհրաժեշտ է, որ մարզպետարանները, քաղաքապետարաններն անընդհատ մշտադիտարկում անցկացնեն և վերլուծեն ժամանակակից աշխատաշուկայի պահանջները, ուսումնասիրեն միջազգային փորձը, վեր հանեն մարզի կամ քաղաքի առանձնահատկություններով պայմանավորված մարդկանց կրթական կարիքները և այն տրամադրեն համապատասխան Տարածքային զբաղվածության կենտրոններին՝ ակտիվ համագործակցելով տարբեր ՀԿ-ների հետ: Հետևապես պետք է ստեղծվի համակարգ՝ անհրաժեշտ պայմաններով, ենթակառուցվածքներով, համապատասխան հարթակներ՝ մեծահասակների համար ապահովելու հասանելի կրթություն:

ЛИТЕРАТУРА

1. ՀՀ Սովետական հանրագիտարան: – Երևան, 1984: – Հատ. 10: – Էջ 476:
2. Մեղրու Կանանց Ռեսուրս Կենտրոն ՀԿ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://meghri-wrc.blogspot.am/p/blog-page_7324.html (Дата обращения: 03.12.2019г.).
3. *Մարգարյան Ա.* Մեծահասակների կրթության մեթոդներ և գործողություններ (մենագրություն): – Երևան, 2016: – Էջ 35:
4. *Громкова М.Т.* Андрагогика теория и практика образования взрослых. – М., 2005. – с. 29.
5. *Колесникова И.А.* Основы Андрагогики. – М., 2003. – с. 38.
6. Официальный сайт Министерства образования, науки, культуры и спорта РА [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://escs.am/am> (Дата обращения: 03.12.2019г.).

**ՄԵԾԱՀԱՍԱԿՆԵՐԻ ԿՐԹՈՒԹՅԱՆ ԺԱՄԱՆԱԿԱԿԻՑ
ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ ՍՅՈՒՆԻՔԻ ՄԱՐԶՈՒՄ**

Ա.Զ. ԴալլաԿյանdallaqyanarmine40@aspu.am

Մ.գ.թ., Խաչատուր Աբովյանի անվան հայկական պետական մանկավարժական համալսարանի մանկավարժության ամբիոնի դասախոս, սկզբնական կրթության ֆակուլտետի դեկանի տեղակալ՝ ուսումնական գծով Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն

ԱՍՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում ներկայացված է Սյունիքի մարզը՝ իբրև խոշոր կրթամշակութային կենտրոն՝ 5-րդ դարից սկսած մինչև մեր օրերը: Վերլուծության են ենթարկվել մեծահասակների ոչ ֆորմալ կրթության խնդիրները հետևյալ քաղաքներում՝ Մեղրի, Ղափան, Գորիս և Սիսիան: **Բանալի բառեր**՝ մեծահասակ, ֆորմալ կրթություն, ոչ ֆորմալ կրթություն, ինֆորմալ կրթություն, հարցում, ազատ ժամանց:

MODERN PROBLEMS OF ADULT EDUCATION IN THE PROVINCE OF SYUNIK IN THE REPUBLIC OF ARMENIA

A. Dallakyandallaqyanarmine40@aspu.am

PhD of Pedagogical Sciences, Lecturer at the Department of Pedagogy, Associate dean for academic affairs of primary education faculty Armenian State Pedagogical University after Khachatur Abovyan Yerevan, Republic of Armenia

ABSTRACT

In the article Syunik is presented as a large cultural center dating back to the 5th century to the present day. The analysis was conducted of the existing problems of adult education on the examples of the cities of the province: Meghri, Kapan, Goris, Sisian.

Keywords: adult, formal education, non-formal education, informal education, leisure, survey.

Информация о статье:

*статья поступила в редакцию 19 января 2020 г.,
подписана к печати в номер 5 (9) / 2020 – 20.02.2020 г.*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕДИАТИВНЫХ ПРАКТИК ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ

Амаяк Ваганович Манукян

htayakmanukyan@gmail.com

*Аспирант кафедры прикладной психологии
Армянский государственный педагогический
университет имени Хачатура Абовяна
Ереван, Республика Армения*

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены различные виды альтернативного разрешения конфликтов, используемых в мировой практике, обозначен круг проблем, препятствующих широкому распространению медиативных процедур в Республике Армения. В силу своей гибкости и диспозитивности альтернативные способы урегулирования споров позволяют выработать наиболее адекватное решение проблемы, что способствует формированию культуры мирного и самостоятельного разрешения ситуаций участниками гражданско-правового спора. На основе изучения различных подходов в медиации, используемых в европейских странах и США, даны рекомендации по выработке оптимальной модели согласования примирительной процедуры (медиации) в РА.

Ключевые слова: классическая, интегративная, когнитивная, экосистемная виды медиации; трансформативная модель, нарративный подход, проблема директивности.

Researchers consider mediation as a negotiation process with the participation of a third neutral, impartial, non-interested in this conflict party – a mediator, who helps the parties to work out a certain agreement on the dispute, while the parties fully control the decision-making process for the settlement of the dispute

and the conditions for its resolution. As Zdrok O.N. notes, the main distinguishing feature of mediation is that the negotiations between the parties are led by a mediator, specially trained in a particular technology, assuming a specially structured procedure and targeted use of well-known communicative techniques [2].

Structuring is carried out according to the stages of mediation: introduction, presentation of the parties, discussion, caucus, general session, preparation of agreement project, exit from mediation process. Each stage of the mediation process has its own goals and objectives, and it is natural that only after solving the tasks of each stage, the mediator can move on to the next one.

During the mediation process, the mediator identifies the interests of the parties and stimulates them to develop mutually beneficial conditions for further cooperation, even if the parties are in conflict. In the mediation process, the mediator identifies the interests of the parties and stimulates the parties to develop mutually beneficial conditions for further cooperation, even if the parties are in conflict. It is extremely difficult to start the mediation process at the stage of conflict escalation, since the parties are in a strong negative emotional opposition. The assistance of a negotiating specialist in this case lies precisely in preparing the argument, development of a strategy and tactics for negotiating in order to reach an agreement most beneficial for both parties. Conciliation is used at the initial stage of mediation, when the mediator meets with each of the parties separately, tries to understand the reasons for the disagreement, and listen to suggestions for an alternative way out of the conflict situation. The mediator has great opportunities for the selective transfer of information, changing its wording, taking into account the particularities of the parties. The next stage is a discussion on the development of issues for dialog and negotiations, followed by individual mediator work with each party and the development of possible solutions for conflict resolution.

Based on the results of mediation, the parties can come to an agreement on mutually beneficial conditions, and since both parties are interested in the execution of such a mutually beneficial agreement, the issue of enforcement is not raised.

In recent years, many mediators in the West have expressed serious concern about some common trends in the use of mediation. These concerns are primarily associated with a departure from the basic postulates of mediation.

First of all, this refers to the problem of directivity, and this parameter is the most discussed among specialists who work with conflict [3].

The distortion of the principles of mediation, as noted by E.N. Ivanova, is especially often due to the client-centric, or side-centric focus of mediation [4].

Some mediators see a way out of this situation in the application of “work on two fronts” (Two-Table Approach): 1) at the level of legal reality; 2) in a broad search of options for dispute resolution.

The mediation practice is not as wide in Armenia yet, and we did not have time to acutely feel the presence of those contradictions that are characteristic to the mediation process of a number of foreign countries. Nevertheless, it is important to determine which areas of mediation may be applicable in resolving a civil dispute in our country. But first of all we need to research various mediation approaches used in European countries and the USA.

The analysis of literary sources will allow to identify several main types of mediation [6].

In the group of mediation types the researchers separate classical type, which includes facilitative, generative, or generic mediation [7]. When applying this type of mediation, the main function of the mediator is to protect the process and procedures. His intervention in the content of decisions and directivity are minimal and great importance is attached to the observance of basic principles: neutrality, voluntariness, confidentiality.

Thus, classical mediation assumes that the obligatory achievement of the intended result by the parties is not the goal of the mediator. However, the experience of a number of countries, such as Spain, Germany and Belgium, shows that the initial understanding of mediation neutrality is often distorted when the mediation is introduced into judicial practice. This is manifested in the fact that the mediator must lead the parties to an agreement, and the absence of such an agreement indicates the failure of the mediator and his lack of professionalism. It is logical that the existence of an agreement satisfies, first of all, the interest of the court, which can suspend the case based on this agreement.

Researchers consider the end of the 80s and the beginning of the 90s as the time of the appearance of evaluative and directive mediation [9]. Their main difference from the classical procedure is that the mediator can make a recommenda-

tion on the desired solution to the issue and assess the judicial prospects of the dispute. These types of mediation raise the most serious objections, since the mediator is more concerned with respecting the legal rights of clients than with satisfying their true interests.

In judicial mediation the mediation is especially tempted to become an expert and impose a “right decision” on the parties, that is why evaluative, directive mediation in the global mediation community raises the most objections to the violation of the principles of voluntariness and neutrality [5].

The problem of directivity is closely related to the cognitive aspects of the interaction of the parties in the mediation process. First of all, this concerns the degree of specialist’s interference in the substantive aspects of the dispute, and on the other hand, the degree of cognitive activity, freedom of choice and responsibility of the parties [10].

The problem of directiveness in relation to judicial mediation seems especially important as many authors believe that directive mediation is not a mediation at all, but rather can be considered as a pre-trial meeting. It should also be noted that directiveness is the most problematic characteristic along which the dividing line between different types of mediation passes.

Under “directive”, researchers understand the degree of mediator intervention in the mediation process, which manifests itself in two directions:

a) the level of expert directiveness, that is, the activity of mediator participation in solving substantive issues in one or more of the following ways:

- providing the parties with factual information on various aspects of the dispute, including its judicial prospects;
- statement of the “diagnosis”, the subjective interpretation by the mediator of the situation itself, the characteristics of its participants, their behavior, etc.;
- the formulation by the mediator of the agenda items of the negotiations;
- recommendations to the parties on the implementation of certain actions or abandonment of them;
- advice on making a decision;
- the number of questions asked by the mediator;
- formulation of the text of the final agreement by the mediator himself.

b) the level of procedural power of the mediator, which includes`:

- detail and rigidity of the mediation procedure introduced by the intermediary himself;
- the introduction and maintenance of the rules of interaction in mediation by the intermediary himself;
- resolving procedural issues that were not initially agreed upon and arise during the negotiation process by the mediator himself, for example: choosing the party who will be the first to talk about his vision of the problem, determining the order of discussion of issues from the agenda, determining the need for a caucus, choosing the party who will be the first to take part, etc.

The degree of procedural directivity in the application of classical mediation can be completely different. The mediator can appeal to the need to comply with the rules defined by him to ensure the effectiveness of negotiations when it comes to the procedure.

As for mediation in court, it often requires considerable rigidity in observing the rules of mediation, since parties who are in emotional confrontation are prone to accusations of each other up to insults. The emotional tension provoked by the judicial review situation in itself creates significant discomfort, however, this characteristic feature of judicial mediation does not contradict the basic principles of mediation and negotiations in a cooperation strategy should remain an unchanged component of the whole process.

However, it should be noted that the directive behavior of the mediator can block the ability to find the best solution, since only the parties are experts on their own problem. The mediator inevitably relies on limited knowledge of the existing dispute, this is due to the fact that often very important information that changes the whole picture is silent or comes from clients closer to the end of mediation.

The reasons for silence can be very different: insufficient trust at the beginning of the process, incomplete awareness of the importance of the information by the client, as well as a situation where the information negatively characterizes one of the parties etc.

A separate group may include integrative mediation, which is focused on solving problems and achieving goals, and the agreement reached should be based on the interests of the parties. The main result of this type of mediation is agreement, all other issues are not as significant. Of course, one cannot fail to notice

the tendency to switch to a directive model, and the use by the mediator of pushing the parties towards an agreement, and sometimes pressure, if the parties are not inclined to make mutual concessions and negotiate. It is possible that this type of mediation should be attributed to the above-mentioned group.

The next model of mediation, which we are going to consider, is a transformative [8] or humanistic [10] one, which suggests that the mediator enables the parties to maximize their potential and does not set any stages, norms and rules. The mediator's function is to develop an action plan to improve the situation, but when resolving the contradictions, the feelings and emotions of the parties are not ignored.

The starting point for transformative mediation as a separate school was 1994, when the book of American mediators Robert Bush and Joseph Folger "The Promise of Mediation. Transformative Approach to Conflict" [1]. It should be noted that this work quickly gained wide fame and recognition among experts in the field of dispute resolution, causing a simultaneous surge of interest and criticism in their address.

The dispute resolution in the transformative model is not the main criterion for the success of mediation, and the effectiveness of the specialist's actions is judged by whether the mediator was able to contribute to the transformation of the conflict by intervening using the communicative techniques available in his arsenal. This approach allows participants to determine the course of mediation, while the mediator follows them without giving any instructions. It can be said that the transformational approach to mediation is, in a sense, aimed at freeing the parties from quick, superficial agreements under the pressure of the court. The role of the mediator is to establish a dialogue and remove emotional tension, which will allow the parties to the conflict to agree on their own and not bring the matter to court. In a number of countries, in particular in the USA, Czech Republic, France, mediators, supporters of the transformative approach, actively interact with the courts, while striving to improve relations in the interaction of the parties through transformation. Even if the parties do not conclude an agreement, the court accepts their work with the mediator. In the United Kingdom, Australia and Argentina, mediation is mandatory before the arbitral tribunal begins to consider the case,

and, as foreign experience shows, 60–80% of all cases are resolved without judicial intervention.

The narrative approach to mediation was developed by psychologists from New Zealand, Gerald Monk and John Winslade. This approach to mediation is based on a postmodern philosophy, in particular, on the assumption that people live and act in models, descriptions of reality created in the interaction of people, and none of these descriptions can be considered true. It is natural that these descriptions differ in degree of coherence and credibility, as well as in what opportunities they provide for people to realize their preferred life story.

The narrative approach to mediation suggests that it is necessary to take into account the fact that people live their lives in accordance with certain stories, and therefore the plots and meanings are more important for them than the facts and causes that lead to conflict. Accordingly, in mediation, it should be borne in mind that it is possible to play two conflicting narratives with different thematic elements. Moreover, each story will be built in such a way as to be as believable as possible. It should also be expected that each of the stories, respectively, will set its own set of possible scenarios.

The mediator, in our opinion, needs to listen to the history of the conflict in the context of discourses, clearly separate the history of the conflict from the “personal” stories, suggest the development of alternative stories that will contribute to the extinction of the conflict.

Representatives of systematic or cognitive mediation believe that disturbances in emotions and behavior in conflict often depend on errors in the cognitive process and a deficit in thinking. Under the influence of their own emotions in a conflict situation, people experience cognitive distortions. In this case, the mediator needs to help the parties recognize their own limitations in decision-making and establish effective communication between the conflicting parties. This mediation is called systematic because consists of repeating cycles for testing problems identified in the process of mediation.

Ecosystem mediation and its variant – mediation focused on the family as a system, emphasize that the parties involved in mediation do not exist in isolation, and take into account a map diagram of how certain decisions will affect the system and its elements. Ecosystem mediation is mainly aimed at resolving family

conflicts and is based on the theory of systems, which allows understanding various family structures, relationships and behaviors and helping to restore broken relationships.

By analyzing the interaction of all elements of the system, the mediator promotes joint decision-making by all participants in the process, while the mediator remains neutral. Naturally, it is assumed that reaching agreement on specific problems will contribute to improving relations between the parties, which is also one of the goals of the process.

The effectiveness of mediation and its expected result are closely related to the purpose of mediation.

The experience of using mediation in different countries, in particular in Russia, the USA, Poland, and others, indicates that there is a clear request in judicial mediation – to close the case either by reaching a settlement or by withdrawing the lawsuit. However, most judges prefer to deal with those mediators who provide this result as soon as possible. In our opinion, such a problem may arise in Armenia. Given the lack of time, the mediator's work often remains at the level of positions, which allows, in the best case, a compromise solution, rather than reaching a level of cooperation. At the same time, in many cases, the cause of the dispute is deeper and wider, and the court decision as well as the settlement reached directly on the subject of the lawsuit do not solve the problem itself. This implies the fragility of the agreement reached and the possibility of future conflicts.

Given the foregoing, we will try to determine a number of goals facing the mediation: 1) the settlement of the conflict at the level of positions; 2) reaching an agreement to withdraw the claim; 4) conclusion of a settlement agreement; 5) resolution of the conflict and conclusion of an agreement taking into account the interests of the parties; 6) the transformation of the parties' vision of the existing conflict and the modification of the relationship between the conflicting; 7) increasing the objectivity and realism of the parties in the perception and assessment of the causes of what is happening; 8) reorientation of the parties to jointly overcome the conflict situation.

The choice of the mediator's working style, in our opinion, should be based on the factor that the client, despite the complexity of the situation, the emotionality of her perception and the risk of making a mistake, is able to solve her problems

rationally and responsibly. He needs only some support and assistance in realizing his own potential. Moreover, no one other than the client himself can know how his problem should be solved. Intervention, imposing one or another vision of the problem and the possibilities of overcoming it, may interfere with the client's self-realization in choosing the really best solution for him. But at the same time, if a person has asked for help, this means that he does not have the resources necessary to solve the problem, needs the help of a specialist who better understands what is happening and how to cope with the existing difficulties. In such a situation, the application of mediation practice is not in dispute.

Regarding the issue of using a certain type of mediation or their combinations, the opinions of practicing mediators differ here. Some authors consider the combination of styles of mediation categorically impossible. They believe that their differences are fundamental, and the advantages of different types of mediation are mutually destroyed when they are used together, and the mediator loses qualifications. Other authors believe that the choice in each case is determined by the characteristics of the current situation and the characteristics of the parties. They do not see a problem in the coexistence of different types of mediation within one process.

We are inclined to hold a second opinion and believe that, subject to the basic principles of mediation, it is possible to flexibly adapt and develop an individual style that combines various techniques, which will ensure the success of mediation in court and its distribution in our country.

The use of mediation practices should also be built based on the national mentality and socio-psychological characteristics. Accordingly, in our opinion, facilitative mediation, which assumes minimal directivity and mediator's intervention in the content of decisions made, as well as observing the principles of neutrality, voluntariness, confidentiality, can become the dominant type of mediation in Armenia.

Our survey among specialists (mediators and judges), as well as a wide range of citizens who are not related to jurisprudence, revealed a number of problems:

- the procedure of mediation is inherently innovative for the modern Armenian mentality; accordingly, it is treated with some degree of distrust;

- the practical implementation of mediation procedures in Armenia was not widespread due to the low level of legal culture of the population and insufficient awareness of citizens;
- there are frequent cases when in the process of mediation the parties actively seek advice, but do not follow the recommendations received, changing the decision imposed on them;
- often the mediator's work remains at the level of positions, which allows us to resolve the issue at best at the level of compromise, rather than reaching the level of cooperation. In many cases, the cause of the dispute is deeper and wider, and a court decision, just like a settlement on the subject of a lawsuit, does not solve the problem itself. This leads to fragility of the agreement and conflicts in the future;
- the formation of mediation practices in Armenia is complicated by the unresolved issue of the forms of interaction between the mediator and the court.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буш Р., Фолджер Дж. Что может медиация. Трансформативный подход к конфликту. – Киев: Издатель Захаренко В.А., 2007. – 264 с.
2. Здрок О.Н. Медиация. – Минск: Четыре четверти, 2018. – 539 с.
3. Иванова Е.Н. Медиация в суде: проблемы директивности // Мат. конф. «Внедрение медиативных процедур в гражданское общество и практику работы судов. – СПб, 2011. – СС. 22–28.
4. Иванова Е.Н. Современная медиация: тенденции и проблемы / Конфликтология, № 1, 2011. – СС. 146–168.
5. Иванова Е.Н., Андреева О.И. Специфика медиации в суде. Опыт петербургских медиаторов // Информация с сайта «Лига Медиаторов» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arbimed.ru/specifika-mediacii-v-sude.-opyt-pet> (Дата обращения: 24.11.2019г.).
6. Карпенко А.Д., Краснопевцев А.С. Проведение эксперимента по внедрению медиации у мировых судей [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

- http://usd.spb.sudrf.ru/modules.php?did=2&name=press_dep&op=3 (Дата обращения: 24.11.2019г.).
7. Паркинсон Л. Семейная медиация (2-е изд-е) – М.: МЦУПК, 2016, 316 с.
8. *Benjamine D.* Escaping the Tyranny of Professionals: Determine Fitness to Mediate // Информация с сайта «Mediate.com» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mediate.com/articles/benjamin38.cfm> (Дата обращения: 24.11.2019г.).
9. *Boserup H.* Advanced techniques and dilemmas in mediation // Информация с сайта «Mediator.dk» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mediator.dk/?P=Advanced-Techniques.1.21.19.0.i> (Дата обращения: 24.11.2019г.).
10. *Pynchon V.* Evaluative, Facilitative, Transformative, Directive, oh, my! // Информация с сайта «Mediate.com» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mediate.com/articles/PynchonVb120080204.cfm> (Дата обращения: 24.11.2019г.).

ՄԵԴԻԱՏԻՎ ՊՐԱԿՏԻԿԱՆԵՐԻ ՕԳՏԱԳՈՐԾՈՒՄԸ ՔԱՂԱՔԱՑԻԱԻՐԱՎԱԿԱՆ ՎԵՃԵՐԻ ԼՈՒԾՄԱՆ ԳՈՐԾՆԹԱՑՈՒՄ

Հ.Վ. Մանուկյան

hmayakmanukyan@gmail.com

Կիրառական հոգեբանության ամբիոնի ասպիրանտ

*Խ. Աբովյանի անվան Հայկական պետական մանկավարժական համալսարան
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում քննարկվել են համաշխարհային պրակտիկայում օգտագործվող հակամարտությունների այլընտրանքային լուծման տարբեր տեսակներ, նախանշվել է Հայաստանի Հանրապետությունում մեդիատիվ ընթաց-

ցակարգերի լայն տարածմանը խոչընդոտող խնդիրների շրջանակը: Իր ճկունության և դիսպոզիտիվության շնորհիվ վեճերի կարգավորման այլընտրանքային միջոցները թույլ են տալիս մշակել խնդրի առավել համարժեք լուծում, ինչը նպաստում է քաղաքացիական-իրավական վեճի մասնակիցների կողմից իրավիճակների խաղաղ և ինքնուրույն լուծման մշակույթի ձևավորմանը: Եվրոպական երկրներում և ԱՄՆ-ում կիրառվող մեդիացիայի տարբեր մոտեցումների ուսումնասիրության հիման վրա հանձնարարականներ են տրվել մշակել ՀՀ-ում հաշտարար ընթացակարգի (մեդիացիայի) համաձայնեցման օպտիմալ մոդելը:

Քանալի քառեր՝ դասական, ինտեգրատիվ, ճանաչողական, էկոհամակարգային մեդիացիայի տեսակներ, փոխակերպվող մոդել, նարատիվ մոտեցում, դիրեկտիվության խնդիր:

THE USE OF MEDIATION PRACTICES IN RESOLVING CIVIL DISPUTES

H. Manukyan

hmayakmanukyan@gmail.com

*Postgraduate student, Department of applied psychology
Khachatur Abovyan Armenian State Pedagogical University
Yerevan, Republic of Armenia*

ABSTRACT

The article discusses various types of alternative conflict resolution used in world practice, outlines a range of problems that impede the widespread dissemination of mediation procedures in the Republic of Armenia. Due to their flexibility and dispositiveness, alternative methods of dispute resolution allow to

develop the most adequate solution to the problem, which contributes to the formation of a culture of peaceful and independent resolution of situations by participants in a civil dispute. Based on the study of various approaches to mediation used in European countries and the USA, recommendations are given on developing an optimal model for reconciling the conciliation procedure (mediation) in the Republic of Armenia.

Keywords: classical, integrative, cognitive, ecosystem mediation; transformative model, narrative approach, directivity problem.

Информация о статье:

*статья поступила в редакцию 05 ноября 2019 г.,
подписана к печати в номер 5 (9) / 2020 – 11.02.2020 г.*

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ

Научно-методический журнал

Главный редактор

Саркисян И.Р. – д.п.н., профессор, академик Академии образования Великобритании, действительный член Академии образования и воспитания РФ; профессор кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Российско-Армянского университета (РАУ); профессор кафедры русского языка Армянского государственного педагогического университета им. Хачатура Абовяна.

Составитель, технический редактор и вёрстка

Акопян А.С. – ст. преподаватель кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Российско-Армянского университета (РАУ); преподаватель кафедры русского языка Армянского государственного педагогического университета им. Хачатура Абовяна.

Корректоры:

Акопян А.С., Мхитарян А.М., Мурадян К.Г., Акопян В.В.

ORCID: 0000-0001-9263-6791

Адрес Редакции научных изданий
Филиала Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова в г. Ереване:
0025 РА, г. Ереван, ул. Вардананц 17
тел.: (+374 11) 900 110, (внутр. 101, 102)
e-mail: po@msu.am

Заказ № 11

Подписано к печати – 10.03.2020 г.
Формат 14,8x21. Бумага офсетная № 1.
Объем – 180 стр. Тираж 200 экз.